№2 (10) ноябрь 2011

heraldofarda.ru
hoa.su

Вестник Арды

литературно-публицистический журнал

Тема номера:

Да благословит Тор эти руны!

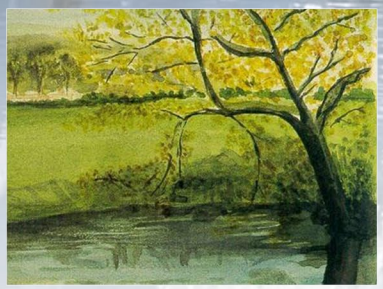
Странствия по девяти мирам скандинавской мифологии

Сотворчество

Поездки на гитаре

Эксклюзивное интервью с Людмилой Смеркович (Скади)

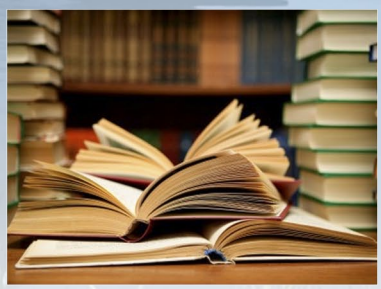
Заглядывая в Средиземье



Фантазия и реальность

или Зачем читать книги Дж. Р. Р. Толкина

Книжная полка



Фэнтези и фантастика

Ищем что почитать

Содержание

Тема номера:
Да благословит Тор эти руны!

04 Морской народ

10 Корни мирового древа

12 Рагнарёк: в ожидании конца

16 Средиземье и средневековье

18 Gandálfur í Héraði

Магия слова

20 I carir quettar ómainen

Заглядывая в Средиземье

24 Фантазия или реальность

28 Отражение

Сотворчество

40 Поездки на гитаре

Виварий

44 Загадка Средиземья: тролли

Поэтический листок

27 Дорога сквозь миры

Книжная полка 48

Слово редактора

Сегодня, придя в библиотеку и попросив, к примеру, «Старшую Эдду», вы (если вам так же повезет, как и автору этой заметки) можете стать свидетелем любопытнейших феноменов… Удивленный взгляд библиотекаря, молодой барышни, замечание, что смотреть надо в детской литературе. Впрочем, и там эта книга может не найтись, а означенная барышня к тому времени, как ваш поиск закончится, успеет сделать вывод, что вы наверняка изучаете историю и выполняете какое-то задание, связанное со скандинавскими мифами. От всей души желая помочь, она предложит вам кратное их изложение – ведь зачем же читать целиком?..

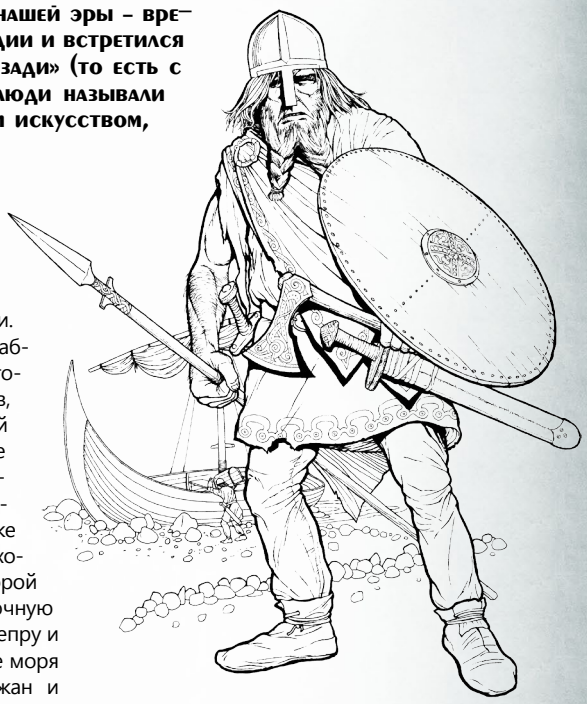
Но для тех, кто ищет грань между ***фантазией и реальностью****, для тех, кого манит зов родины* ***троллей****, краткого изложения будет мало. И верно это не только для скандинавских мифов, но и для всего, что создано благодаря человеческому воображению – вряд ли сухая выжимка из фактов, цитат и имен будет хорошим путеводителем тем, кто решит вступить на* ***дорогу по иным мирам****. Иное дело – песня менестреля, вернувшегося из* ***поездки на гитаре****. Эта песня может напомнить нам об удивительных существах, которые* ***создают слова своими голосами*** *и которые, как писал Дж.Р.Р. Толкин, отражают определенную грань нашей души. Эта песня может побудить нас вновь обратиться к книгам, которые для нас важны, и взять одну из них с* ***книжной полки****. Эта песня может помочь нам увидеть те грани в наших любимых героях, на которые мы раньше не обращали внимания, и сформировать их новое* ***отражение*** *в собственном сознании.*

Да благословит Тор эти руны!

Минуло много веков, с тех пор как последний знающий тайны асов мастер вырезал на камнях руны. Давно не слышно песен скальдов, утихли рассказы о ратных подвигах – лишь ветер, гуляющий между камнями, обращает в пыль наследие ушедшей эпохи. И все же, что-то заставляет нас обращаться к полустертым манускриптам, древним ритуалам, которые мы все еще совершаем, позабыв их смысл, сагам о богах и героях, в которых разучились верить. Может быть, для нас ценно то самое смешение культур, которое имело место в Исландии, когда вопреки человеческим предрассудкам старая традиция с пришествием новой была сохранена? Может быть, нам в эпоху эгоизма не хватает несгибаемой верности долгу, присущей, по словам Тацита, скандинавам? Может быть, мы жаждем волшебства в мире, где все разложили по полкам?.. Так или иначе, мы все еще пытаемся понять, о чем молчат камни, на которых неведомый мастер вырезал странную надпись. Мы чувствуем, что в ней есть что-то важное, и порой в нашей голове проносится мысль: «Да благословит Тор эти руны!»

Морской народ

Первые упоминания о жителях Скандинавии относятся еще к I веку до нашей эры – временам императора Октавиана Августа, чей флот достиг побережья Ютландии и встретился там с народом мореходов, корабли которых «имели нос спереди и нос сзади» (то есть с обоих концов загибались вверх, подобно носам римских трирем). Эти люди называли себя свеарами и, по утверждению историка Тацита, были славны боевым искусством, сребролюбием и несгибаемой верностью долгу.



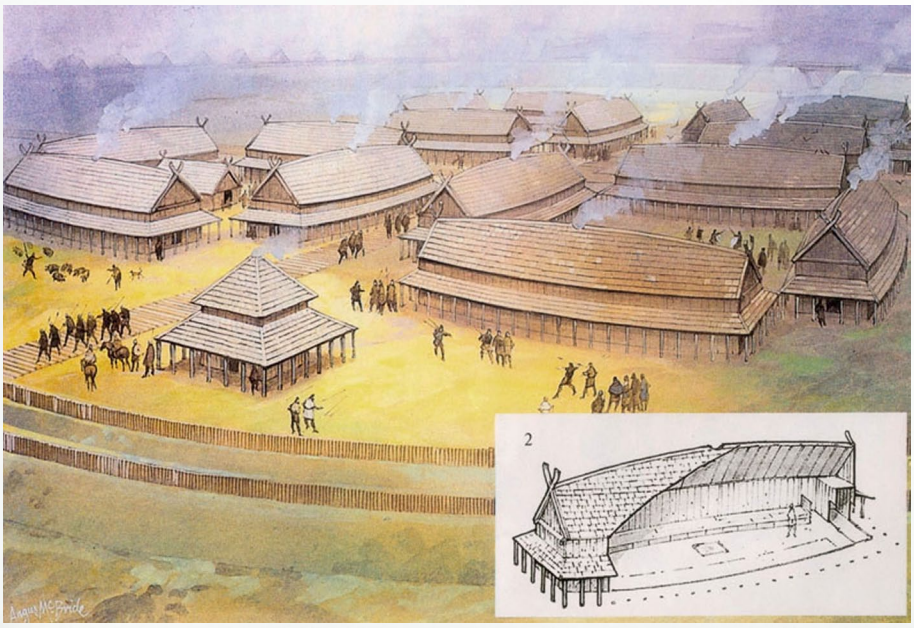
Так начались торговые сношения римлян со скандинавами. Во многих местах полуострова сейчас находят клады с римскими золотыми монетами и золотыми же медальонами с изображением императоров – ими Римская империя награждала дружественных вождей. К V веку золота стало еще больше: именно Скандинавский полуостров был родиной готов , вандалов, англов и других германских племен, обрушившихся в это время на Рим. В Швеции и сейчас две южные области носят название Вестеръётланд и Эстеръётланд – соответственно Западная Готия и Восточная Готия, – а жителей острова с говорящим названием Готланд «готами» называли еще в XIV веке. По правде говоря, тогда из Скандинавии вышло столько варварских племен, что измученные римляне всех новых варваров относили к жителям «острова Скандзы».

Когда Великое переселение народов закончилось, Европа погрузилась в пучину Темных веков. Торговля почти прекратилась за отсутствием денег – римские золотые монеты постепенно изнашивались, а новых многочисленные «консулы», «патриции» и «префекты» Запада (то есть варварские короли на территориях, некогда бывших Западной Римской империей) не чеканили, старые торговые связи между разными регионами потихоньку сходили на нет, и о Скандинавии на время забыли. Снова на историческую сцену потомки свеаров вышли – и уже в совершенно ином качестве – как ужас всей Европы – в VIII веке.

Набеги с севера

Первый известный истории налет викингов был совершен 8 июля 793 года на Линдисфарн – монастырь на маленьком острове у берегов Англии. Монахов перебили или захватили в рабство, а золото увезли с собой. После этого начинается целая череда походов, кровавых набегов, дальних плаваний и дерзких предприятий: разграбление Англии, Шотландии и Ирландии в начале VIII века, атаки на Францию, Голландию, Западную Германию и даже Швейцарию (по рекам их корабли заходили далеко вглубь континента) во второй его половине, проникновение в Восточную Европу в IX веке, когда викинги по Днепру и Волге выходят в Черное и Каспийское моря и совершают походы на Азербайджан и даже Второй Рим – Константинополь. Тогда же они проникают через Гибралтар в Средиземноморье, где впервые терпят поражение от иберийских арабов. И наконец, плавания Эрика Рыжего и Лейфа Счастливого в X веке через Северную Атлантику в Исландию, Гренландию и Винланд (нынешняя Новая Англия в США).

Можно сказать, викинги огнем и мечом прошлись по всему тогдашнему миру, известному человеку Запада, и везде оставили свои следы. Впрочем, они не просто грабили и жгли: кое-где их вожди создавали новые государства, в которые активно переселялись выходцы из Скандинавии. В 911 году франкский король Карл Простак согласился отдать предводителю викингов Грольфу Пешеходу широкую долину в нижнем течении Сены в обмен на принятие христианства и клятву вассала – так появилось герцогство Нормандия. В 1017 году один из нормандских потомков Грольфа, Райнульф Дренго, высадился в принадлежащей тогда византийским грекам Южной Италии и завоевал здесь для себя графство Аверса, позже разросшееся до Сицилийского королевства. Очень активно действовали викинги на Британских островах. Уже в IX веке их поселения появляются в Шотландии и Северо-Западной Англии. Вскоре там возникают их королевства – Область датского права (Дейнло) со столицей в Йорке (который был основан как раз викингами), островные королевства Оркней и Мэн. А в 1015 году норвежский ярл Кнут был провозглашен королем Англии и Шотландии. То же происходило в Ирландии – весь восток острова был захвачен северянами, которых местные кельты называли фингалами (светловолосыми чужеземцами). Здесь возникло несколько королевств, центрами которых стали такие основанные викингами крепости, как Дублин или Лимерик. А цепочка крепостей, зимовок, баз викингов на «пути из варяг в греки» (самым известным из которых является Гнездово под Смоленском) во многом стала костяком Киевской Руси. Кроме того, сильные и смелые скандинавские наемники активно приглашались в армии государей по всему Средиземноморью. Так, византийского императора охраняли варанги – особый ударный корпус, составленный из выходцев из Северной и Восточной Европы. А против армий христианских королевств на Пиренейском полуострове сражались отряды «сакалиба» – «белых людей» – так арабы



Ангус МакБрайд "Треллеборгский военный лагерь". Дания X-XI вв.

Модель города шведских викингов Бирка (масштаб 1:30) показывает приблизительный вид поселения в 800 г.

именовали поступивших к ним на службу викингов-наемников. В X веке, после распада Кордовского халифата военачальники из числа «сакалиба», принявшие ислам, стали самостоятельными эмирами, основав свои государства в отдельных частях современной Испании.

ВИКИНГИ - КТО ОНИ?

Кем же были эти пришельцы с холодного Севера, оставившие столь заметные следы в истории Европы? Кто стал известен хроникам под именами викингов, варягов, варангов, данов, фингалов, норманнов и многими другими?

Прежде всего, надо сказать, что этнически викинги вряд ли представляли из себя единую нацию. Пиратские и разбойничьи ватаги – всегда полный интернационал, и среди северных воителей встречались датчане, шведы, норвежцы, готы, фризы и выходцы из многих других земель. Скорее всего, среди них были и славяне – руяне и ободриты, жители южного и восточного побережий Балтийского моря. Они также славились как отважные мореходы и воители. Однако когда говорят «викинги», речь чаще всего идет о представителях трех скандинавских народов – шведах, датчанах и норвежцах.

Рабы.

В эпоху викингов в Скандинавии только-только начинали складываться три привычные нам королевства. Люди жили общинами рыбаков и земледельцев. Все скандинавское общество было поделено на три сословия, «извечность» которых была отражена в мифе о трех сыновьях трех семей: глупом и грязном Трэле – предке всех рабов; умном и работящем Карле – предке всех крестьян; и храбром и сильном Ярле – предке всех вождей, которым их статус даровал сам бог Хеймдалль.

Ниже всех по социальной лестнице были рабы. Потомков Трэля по определению считали существами грязными, глупыми, подлыми и трусливыми, как их предок. Ходила даже поговорка: «Раб никогда не мстит» – а умение вовремя и с толком отомстить обидчику у скандинавов ценилось очень высоко. Рабам коротко стригли волосы, они носили одежду из грубой некрашеной ткани, им не дозволялось носить оружие. Худшим оскорблением для викинга было сравнение с рабом, а самым страшным позором – смерть от руки раба. Известен случай, когда раб Карк был казнен за то, что принес норвежскому королю Олафу Трюггвасону голову его врага ярла Хакона, т.е. поднял руку на свободного, хоть и злодея.

Крестьяне.

Большая часть населения всех скандинавских стран составляли свободные земледельцы-фермеры – бонды. Они пахали землю, ловили рыбу (особенно на севере). Одежда их состояла из длинной шерстяной рубахи, коротких мешковатых штанов, чулок и прямоугольной накидки у мужчин, кофты и юбки – у женщин. Жили родовыми общинами – кровные узы, узы родства или побратимства были основополагающими в обществе викингов, как и в любом другом раннем обществе. Большое значение имел обычай кровной мести. Мстили за все – за оскорбления, увечья, нанесенный ущерб. Умение продумать и осуществить свою месть считалось одним из величайших талантов мужчины, убийство в поединке – хольмганге – не считалось преступлением, а клановые войны, когда месть вызывала новую месть и так до бесконечности, являлись отличительной чертой общественной жизни. Впрочем, далеко не всегда споры разрешались этим способом. Обиженному можно было компенсировать его потерю, заплатив вергельд – определенное количество серебра или других драгоценностей по установленному обычаем тарифу. Наиболее страшным наказанием для викинга было изгнание из общины – тогда он становился изгоем и прятался в лесах или пустошах точно волк – ведь теперь его ничто не защищало и любой мог убить его. Общины состояли из больших патриархальных семей, в которых сыновья со своими женами жили вместе с родителями. Главенствовал в такой семье патриарх – старший мужчина. Для решения дел внутри общины созывался тинг – собрание свободных мужчин, на котором председательствовал годи – родовой жрец. Тинг вершил суд и решал дела, касающиеся всей общины.

Фермерское хозяйство представляло собой группу домов и хозяйственных построек, окруженных забором из дерева или камня. Главный дом обычно был длинным (ширина к длине соотносились пример-

Реконструкция датского жилища времён викингов

но один к пяти) сооружением из дерева и дерна или из прутьев, обмазанных глиной, наподобие мазанки. В одном конце такого дома находились стойла для скота, в другом – жилые помещения – длинные комнаты, в центре которых на возвышении горел открытый очаг, дававший свет и тепло. Мебель в доме фермера была незамысловатой – чаще всего, это были просто лавки, расположенные вдоль стен, на которых и сидели, и спали. Свет, помимо очага, давали лампы, заправленные тюленьим жиром, а также небольшое отверстие в крыше. Под ним обычно находилось почетное место в доме, на котором на высоком кресле восседал патриарх. Для тепла стены покрывались шкурами, кроме того, зимой теплом (и запахами) веяло из загонов для скота. Деревянные опоры, на которых держалась крыша дома, часто украшались изображениями домашних богов-покровителей. При переезде семьи в другое место их обычно брали с собой. Существовал обычай – перед прибытием на новое место резные столбики выкидывали за борт и селились там, куда их выкидывал прибой. Сильная рассеченность местности горами, суровая природа и сравнительно большие территории приводили к тому, что фермерские усадьбы стояли далеко друг от друга, и земледельцам приходилось рассчитывать исключительно на себя. Это развивало предприимчивость и свободолюбие среди бондов – не случайно Скандинавия никогда не знала крепостного права, а крестьяне играли активную роль в тамошней политической жизни.

Торговцы.

Фермеры по максимуму использовали то, что давала суровая северная природа. Археологические раскопки на территории Норвегии говорят о том, что земледельцы старательно расчищали землю от камней, увеличивая тем самым свои наделы. Кроме того, в VII–VIII веках климат в очередной раз потеплел, что позволило развиться сельскому хозяйству. Как результат, начало расти население. Впрочем, часть продуктов все равно приходилось закупать в других землях, так как, даже учитывая потепление, выращивать удавалось далеко не все – например, по подсчетам историков, весь хлеб, что давала норвежская почва, должен был уходить на пиво. Так что постепенно растущему населению становилось все теснее в своих родных горах и прибрежных долинах, и многие решили испытать счастья в чужих землях. Именно перенаселенность подтолкнула скандинавов искать счастье за морем, породив то, что мы называем эпохой викингов, тем более что пути уже были известны.

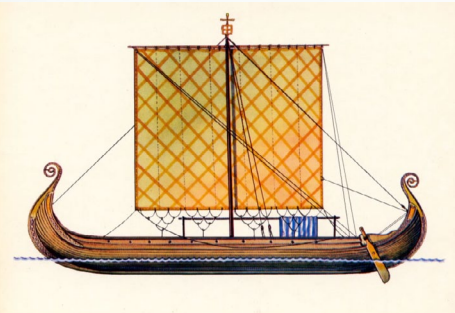
Неплодородные почвы породили и особые отношения скандинавов к морю – волей-неволей пропитание приходилось добывать не только на земле, но и в море, как следствие – развилось рыболовство, а с ним и морское дело. О моряцких навыках скандинавов писали еще античные авторы. В раннее же средневековье жители полуострова строили, пожалуй, одни из лучших кораблей в тогдашнем мире – длинные (до 30 метров) боевые драккары (корабли-драконы), чуть меньшие шнеккары (корабли-змеи) и широкие грузовые кнорры. Все они ходили как под парусами, так и на веслах, и отличались отменной мореходностью, позволяющей пускаться в дальние странствия, и сравнительно небольшим весом, благодаря которому корабли можно было перетаскивать по волокам из одной реки в другую. Викинги любили свои суда и связывали с ними множество религиозных обрядов. Так, при спуске судна на воду обычно закалывали нескольких пленников, чьей кровью смазывали борта корабля, как бы принося их ему в жертву – к слову, этот обычай распространился по всей Европе, только христианская мораль заставила заменить человеческую кровь на красное вино, а позже – на шампанское. Нос корабля обычно украшали фигурой дракона или другого чудовища – считалось, что она будет отпугивать злых духов. В кораблях же обычно и хоронили – сжигали, а потом насыпали над прахом курган или топили корабли с покойниками в море.

Ангус МакБрайд "Набег викингов на побережье Ирландии"

Вожди.

Правящую элиту викингских обществ представляли ярлы – изначально племенные вожди, возглавлявшие ополчения – лейдинги. Ярл был обязан содержать отряд воинов – хотя бы один драккар, но чем больше, тем лучше. Лидеру викингов предполагалось быть не только храбрым, но и щедрым – награбленное имущество воспринималось не только и не столько как собственно материальная ценность, но прежде всего как признак удачливости вождя. Считалось, что золото и серебро притягивают к себе удачу, поэтому они особенно ценились викингами, хотя и необычным образом: как средство обмена они почти не использовались (в этой роли выступали обычно меха), но, раздавая своим бойцам золотые и серебряные украшения (особенно часто в роли наград выступали винтовые браслеты), ярл не столько платил им за службу, сколько делился с ними своей удачей. Отсюда же происходили и знаменитые дружинные пиры – уважающий себя вождь должен был славиться не только храбростью, но и хлебосольством. Потому же на территории Скандинавии (как, кстати, и Руси) находят столько кладов – зарывая драгоценности в землю, их владелец пытался сохранить свою удачу навечно и даже в мире ином. Клады викингов вообще очень интересны – в них находят предметы искусства со всего мира. В одном из могильников Швеции был найден даже Будда китайской работы, неизвестно через сколько рук попавший в Скандинавию.

Наиболее удачливый ярл мог стать конунгом – королем. Королевская власть во всех государствах полуострова сформировалась довольно поздно – к X–XI векам, и наследственной не была – вплоть до XVII–XVIII веков датского, норвежского и шведского королей выбирала местная знать. Выбирали чаще всего из нескольких наиболее известных и удачливых родов в государстве.



Корабли викингов. Драккар (слева), кнорр (по центру) и шнекарр (справа)

Такими родами в Швеции, например, были роды Инглингов и Скьельдунгов, представители которых поочередно занимали трон. Такая система оставляла много возможностей для возникновения распрей и войн за престол и делала эфемерными все завоевания той эпохи. Так, Кнут Великий, завоевав Англию, столкнулся с соперниками в родной Норвегии и провел большую часть времени, пытаясь сохранить единство своей империи. Постоянные войны за власть были еще одной причиной активности викингов по всему миру – многим скандинавским аристократам было проще найти себе подходящее владение за морем, чем ввязываться в бесконечные распри на родине. Династические столкновения сильно досаждали и простым фермерам – настолько, что поселенцы в новооткрытой Исландии решили «обойтись без королей и преступников» и учредили республику, во главе которой стояло собрание всех свободных мужчин – альтинг. Исландия признала над собой власть короля Дании только в XIV веке, и то чисто номинально, только после истощения почв острова и начала зависимости от европейского зерна.

Военное искусство

Викинги обычно сражались пешими – в заморский поход лошадей не возьмешь. Их им заменяли «кони бурунов» – быстроходные драккары. Однако там, где им приходилось выступать в роли не налетчиков, а, пусть временных (как в Ирландии), но хозяев, кавалерийские отряды также имелись. В таких случаях обычно собирался хирд (в Англии – фирд) – ополчение всех жителей, возглавляемое местным ярлом или конунгом. Сражались обычно боевыми топорами и короткими копьями с наконечниками, которыми можно было и колоть, и рубить. У знатных воинов были одноручные мечи, заточенные только в верхней трети. Защитное вооружение было представлено чаще всего щитами, шлемами (кстати, голливудский образ викинга в рогатом шлеме – не более чем миф, согласно данным археологии, большинство скандинавских шлемов было без рогов), а у тех, кто был побогаче – кольчугами.

Отдельную воинскую касту викингов составляли берсеркеры – воины-медведи. Впадая в боевое безумие, они шли в бой без доспехов и ввергали противника в ужас своей яростью, силой и отсутствием инстинкта самосохранения. Секрет берсеркеров не раскрыт до сих пор. Есть разные версии о том, как они входили в такое состояние. Одни историки считают причиной этого наркотический угар после принятия отвара из мухоморов (подобные отвары использовались в ритуальных целях). Другие – что берсеркерство было наследственной психической болезнью, вроде эпилепсии – зачастую сын берсеркера берсеркером же и становился. Ясно одно – эти воины были как-то связаны с культами скандинавских божеств – не случайно в поздних сагах они выступают не как герои и образец для подражания, а как обычные бандиты – видимо, распространение христианства сделало этих воинов ненужными и тем самым вытолкнуло на периферию скандинавского общества.

Художники и мастера

Викинги прославились не только как отважные и жестокие воины и грабители, но и как создатели «северного стиля искусства», подобного которому в средневековой Европе не было. Притом, что в Скандинавии бытовало только декоративно-прикладное искусство, украшения носов кораблей, серег, ожерелий, хомутов, пряжек и прочих предметов являются настоящими маленькими шедеврами. Чаще всего сработали с деревом и позолоченной бронзой – и в ковке, и в резьбе скандинавские умельцы достигли высочайшего уровня мастерства. Центральным предметом «северного стиля» был Зверь. Звери – свирепые львы и медведи, грациозные олени, гибкие змеи и драконы – скалятся с оконечностей коромысел и корабельных носов, бегут по хомутам, переплетаются в самых невообразимых сочетаниях на обложках книг и оплетении колчанов. В виде животных делаются ручки кресел и рукояти мечей. Драконы изображаются на щитах викингов.

Непосредственно с резьбой связан и скандинавский алфавит – futhark, названный так по первым шести буквам.

Скандинавская фибула. Серебро. «Звериный стиль». Национальный музей Копенгагена.

Возникший еще в начале нашей эры, он изначально был создан для резьбы по дереву, и поэтому его 16 букв (F, U, TH, A, R, K, H, N, I, A, S, T, B, M, L, R) представляют из себя пересекающиеся под разными углами черточки – так их легче было наносить острием на дощечку. Рунами как узорами зачастую покрывались украшения, и немудрено – прежде всего руническое письмена представляли собой магические формулы, и каждая из них имела определенный сакральный смысл. Такое двойное – как обычных букв и как магических символов – значение рун приводило к тому, что, несмотря на использование руническое алфавита и во вполне бытовых целях, значительная часть дошедших до нас памятников – это священные тексты: записи мифов, надписи на амулетах и могильных камнях. Ведь само слово «руна» означает «тайна». Заклинания, написанные рунами, могли управлять погодой, исцелять больных, уберегать от кражи и даже воскрешать мертвых. Поэтому считалось, что руны должен резать только умудренный в подобных мистических тонкостях человек. В «Саге об Эгиле» говорится о том, как неумелый колдун чуть не уморил больную, положив ей под подушку табличку с неправильными рунами, и она была спасена лишь после того, как это горе-заклинание бросили в огонь. «Рун не должен резать тот, кто в них не смыслит» – выводил мораль автор саги.

Поля Скандинавии наполняли рунные камни – поставленные вертикально валуны, испещренные надписями. Чаще всего они были немыми (впрочем, зная о вере викингов в магическую силу рун, можно сказать, что не такими уж и немыми) свидетелями былой славы северных воителей. Эти камни ставились в честь умерших героев, и надписи на них повествовали об их подвигах.

Ангус МакБрайд "Воины-викинги" (IX-Хвв.)

ВЕРОВАНИЯ

Викинги представляли себе Вселенную как несколько миров, населенных разными существами и связанных мировым деревом – ясенем Иггдрасиль . Мир людей – Мидгард (дословно «Срединная усадьба», почти «Средиземье») находится в центре мироздания и окружен морем, в котором лежит мировой змей Йормунганд, кусающий свой хвост. За океаном лежит Утгард («то, что за оградой») – мир вечной зимы и злобных великанов-турсов. Под Мидгардом существует загробный мир – Хель, мир смерти и ужаса. Где-то в небесах – два мира богов: Асгард, где обитают боги-асы, и Ванахейм, населенный богами-ванами. Асы и ваны изображены как вечно враждующие между собой силы, хотя считать, например, асов добром, а ванов злом нельзя. Хотя большинство скандинавских богов – Один, бог грома Тор, бог войны Тюр, богиня плодородия, Фрейя – асы, но, например, бог моря Ньёрд – ван. Их война скорее похожа на соперничество норманнских ярлов, чем на борьбу Света и Тьмы. Подлинной Тьмой в скандинавской мифологии выступают скорее существа из Утгарда – турсы, тролли и чудовища. Именно им суждено сражаться с богами и уничтожить их в последней апокалиптической битве – Рагнарёк.

Богам приносились жертвы, в том числе и человеческие. Викинги наводили ужас на европейцев, принося пленников в жертву богам – вешая в честь Одина, сжигая в честь Тора или закалывая в честь Тюра. Таким образом гибли даже короли – так, завоеватель Англии Ивар Разрушитель принес в жертву Одину уэссекского короля Эдмунда Железнобокого. Убивали рабов – наравне с конями и охотничьими псами при похоронах вождей – они должны были служить своим хозяевам в ином мире. Зачастую на погребальный костер восходила и одна из наложниц викинга, причем такая судьба считалась почетной – как закрепление статуса любимой, с которой хозяин не хотел расставаться и после смерти. Причем отказываться от погребальных жертвоприношений викингам было достаточно сложно – основатель Нормандии Хрольф, крестившийся и принесший присягу французскому королю, был похоронен отчасти по христианскому обычаю, однако на его могиле было заколото сто пленников.

Агнус МакБрайд "Женщины викингов" (1,3 - замужние женщины, 2 - незамужняя девушка)

При всем при этом, в тех местах, где скандинавские разбойники захватывали власть, они были очень веротерпимы – будучи сами новообращенными христианами, их конунги крайне редко проявляли религиозный фанатизм. Образцом такой политики может служить Сицилийское королевство, основанное нормандскими викингами, где до самого прихода к власти германских императоров вполне мирно уживались католики, православные, мусульмане и иудеи – редчайший случай в Средние Века.

Камень из Тенгельгерда (о. Готланд). Возможно, изображение на нем иллюстрирует миф о похищении Одином меда у гиганта Суттунга

КОНЕЦ ЭПОХИ

Конец эпохи викингов, как и ее начало, по иронии судьбы связаны с Англией. Последним походом считается попытка норвежского короля Харальда Сурового в 1066 году захватить Англию и восстановить империю Кнута Великого. Харальд пал в битве с войсками англосаксонского короля Гарольда Годвинсона в битве при Стемфордбридже – за две недели до того, как сам Гарольд падет в сражении при Гастингсе. По сути, эпоха викингов захлебнулась в собственном успехе – военные походы принесли огромную добычу и неслыханно подняли авторитет наиболее удачливых предводителей, которые начали захватывать власть и становиться уже не кочевыми «королями без королевств», а полноценными королями на тех или иных территориях. И как все правители, они начинали бороться за укрепление своей власти на своих землях, а значит – против самовольных ярлов и их дружин, то есть викингов. Изначально это даже подтолкнуло экспансию – недовольные уходили за море, но потом, когда на всех занятых потомками неистовых северных воителей землях утвердилась власть королей, викинги отошли в прошлое – их самочинным походам и вольнице больше не было места. Ярлы превратились в графов и герцогов, берсеркеры – в бандитов, языческих годи сменили католические священники. После XI века викинг – всего лишь персонаж прошлого.

Что же оставила нам эпоха викингов? Многое. В борьбе с викингами сформировались Англия, Шотландия и Ирландия. Северяне основали свои династии в Нормандии, Сицилии, Испании, на берегах Днепра. «Старшую» и «Младшую» «Эдды» – сказания о богах и героях, записанные в XIII веке в Исландии, и прочие саги переписывали и читали много столетий спустя. Особый всплеск интереса к культуре викингов начался с XVII века и достиг пика в веке XIX – во времена романтизма, когда стало модно черпать вдохновение из народных корней и славы национальной истории, великолепнейший пример которой – причем не только для Швеции, Дании и Норвегии – являли викинги. Тогда стали использовать образы той эпохи в литературе и искусстве, а скандинавские саги оттеснили на второй план Гомера и Вергилия. Сюжетами древнескандинавской мифологии вдохновлялись многие и в разных сферах – от Вагнера и Толкина до Гиммлера и современных рок-музыкантов. Собственно, именно скандинавская мифология и послужила основой для жанра фэнтези, какой мы его знаем. Но главное – в истории навсегда остался миф о свободных и бесстрашных мореплавателях и разбойниках, которому суждено было пережить века и стать основой целого пласта культуры.

Илья Старцев

***

Горы-звери, овцы-камни,
птицы-веретена
воткнуты в сквозные ризы
городов на склонах.
Зацепиться у обрыва,
в дар принять все дали!
…Но за полем отчего-то
вышки все – из стали!
Свечки в башнях – как уставшим
на плечи погоны,
как разменивать в долинах
дни, кресты и кроны.
Щель в ограде, свет в бойнице,
искорки на водах,-
пока в сердце не погаснут
зерна несвободы.
А тогда – глаз неба встречу
без щита, без стона.
И судьбы раскинут пряжу
Птицы-веретена.

8.07.2001

***

Возвращение с горы Эсья

Не ждет в конце вагон или седло,
А путь далек по-прежнему до дому.
А в мире между делом рассвело,
И птицы бледную стряхнули дрему.
Иди, скользи, переборов истому,
Вперед, на запад, раз на то пошло.

Вплыву я в город, словно НЛО,
Во фьорде вставший каменным паромом.
Теперь в горах все птицы мне знакомы!
Да только ночь… И стало бы тепло…
Подняться бы, как ворон, на крыло,
И не тонуть в земли сырых разломах!

А в мире в самом деле рассвело,
Затихли камни – тролли или гномы.
Не помню, что к горе меня влекло,
Но точно знаю, что найду я дома!
А путь мой был не зря:
с сырого склона
мне строки эти ветром принесло.

***

Кнут недоли – не тронул земли.
Серый зверь – не кружил над страной.
Реки олово льют.
Старой верной собакой на взморье улегся покой…
День прошел…

Но теперь моя воля проснулась –
Не стой под струной!

***

Сегодня нам на восток.
Границы неба тесны.
Нас скроет белый платок
с тугой булавкой луны.

Омоют раны ветра.
Спадет короста оков.
Сегодня тебе пора
на синий совет богов.

11 июня 2003
в самолете
Рейкьявик – Торсхавн

***

Направо – озеро из ртути.
Налево – сахарная синь.
И ремешок шуршащий между ними
поземка крутит.
У горы есть имя,
есть слово, приказавшее: «Застынь,
Конь каменный!
И плащ надень,
небрежно сметанный из двух отрезов:
мгла серой шерсти (снег, ручьев железо)
и синий шелк – бездонный день».
Он мхом расшит, он ветром прорван…

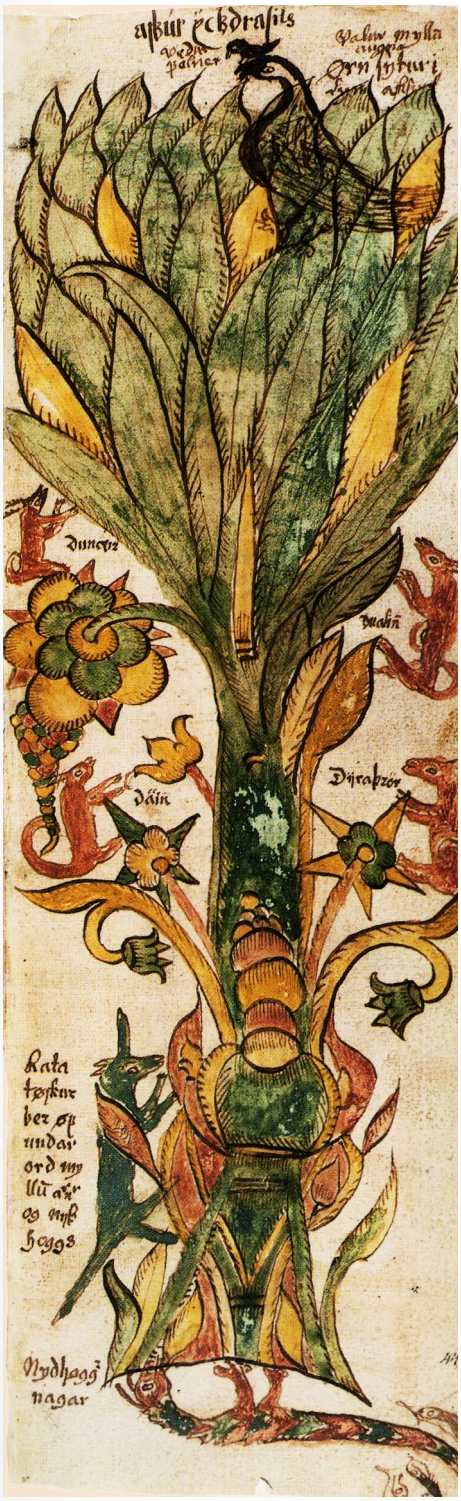
В снегах есть камень.
Живет там ворон
меж прядями воздушного руна.
Есть сны у туч.
У гор есть имена:
стальные молчаливые соцветья,
что мы лелеем в снах или стихах
под снегопада мокрой плетью, -
и вниз несем на стынущих руках.

28 сентября 2005, Исландия

Ольга Маркелова

Корни Мирового древа

Откуда нам известны предания о богах Севера? Насколько можно доверять существующим источникам? Почему «Старшая Эдда» вовсе не старшая и даже не «Эдда»? Не всякий человек, интересующийся скандинавской мифологией, задумывался об этом. Как и много лет назад, вопросов здесь больше, чем ответов. Мы предлагаем вам самим попробовать сложить эту головоломку.



Мировое дерево Игдрасиль с разнообразными животными, которые живут в нем и на нем. Исландская рукопись 17 века.

Уникальная культура

Письменность пришла в Скандинавию поздно, лишь после принятия христианства. Так, в Исландии, в культуре которой появились два важнейших произведения о скандинавской мифологии, принятие христианства датируют 1000 г, а первое упоминание о письменности относится к 1116 г[1]. Из-за этого бывает трудно выделить, что относилось непосредственно к языческим верованиям, а что – к их христианской переработке (или просто к изменениям, привнесенным христианским восприятием).

Уникальность исландских текстов заключается в том, что ничего подобного им не сохранилось ни в Скандинавии, ни в странах, говорящих на германских языках вообще: из Германии и Англии дошли только отрывочные сведения или эпос, переработанный в последующие века[2]. Это случилось благодаря тому, что принятие христианства в Исландии стало своего рода компромиссом между христианами и язычниками. В 1000 г. христианство пришло в Исландию из Норвегии. На альтинге (общее народное собрание) было решено примирить новую и старую веры: принимая христианство, исландцы не обязаны были строго следовать всем его требованиям – часть из них были сняты. Так, все еще можно было выбрасывать детей, которых не надеялись прокормить, есть конину и поклонятся старым богам, но лишь тайно[3]. Таким образом, в Исландии не было гонений против язычников и, следовательно, против языческой традиции. Неудивительно, что именно из этой своеобразной культуры до нас дошли самые известные «мифологические» тексты – «Старшая» и «Младшая Эдды».

Учебник поэтического искусства

«Младшая Эдда» была написана в 1222-1225 гг. исландским писателем и политическим деятелем Снорри Стурлусоном (1178-1241). Происхождение названия «Эдда» точно неизвестно, но существует несколько различных гипотез. Например, слово «Эдда» могло быть образовано от названия хутора, где родился Снорри – Одди, и тогда «Эдда» означает «книга из Одди», «книга Одди». Другая версия такое заглавие связывает со словом óðr в значении «поэзия», тогда «Эдда» можно было бы перевести как «Поэтика», но неизвестно, мог ли существовать в то время этот термин. Также есть предположение, что слово «Эдда» означает «прабабушка»: именно в этом смысле оно употреблено в одной древнеисландской песне, но и эта версия не подтверждена.

До нас «Младшая Эдда» дошла в четырех вариантах (списках), которые были созданы значительно позже оригинала. Это пергаменты из Королевской библиотеки Копенгагена (ок. 1325), Арнамагнеанского собрания в Копенгагене (ок. 1350), из Упсальской библиотеки (ок. 1300-1325), бумажный список из Утрехтской библиотеки (ок. 1600) и еще три фрагмента XIV в. также из Арнамагнеанского собрания. Название «Эдда» присутствует в двух из упомянутых списков, но нельзя определить, сам ли Снорри так назвал свою книгу или позднее это сделал кто-то за него. В этих же рукописях значится и авторство Снорри: там указано, что он «составил» или «велел составить» «Эдду». Поэты XIV-XV вв. не раз говорили об «Искусстве Эдды» в отношении тех приемов в поэзии, которые описывает Снорри[4].

«Младшую Эдду» можно назвать учебником скальдической поэзии. Так ее цель определяет сам автор: «Теперь следует дать наставления молодым скальдам, пожелавшим изучать язык поэзии и оснастить свою речь старинными именами или пожелавшими научиться толковать темные стихи»[5]. Действительно, последние две части «Младшей Эдды», состоящей из четырех частей, представляют собой «учебник» поэтики. В третьей содержится расшифровка некоторых кённингов, которые порой встречаются в рассказах о деяниях богов (например, рассказ о похищении Идунн) и людей (о Хрольве Жердинке, о Фроди и Гротти и др.), и списки хейти (что-то вроде поэтического синонима) для различных слов (женщина, золото, море и т.п.). Последняя часть – список стихотворных размеров с примерами, которые вместе образуют хвалебную песнь в честь норвежских правителей короля Хакона и ярла Скули.

Однако это произведение может быть интересно не только специалистам по скальдической поэзии и истории стихосложения. «Младшая Эдда» состоит из четырех частей. Первая – пролог, где сначала

1. Люблинская А.А. Источниковедение истории средних веков. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. С.300..
2. Там же.
3. Парменова Н. Средневековая Исландия.
4. Стеблин-Каменский М.И. Снорри Стурлусон и его «Эдда».
5. Скандинавский Эпос: Старшая Эдда. Младшая Эдда. Исландские саги. – М.: АСТ, 2008. С. 349.

Титульный лист манускрипта «Младшая Эдда», здесь изображён Один, Хеймдалль, Слейпнир и другие герои скандинавской мифологии, 18 век

описывается происхождение человека (христианская версия), а затем рассказывается история о людях, называвших себя асами, которые пришли из Азии (для средневековых трудов характерна «наивная этимология») на Север, следуя предсказанной судьбе. В прологе асы – могущественные короли со своими преданиями о богах, за которых они потом себя выдают. То есть здесь языческие боги представлены как люди, правители древности[6]. Однако во второй части «Эдды» конунг Гюльви, желавший узнать секреты асов, отправляется к ним (это самая известная часть «Младшей Эдды» – «Видение Гюльви») и оказывается в зачарованном чертоге перед Высоким, Равновысоким и Третьим. Гюльви задает им вопросы касательно скандинавского пантеона, и они рассказывают ему всю мифологическую историю. Важно отметить, что многие германские мифы сохранились только в изложении Снорри. Например, в «Старшей Эдде» есть лишь намеки на сюжеты, касающиеся строительства Асгарда, пленения Фенрира, смерти Бальдра, путешествия Тора и Утгарда-Локи и др. Таким образом, часть повествования «Младшей Эдды» основана на не дошедших до нас песнях или даже взята непосредственно из устной традиции.

Спорное отношение к богам

Любопытно, что в самом «Видении» (не считая его обрамления) нет никаких попыток объяснить богов как людей – они описаны там как боги, в которых действительно верят. Например, существуют практические «бытовые» советы: обрезать ногти умершим, чтобы отсрочить Рагнарёк, или бросать обрезки «что остаются от носка или от пятки, когда кроят себе башмаки», чтобы в последней битве помочь Видару (*Скандинавский эпос* 339-340). Однако в предпоследней части Снорри подчеркивает, что не стоит верить в древних богов, но отечественные специалисты[7] считают, что это значит не столько не верить в их существование, сколько не верить в то, что они «хорошие».

В «Младшей Эдде» отношение к асам двойственное: с одной стороны, их «отстраняют от управления», пытаются объяснить порождением ума, а их деяния выдают за деяния древних королей, с другой – им уделено довольно много внимания. Создается впечатление, что в «Видении Гюльви» именно рассказ о мифах является целью автора, и приведен он не только для молодых скальдов. Неоднозначность оценки языческой мифологии и неравномерность «Младшей Эдды» можно объяснить именно сочетанием христианства и язычества в исландской культуре того времени.

Изначальная «Эдда»?

Как мы упоминали, на некоторых рукописях «Младшей Эдды» значится название Edda, а вот «Младшей» она стала уже потом. Дело в том, что в «Эдде» Снорри содержатся цитаты из более древних текстов мифологических песен. Историки XVII в. думали, что тексты эти принадлежат перу исландского исследователя Сэмунда Сигфуссона (1056-1113). Поэтому, когда в 1643-м Бриньольв Свейнссон – исландский ученый и любитель древностей – нашел кодекс, содержащий песни, отрывки из которых можно встретить в «Прозаической Эдде» (еще одно название «Младшей Эдды»), он решил, что это и есть предшественник произведения Снорри – «Эдда Сэмунда Мудрого». Найденный кодекс сразу получил название «Старшая Эдда»: «Эдда» по аналогии с книгой Снорри, а «Старшая», так как с очевидностью был создан много раньше Эдды «Младшей» и послужил ей источником. Впоследствии выяснилось, что сам список (не песни в нем содержащиеся) младше «Эдды» Снорри и составлен во второй половине XIII в, равно как и не является сочинением Сэмунда Мудрого. Кодекс находится в Королевской библиотеке Копенгагена и называется Codex Gegius («Королевский Кодекс») 2365.

Что касается самих песен, содержащихся в Codex Gegius, то датировка их вызывает огромные трудности[8]. Песни бытовали в устной традиции и, как по языку, так и по содержанию, относятся к языческой традиции, что позволяет датировать их временем значительно более ранним, нежели XIII век (обычно указывают IX-XII вв.[9]). Сюда вмешивается проблема позднего обретения письменности и возможных изменений под влиянием христианства. Под вопросом остается и место, где были сложены песни: называют Исландию, Норвегию, Гренландию и Британские острова.

В Codex Gegius содержатся 29 песен – 10 мифологических и 19 героических, часть из которых сохранились и в иных рукописях. Теперь к «Старшей Эдде» относят и некоторые другие песни, не входящие в Codex Gegius, но близкие по стилю и содержанию. Песни «Старшей Эдды» весьма разнообразны. Это и поучение в житейской мудрости («Речи Высокого»), соревнование в знании («Речи Вафтруднира»), повествование, предсказание и др. Отличаются они и по уровню драматизма – от «Перебранки Локи», высмеивающей богов, до «Прорицания вёльвы», со всей трагичностью описывающей их гибель. Написана «Поэтическая Эдда» самым простым стихотворным размером: в отличие от поэзии скальдов, стандартной по сюжету, но искусной по форме, эти песни были, прежде всего, направлены на передачу содержания.

Алиса Лапшина

Хюмир и Тор ловят мирового змея. Иллюстрация к «Младшей Эдде», 1760

6. *Сведения о богах (в той же трактовке) содержатся и в «Круге Земном», приписываемом также Снорри. Там к ним возводят шведский королевский род Инглингов (см. Стеблин-Каменский М.И. «Круг Земной» как литературный памятник).*
7. *Стеблин-Каменский М.И. Снорри Стурлусон и его «Эдда».*
8. *Стеблин-Каменский М.И.. Старшая Эдда.*
9. *Люблинская А.А. Источниковедение истории средних веков. С.301.*

Рагнарёк: в ожидании конца

Лает пес Гарм у пещеры Гнипагэллира;
Узы расторгнуты, вырвался Волк!..
Много я знаю; вижу я, вещая,
Грозно грядущий жребий богов.

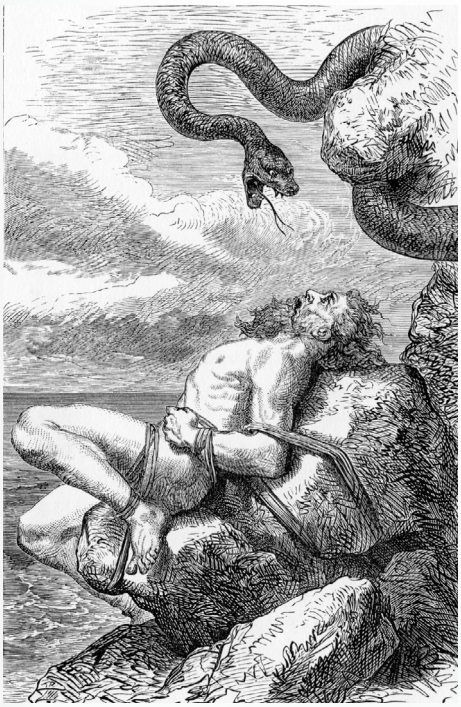
(«Прорицание провидицы», 58
пер. С. Свириденко)

Скандинавская мифология проникнута ожиданием конца. Сюжеты скандинавских мифов сильно отличаются от более известных преданий античности или древнего Египта. Боги сурового мира Севера не бессмертны: вечная молодость не является неотъемлемой чертой, а обретается с помощью молодильных яблок Идунн. Не вечен и их мир: его гибель также закономерна, как и создание.

Когда мы читаем «Прорицание провидицы» (или вёльвы) – один из самых известных текстов, рассказывающих о мире скандинавских богов, – перед нашими глазами предстает начало времен: асы убивают инеистого великана Имира и из его тела создают мир. Вслед за этим в сотворенном мире разворачивается калейдоскоп деяний богов, необычным образом переплетенный в сюжеты «мифологической истории». Но все эти деяния и сюжеты ведут к одному – к последней битве богов и сил хаоса, к концу мира, а затем к неожиданному возрождению. При этом последняя часть «Прорицания провидицы» – Рагнарек («гибель» или «судьба богов») и мир после него – представляет собой нечто более цельное, нежели сюжеты, описанные до него, в основном, в виде намеков, подчиненных главной финальной части и выступающих чем-то вроде пролога к основному действу[1].

Загадка времени

Гибель мира в скандинавской мифологии становится стержнем повествования. Она является не частью цикла (как в мифах некоторых других народов), но неизбежной точкой, к которой движется направленное время. Считается, что эсхатологические мифы (т.е. мифы о конце света, от греч. эсхатос – «последний»[2]) и складываются вместе с формированием представления об историческом времени[3].



Луи Уар «Наказание Локи». Иллюстрация к The Heroes of Asgard, 1900

Несмотря на то, что мы не можем говорить о цикличности в корпусе скандинавских мифов, мы имеем дело с некоторым совмещением времен, одновременностью событий в глазах героев. Для богов гибель мира – не новое событие, оно известно им также хорошо, как и «древнейшая история».

Знание о конце света неотделимо от их повседневной жизни, а обладание им составляет неотъемлемую характеристику того, кто борется за звание мудрейшего. Будь то ссора во время пиршества с лукавым Локи или соревнование в мудрости – игра в вопросы и ответы, в которой поражение влечет смерть, – речь все время будет касаться не только прошлого, но и исхода мира. Так, великан Вафтундир во время состязания в знании с Одином отвечает ему на вопросы относительно последней битвы («Речи Вафтундира» 17-18, 39, 53), судьбы Ньерда в Рагнарек, гибели самого Одина в пасти волка Фенрира («Речи Вафтундира» 53). Да и Локи во время известной «перебранки» попрекает Фрейра еще только тем, что произойдет в Рагнарек: Фрейр лишится меча во время сватовства к Герд, и «когда Муспелля рать через Мирквид поедет», ему нечем будет драться («Словесная распря Локи» 42). Все события от сотворения мира до пожара, в котором этот мир сгорит, как будто происходят одновременно, вся драма открыта глазам ее участников.

Эта особенность – линейная направленность времени, сочетающаяся с открытостью событий – вносит некоторый порядок в основные сюжеты. Они становятся цепочкой событий, ведущих к кульминации, и одновременно удивительно переплетаются между собой. Например, в одной из «дополнительных» песен «Старшей Эдды» – «Песне о Путнике»[4] – говорится: «Больше никто не пробудит меня [прорицательницу]/Вплоть до поры, когда минет плен Локи/ И Всерушители сгубят богов» («Песнь о путнике» 14). В одной фразе сразу несколько связок. Выход из плена Локи, который был прикован к скале внутренностями сына Нарви так, чтобы яд повешенной над ним змеи капал на лицо[5], связывается прорицательницей с гибелью богов. В то же время сам его плен, являясь наказанием, возвращает нас к его вине, а именно к еще двум сюжетам: это убийство Бальдра, о котором речь пойдет ниже, и пир у морского великана Эгира (так называемая «Перебранка Локи»). На пиру Локи по очереди вспоминает грехи всех присутствующих богов и богинь (и сознается в причастности к смерти Бальдра), после чего и терпит наказание. Неслучайно то, что Локи упоминается вместе с силами разрушения. Его образ неразрывно связан с эсхатологическими представлениями, ведь до своего пленения он уже успел внести в мир хаос: великанша Ангрбода («сулящая горе») родила от него Хель (хозяйку преисподней) и тех, кто сыграет ключевую роль в финальной битве против асов: Фенрира (волка, который проглотит солнце и убьет Одина) и Ёрмунганда (мирового змея).

Йоханнес Гертс «Один», 1901

Перст судьбы

Упомянутый выше миф о Бальдре становится (в результате попытки распутать переплетения) как бы прологом к эсхатологическому циклу, ведь и предсказание свое вёльва, по одной из версий мифа, изрекает в ответ на желание Одина узнать «с чего посетили/ Светлого Бальдра зловещие сны» («Сны Бальдра» 1).

Этот миф интересен и загадочен не только сам по себе – он служит зеркалом, отражаю-

1. Петров Ф.Н. Северный миф о гибели мира.
2. Мифологический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 672.
3. Скандинавская мифология: Энциклопедия. – М.: Эксмо, 2004. С. 119.
4. Другое название - «Сны Бальдра»
5. Скандинавский Эпос: Старшая Эдда. Младшая Эдда. Исландские саги. – М.: АСТ, 2008. С. 188. (Далее "Скандинавский эпос").

щим представления о судьбе в скандинавских мифах, так что на нем можно остановиться подробнее. Любимцу богов и людей, светлому Бальдру, богу в чьем чертоге Брейдаблике («широкий блеск») нет места пороку (*Скандинавский эпос* 314), начинают сниться ужасные сны, и он рассказывает о них асам. По одной из версий, боги принимают решение на совете (*Скандинавский эпос* 334), по другой – перед этим Один отправляется в Хель (так называют не только владычицу преисподней, но и саму преисподнюю), чтобы вызвать вёльву, и спросить у нее совет, а та в ответ предрекает Бальдру и миру гибель (песни «Прорицание Провидицы», «Сны Бальдра»). Желая предотвратить гибель сына, Фригг (супруга Одина и мать Бальдра) берет клятву с «огня и воды, железа и разных металлов, камней, земли, деревьев, болезней, зверей, птиц, яда и змей» (*Скандинавский эпос* 335), что они не причинят ему вреда. Но Локи, «желчью приправляющий праздничный мед» («Словесная распря Локи» 3), несущий в мир разлад (хоть иногда и выступая на стороне асов), обманом узнает, что Фригг не взяла клятвы с ветки омелы, так как думала, что та еще слишком мала, чтобы навредить ее сыну. Локи срезает омелу и во время игры (асы развлекались тем, что кидали в Бальдра различные предметы, наблюдая его неуязвимость) вручает ее слепому богу Хеду (брату Бальдра) и направляет его руку, превращая того в убийцу. Бальдр сражен омелой. Боги настолько потрясены горем и совершенным в их чертоге злодейством, что просят Хель вернуть им «светлого бога», на что та соглашается при условии, что все и всё будут оплакивать смерть Бальдра. Но и эта возможность оказывается иллюзией: великанша по имени Текк отказывается проливать слезы, и дальше текст «Младшей Эдды» говорит: «люди полагают, что это [т.е. великаншей] был не кто иной, как Локи» (*Скандинавский эпос* 337).

Есть много попыток истолкования этого мифа. Существует версия, что, поскольку Бальдр кроме этого сюжета не принимает активного участия в деяниях богов, миф мог вырасти из обрядовой стороны верований

Ж. Ч. Доллман «Фригг, прядущая облака»

(называют обычно жертвоприношения или воинскую инициацию). Разные трактовки получил и сам образ Бальдра – его связывают с культом «умирающего и воскресающего бога» или даже с христианскими представлением о страдающем Боге[6]. В контексте остальных событий важно отметить взгляд на историю гибели «светлого бога» как на миф о первой смерти[7]. В этом случае он согласуется с «открывающей» Рагнарёк ролью этого сюжета: первая смерть, внесение хаоса, злодейства совершенное в чертоге, который боги не осмелились осквернить и кровью Фенрира (*Скандинавский эпос* 320) (даже зная о его страшной роли в будущем) в этом случае становится «началом конца».

Как уже говорилось, миф о Бальдре приоткрывает представление о судьбе, как оно присутствует в эддических текстах. Локи здесь представляет собой силы хаоса и рока, ведь, как асы ни старались избежать гибели Бальдра, они дважды потеряли его и оба раза благодаря Локи, как будто показывающего неумолимость судьбы. Эта неумолимость присутствует и в мифе о гибели богов: можно взять клятвы со всего и не суметь спасти Бальдра, можно сковать Фенрира и Локи, но в назначенный час они вырвутся, можно специально обрезать ногти мертвецам, но из них в Хель все равно будет построен корабль Нагльфар, и он принесет страшное войско «в конце» (*Скандинавский эпос* 339). Роком оборачиваются и некоторые решения асов, например, уже упомянутый отказ убивать Фенрира. Роль судьбы в мировоззрении людей той культуры была огромна: так, Локи запрещают оскорблять Гевьюн и Фригг, мотивируя это в том числе и тем, что им ведомы судьбы («Словесная распря Локи» 21, 29).

К тому же всю историю мира сопровождает игровой мотив («испытать судьбу»): мир начинается с того, что боги играют в тавлеи, а после гибели мира игра начинается вновь («Прорицание Провидицы» 8, 61). За счет этого большинство исследователей трактует Рагнарек и поведение богов, как подчинение слепой Необходимости. «Мир погибнет лишь потому, что такова его судьба»[8].

Тем не менее, справедливо отметить еще два момента. В «Прорицании провидицы» присутствует мотив вины и наказания за вину, показывающий, что мир сначала гибнет морально (и это иногда называют причиной крушения всего):

В распре кровавой брат губит брата;
Кровные родичи режут друг друга:
Множится зло, полон мерзости мир.
Век секир, век мечей, век щитов расчлененных,
Вьюжный век, волчий век – пред кончиною мира

(«Прорицание Провидицы» 45.)

Такое объяснение «кончины мира» представлено только в «Прорицании провидицы», и его принято считать влиянием христианства .

Что же касается роли Судьбы, то принципиальность этого понятия не делает героев слепым ее орудием: они сами принимают решения, превращая исполнение предначертан-

Лоренц Фрёлих (Lorenz Frølich) «Видар поражает Фенрира», 1895 г.

6. Стеблин-Каменский М.И. Миф.
7. Мелетинский Е.М. Скандинавская мифология как система.
8. Скандинавская мифология: Энциклопедия. С. 121.

ного в свою цель. Имя одной из норн – Скульд, что означает как «будущее», так и «необходимость», «долженствующее»[9], то есть будущее и итог совмещены с исполнением назначенного. Как определил такую позицию А.Я. Гуревич: «Он [представитель древнескандинавского народа] осознает себя как личность постольку, поскольку ощущает в себе свою индивидуальную судьбу»[10]. И подготовка к этому концу – исполнению своей судьбы, а не победе - начинается заранее. Здесь вступает в свои права то самое знание об итоге: ведь именно для битвы с Волком Один и его валькирии выбирают «с тех самых пор, как создан мир» в Вальхаллу наиболее достойных воинов («Речи Гримнира» 23; *Скандинавский эпос* 323).

Рагнарёк

Момент финального противостояния связан с разными природными катаклизмами, войнами и освобождением хтонических чудовищ. Согласно «Младшей Эдде», сначала идут три года великих войн, затем наступает Фимбульветр («зима великанов», когда не наступает лето). Один волк (по одной из версий Фенрир («Речи Вафтундира» 46)) глотает солнце, другой – луну. Фенрир рвет цепь и вырывается на свободу, Мировой Змей лезет на берег, приплывает Нагльфар из Хель, которым правит Локи (или Хрюм), затем выступают «сыны Муспеля»[11] во главе с Суртом, приходят и инеистые великаны. Трубит Хеймдаль, страж богов, асы собираются на совет, а затем выступают вместе с эйнхериями (воины Вальхаллы) против сил хаоса. В ходе битвы Один убит Фенриром, но отомщен Видаром, Фрейр сражается с Суртом и погибает (как раз из-за того, что не было при нем меча (*Скандинавский эпос 339*)), Гарм (своеобразный двойник Фенрира, пес, стерегущий вход в Хель) и Тюр, Тор и Мировой Змей, Локи и Хеймдаль убивают друг друга. Затем «Сурт мечет огонь на землю и сжигает весь мир» (*Скандинавский эпос* 338-340). Старый мир рушится.

Процесс гибели мира как будто обратен его творению: он появляется из бездны, когда встречаются иней и теплый воздух из Муспельхейма, которые теперь становятся силами разрушения[12].

«Зло станет благом»

Скандинавская мифология проникнута ожиданием конца… Или нет? Неожиданно «Прорицание провидицы» и ряд других песен идут дальше. За гибелью следует возрождение.

Знаю я, вижу, как снова возникнет,
Вновь зеленая из моря земля.
Бьют водопады; орлы за добычей
Станут к водам на лету припадать.
(«Прорицание Провидицы» 59)

«Дочь старого солнца» начинает освещать

Йоханнес Гертс «Рагнарёк»

землю, мы узнаем, что в роще Ходдмимир скрылись двое людей: Лив и Ливтрасир, которые заново возродят человечество. Возвращаются некоторые боги – Вали, Видар и сыновья Тора: Моди и Магнии («Речи Вафтундира» 44-47, 50-54). Для того чтобы жить вместе в чертогах Одина возвращаются и Бальдр с Хедом («Прорицание Провидицы» 62).

После рассказа о возвращении богов говорится о чертогах «на Гимле» для «верных дружин» («Прорицание Провидицы» 64), причем в «Младшей Эдде» дается более развернутая система обиталищ: там называются Гимле, Бримир и Синдри, где «будут жить хорошие, праведные люди», и чертоги на Берегах Мертвых для клятвопреступников и злодеев-убийц, обреченных там на мучения (*Скандинавский эпос* 342-343). В этом разделении на праведных и преступников, как и в том, что далее в «Прорицании» идет речь о приходе нового Владыки мира, усматривают влияние христианства[13], а иногда даже рассматривают всю часть о новом мире как позднейшую вставку[14]. С точки зрения времени написания, это более чем вероятно, так как христианство распространилось в Скандинавии в X–XI вв., а эддические рукописи датируются серединой XIII века. В то же время известно, что песни «Старшей Эдды» значительно древнее и относятся к языческой эпохе. Такое расхождение заметно затрудняет изучение скандинавской мифологии в принципе, однако, по всей видимости, нельзя утверждать точно, что «возрождение мира» само по себе привнесено христианством. Во всяком случае, сведения о жизни после Рагнарек можно встретить и в «Речах Вафтундира», где, по мнению отечественных специалистов, не заметно влияния христианства[15]. Еще труднее объяснить этот миф. Если вспомнить сопоставление Бальдра с культом умирающего и воскресающего бога, вместе с которым умирает природа, то здесь представлено ее «воскресение», но скорее речь идет не о цикличном явлении, а о выходе на другой уровень, продолжении развития. Возрождение мира воспринимается как благо («Прорицание Провидицы» 62), а примирение и возвращение Бальдра и Хеда, зеркально отражающее события «гибели богов»[16], можно понимать, как исправление зла, сделанного Локи, противопоставление гармонии разрушению. Если рассматривать миф о Бальдре как миф о первой смерти или первой несправедливости, то вера в новый мир может быть прочитана, как стремление к очищению, даже если не мыслить ее в христианских понятиях греха и воздаяния. Разрушение несправедливого и готовность к рождению нового[17]. Если до того главенствовало представление о неумолимости рока, то может новый мир – надежда на более «справедливую» судьбу?

Трудно дать точный ответ на просто поставленный вопрос: что такое Рагнарек и следующее за ним новое возрождение? Поражение старых богов при встрече с новым культом? Результат того, что вера в судьбу заменила веру во всемогущество богов, сделала их в глазах людей обреченными[18]? Тоска по очищению? Одно известно: мы имеем дело с уникальным мифом, который был открыт заново культурой XIX-XX вв. и еще будет привлекать внимание читателей суровостью своих правил, необычностью переплетающихся сюжетов, неразрешимостью загадок…

Алиса Лапшина

9. Гуревич А.Я. Диалектика судьбы у германцев и скандинавов.
10. Там же.
11. Муспель или Муспельхейм – огненная страна, существовавшая еще до начала творения.
12. Мелетинский Е.М. Скандинавская мифология как система.
13. Отмечают, например, что образ орла в начале описания возрождения – не что иное, как символ Воскресения (см. Скандинавская мифология, с. 134.). Есть и другие версии. Петров Ф.Н., например, интересно рассматривает возможное влияние других учений (см. указ. соч).
14. Свириденко С. «Старшая Эдда». Песни о божествах: Скандинавский эпос. – М.: Едиториал, 2010. С. 111.
15. См. Свириденко С. «Старшая Эдда». Песни о божествах: Скандинавский эпос. С. 249; Стеблин-Каменский М.И. Миф; Скандинавский Эпос: Старшая Эдда. Младшая Эдда. Исландские саги. С. 242.
16. Мелетинский Е.М. Скандинавская мифология как система.
17. Петров Ф.Н. Северный миф о гибели мира.
18. Свириденко С. «Старшая Эдда». Песни о божествах: Скандинавский эпос. С. 116-117.

Молитва принесшему мед поэзии

И грозят, и плачут –
поле стерегут,
веретенца крачек
нить небес прядут.
Встану возле рдяных
негасимых рек,
думы и туманы
буду слать заре.
Грезить о полетах,
снах без берегов,
сорванных воротах –
любо и легко.
Нет сети кромешной,
сладок стройный лад.
Только дух мятежный
связан – без преград!
Дай испить мне меду
пламенной реки,
чтоб речений воды
сделались легки,
и кору сдирая,
слово обожгло
бурными ветрами
темень и тепло.
И без пут, без свитков –
подняло меня –
песнь по небу выткать
полосой огня!

14.07.2001

⭑⭑⭑

Ночью вселенской, ночью дневной!
Егор Летов

- Да будет с тобой ночь!
Заметь, я сказал: «ночь»,
но я не сказал: «тьма»
без зарева и звезд.
И я не сказал: «мрак»
в загонах людских душ,
где серо гниет страх
и умер давно стих.
И я не сказал: «мгла»,
где скован броней дух,
где каждый другим - волк,
где холод один - царь.

Нет, будет другой ночь!
Пусть будет с тобой ночь
в хрустальный святой май
в краю слюдяных гор;
задумчивый сон - свет,
плывущая цепь слов,
седое руно трав –
…И вновь обновлен мир.

10 февраля 2010, Москва

⭑⭑⭑

Кончен день. Повернут ключ.
Капли крови по устам.
Воздух резок и колюч…
Полно, други! Я устал!
Догорела свечка дня.
Цепь с небес спадет, звеня.

Мое тело выпил ветер,
мою волю съела тьма.
Пустотой венчался вечер.
Болью полнилась сума.
Мало места было в ней.
Догорели свечки дней.

Надо мной незрячим глазом
деревянная звезда.
Нет ни шкуры, ни гнезда…
Прахом - все… Остался разум –
чисто вымытый скелет.
Догорят лучины лет.

Будет – жарче. Будет – суше…
Ночь угрюма и тесна.
Оберни нагую душу
Ты в нетленный бархат сна!
Рвется небо на цепи.
Ветви – стон испуга…
Спи.

15 января 2004,
Рейкьявик

⭑⭑⭑

Обращение Одина к современному человечеству

И ритуал воздвигнуть новый,
И манифест повесить свежий, -
Но между двух костров, как прежде,
Не подадут тебе напиться.

Вареной рыбой пахнут деньги,
На тропах красных ветер воет, -
Лисицей тощей сивогривой
Крадется к нам опустошенье.

А я по лицам вашим вижу,
Что тощему сродни вы зверю.
Меж двух костров протянут руку,
Но лишь – чтоб взять в коробку сердце!

⭑⭑⭑

Червонцы, как черви, ползут из карманов.
Проедены дыры в червивой мошне.
Раздулись квадратные чрева экранов,
там люди печально плывут в глубине.

Цветастые черти – червонные очи!
Пожрал нас экран, схоронил чернозем…
Не будет чудес: шар земной обесточен,
и змей мировой изогнулся червем.

3 ноября 2006,
Рейкьявик

Ольга Маркелова

Средиземье и Средневековье:

эпоха викингов как прообраз мира Толкина

Сколько лет прошло с момента написания основных произведений Дж.Р.Р. Толкина, столько же исследователи и просто читатели пытаются провести некие параллели между Средиземьем и нашим миром. Причины просты – слишком многие видят во «Властелине колец» не просто роман-сказку (помнится, такая жанровая характеристика была дана первому советскому изданию трилогии, вышедшему в 1976 году), но «тайную историю прошлого», и пытаются найти в тексте какие-либо аллюзии на реальные события тех или иных эпох.

Были попытки связать легендариум с временами, непосредственно служившими фоном для творчества Толкина, – Первой и Второй мировыми и даже Холодной войнами. При таком подходе можно посчитать, что под Мордором – Тьмой с Востока – автор-англичанин подразумевал СССР, под Западом – собственно, Запад, а под Кольцом Всевластия – ядерное оружие. Впрочем, сам Толкин к подобным измышлениям относился крайне отрицательно, упирая на то, что никаких политических смыслов в свое произведение не закладывал, да и за 10 лет написания романа (1938-1948) обстановка в мире успела несколько раз кардинально поменяться. Понимали это и многие его современники, например, автор «Нарнии» Клайв С. Льюис.

МИФОЛОГИЯ ДЛЯ АНГЛИИ

И все-таки, можно ли найти у легендариума какие-нибудь корни в реальной истории? Думается, что можно. Только лежат эти корни гораздо глубже, чем предполагают некоторые критики. Вспомним, что роман задумывался как своеобразная мифология, героический эпос для Англии, по мнению автора, доселе отсутствовавший (легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола Толкин в полной мере английскими не считал, полагая их поздними и насквозь пронизанными христианством). Следовательно, он должен был иметь определенные связи с народной памятью. Следует также напомнить о том, что Толкин был профессором англосаксонского языка в Оксфорде, то есть высокообразованным гуманитарием, имевшим весьма обширные знания в области древних легенд и, в частности, переведшим «Калевалу» на английский язык. Поэтому, создавая Средиземье, он во многом переписывает традиционные для того времени представления о Волшебной стране, заменяя их сюжетами, взятыми из древнегерманской, кельтской и финской мифологий.

Толкин считал, что автор, создающий эпос, должен «обратиться к своим корням; и тот, кто родом с Северо-Запада, волей-неволей, подчиняясь велению сердца, передаст дух этого края». Так что, по сути, Средиземье есть отражение северных легенд, близких и к кельтской, и к скандинавско-германской мифологиям. От первой ему достались уже упомянутые эльфы – как тот, отличающийся от человечества лишь превосходством, Дивный народ, который близок к ирландскому Туата де Данан. От скандинавов – горные тролли, боящиеся света (в отличие от фольклорных британских троллей-под-мостом, близких скорее нашим лешим или полевикам), гномы и летающие огнедышащие драконы. Кроме того, сам образ толкиновского мира, как в любом эпосе, есть отражение «эпохи легенд», которая была в истории каждого народа. Эти эпохи обычно бывали «темными», кровавыми, но героическими, и память о них сохранялась преимущественно в легендах. У греков такой эпохой являлись времена Микенского царства, породившие сказания об Агамемноне, Ясоне, Геракле, Тесее. На Руси это были времена Владимира Святого, чьим воеводой был Добрыня, и Владимира Мономаха, слившихся в образе Владимира Красное Солнышко, времена противостояния со степняками, с которыми и боролись богатыри. В Германии такой эпохой стало Великое переселение народов, время бургундской династии Нибелунгов. Было ли что-то подобное в Англии? В общем-то, да. Английской «эпохой легенд» вполне можно считать эпоху викингов, когда Великобритания, по сути, была частью грозного языческого Севера Европы IX века.

Понятно, что перед нами вымышленный мир. Однако вполне возможно, что прекрасно знавший скандинавскую мифологию Толкин позаимствовал именно скандинавское мироощущение при его создании.

СЕВЕР И ЮГ

Центром викингского мира был Север. «Жить и умереть хочу на Севере моем» – и по сей день поется в государственном гимне Швеции. Страна суровая, гористая и, прямо скажем, небогатая, однако рождающая гордых и сильных мужчин, способных на подвиги. Все это очень напоминает Арнор «Властелина колец», откуда приходит герой Арагорн. Еще одно соответствие мы увидим, когда обратим внимание, куда отправляется этот герой творить подвиги и искать свою судьбу. Он идет в Гондор – древнюю южную империю, осажденную врагами и находящуюся во внутреннем упадке, которую только он, Герой с Севера, может спасти. В рассматриваемой нами эпохе легенд этому образу полностью соответствует Византийская империя, на тот момент (IX век) еще хранившая тень было-

Драконий корабль викингов (слева) и лебединый корабль эльфов (справа).

Величайший город Средиземья Минас-Тирит (слева) и величайший город христианского мира Константинополь (справа)

го величия, но испытывавшая все большие трудности с отражением ударов арабов с Востока (та самая Тень с Востока). Как раз в ту эпоху многие скандинавские (и вообще северные) удальцы становились наемниками на службе у византийских императоров (из них была составлена специальная гвардейская часть – корпус варангов) и, прославив свое имя в боях с арабами, возвращались домой с богатством и славой, зачастую становясь героями саг. Самый известный из таких «солдат удачи» – Болли Боллисон, копейщик на византийской службе, поднявшийся до начальника телохранителей императора и прославленный у себя на родине в Швеции как образец воинской доблести.

Путь с викингского Севера на византийский Юг (Остервег скандинавских саг или Путь из Варяг в Греки Нестора) шел по великим рекам Европы. Сначала он лежал через дружественные земли земледельцев и древорубов, потом - через степи по восточному берегу, населенные разбойниками-кочевниками (причем последний безопасный ночлег был в городе Киеве). Следом по правому борту оказывалась земля коневодов-болгар, на тот момент совсем недавно пришедших на византийские земли. И вот, в конце концов, корабль подплывал к пристани величайшего города мира – белокаменного (мраморного) Константинополя.

ВОСТОК И ЗАПАД

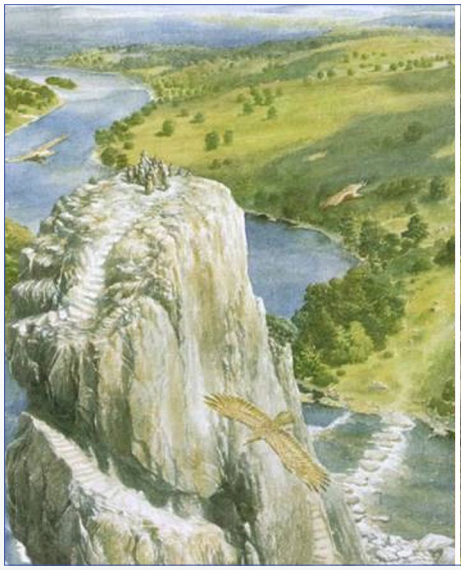
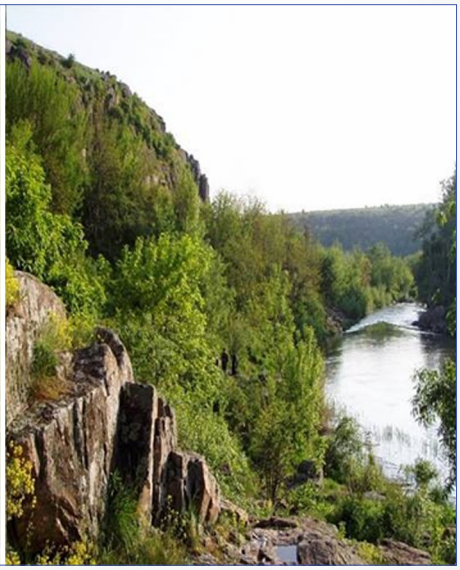
К востоку же от реки простирались неведомые леса и степи. Чаще всего оттуда появлялись враги, но по большому счету те земли были неизвестны жителям Северо-запада. Восток в целом представал туманным, бескрайним и враждебным местом. А юго-восток – страна арабов (единственного народа, отразившего натиск викингов на свои земли) – был чужд и враждебен в наибольшей степени.

Особое место в представлениях викингов занимал Северо-восток. Они были вполне привычны к плаваниям в приполярных условиях, и достаточно рано их драккары проникли в Белое море. Однако дальше на восток викинги не пошли. Лютая стужа и бурые равнины тундры уверили их в мифологическом образе Северо-Востока как царства Хель, царства смерти, где правит вечный холод. Кто знает, не этим ли руководствовался Толкин, размещая свой Тангородрим в северных горах, окруженных безжизненной пустошью Анфауглит?

А на Западе был Океан. В раннем Средневековье Атлантика была темным и загадочным местом – пожалуй, еще более загадочным, чем Восток – даже для викингов. Воображение наполняло воды Моря Мрака – еще одно название океана – множеством островов (остров Святого Брендана, Хай Бразил, Земля Семи городов) считавшихся чуть ли ни Земным Раем. Поиск этих земель, стоивший жизни многим северным мореходам, очень напоминает стремление эльфов (и не только их) Легендариума на Заокраинный Запад. Существовала и легенда о древнем могущественном царстве, скрывшемся под покровом волн. Отголоском этой легенды служит «комплекс Атлантиды» – навязчивые сны о потопе, которые преследовали и Толкина, передавшего их Фарамиру. К слову, согласно высказываниям самого писателя, написание «Акаллабет или Падение Нуменора» оборвало его ночные кошмары.

Таким образом, видно, что многие элементы мира Толкина находят свои параллели в реальном мире северянина эпохи викингов. Безусловно, это лишь один из культурных слоев, присутствующих в произведении. Ничуть не менее важны, например, самобытные и мало связанные с вышеизложенным финские легенды (сам Толкин признавал, что Сильмариллион родился из Калевалы), христианство, отразившееся на философии этого мира, и черты характера самого автора (называвшего себя «хоббитом, только большого роста»). Все вместе это породило мир, донельзя непохожий на привычную для людей начала XX века английскую народную мифологию (чтобы представить ее себе, можно почитать «Джонатана Стренджа и мистера Норрела» Сюзанны Кларк), – мир, который в конечном итоге стал определять все развитие фэнтези в будущем.

Илья Старцев

Великая река Средиземья Андуин, по которой проходил путь из Арнора в Гондор (слева), великая река Европы Днепр, по которой проходил путь из варяг в греки (справа)

Gandálfur í Héradi

или Почему в Исландии нет толкинистской субкультуры

Во время очередной поездки в Рейкьявик автор этих строк решил ознакомиться с переводом «Властелина колец» на исландский язык – и, возможно, приобрести исландское издание любимой книги. Это невинное желание обернулось множеством приключений – в том числе лингвистических и культурологических.

Найти Толкина в переводе на исландский оказалось задачей более сложной, чем добыть сильмариль из короны Моргота. Поход по книжным магазинам и букинистическим лавкам столицы не дал ничего. Подержать искомую книгу в руках удалось лишь в центральной библиотеке; это было издание 1995 года («Hringadrottinssaga»; переводчик – Торстейн Тораренсен, перевод стихов – Гейр Кристьянссон), судя по отличному состоянию страниц, не слишком часто бывавшее в руках читателей. Впоследствии выяснилось, что небольшое издательство «Fjölvi», выпустившее этот перевод, переиздавало его еще раз в 2003 году, на волне интереса к фильму Питера Джексона, однако тираж не разошелся полностью, и после банкротства издательства нераспроданные экземпляры сгинули на каком-то складе...

Толкин и Исландия

Когда речь заходит об этой теме, большинство из нас вспоминает о роли скандинавской мифологии и скандинавского фольклора в творчестве Профессора или представляет себе захватывающие дух исландские пейзажи, похожие на виды Средиземья или Валинора. Тем не менее, среди нынешних жителей Исландии интерес к творчеству Толкина невелик: собственной толкинистской субкультуры в стране так и не сложилось; при обсуждении «Властелина колец» на литературных форумах в Интернете участников дискуссий больше интересуют общие этические вопросы, а не история Средиземья и населяющих его народов.

Разгадка такой странной, на наш взгляд, ситуации кроется либо в особенностях перевода, по которому исландские читатели знакомятся с творчеством Профессора, либо в том культурном контексте, куда попадает этот перевод.

Художественные достоинства исландского перевода «ВК» – традиционный предмет для читательской критики. Причина тому – не стилистические или дискурсивные тонкости, как в случае с русскими переводами той же книги, а не слишком хорошее владение переводчиком родным языком. Сами исландцы предпочитают знакомиться с «ВК» в оригинале, при этом читатели не видят необходимости в создании нового или хотя бы в исправлении старого перевода. По словам одного моего рейкьявикского знакомого (кстати, профессионального литературного переводчика), «Толкин по-исландски необходим нашим читателям только тогда, когда они в детстве читают «Хоббита»; а когда они дорастают до более серьезных произведений Толкина, они уже успевают выучить английский язык и могут читать в подлиннике». Т. е., перевод в данном случае мыслится всего лишь как средство разъяснить непонятное иноязычное сообщение, а не воссоздать художественное произведение на другом языке.

Имена

Не углубляясь в анализ явлений, понятных лишь узким специалистам в области зарубежного переводоведения, коснемся самого очевидного и одновременно основополагающего момента: как в исландском переводе выглядят имена, топонимы и названия существ Арды.

Начнем с названия текста, описывающего этот универсум. По-исландски книга называется «Hringadrottinssaga». Такое заглавие отсылает нас к совершенно определенным жанрам скандинавской словесности.

Имена и названия – бесспорно, одна из важнейших составляющих любого художественного мира; их звучание, похожесть или непохожесть на существующие в отечественной культуре, понятность или непонятность значений среднему читателю, – все это уже само по себе формирует облик описанного в тексте универсума, создает его особый колорит.

В переводе Торстейна Тораренсена имена и топонимы Арды могут переводиться. Разумеется, в этом нет ничего необычного; перевод значимых имен (более или менее удачный) не редкость и в русских переводах произведений Толкина. Достаточно вспомнить гнома Дубощита, коня Светозара или эльфа, в одном из старых переводов получившего курьезное имя Всеславур... Иное дело, что в некоторых случаях перевод имен/топонимов на исландский язык активизирует в сознании читателей ассоциативные цепочки, уводящие далеко за пределы Арды.

Хоббит Merry в исландском переводе зовется Kátur: на исландских хуторах кличку «Kátur» («Резвый») традиционно дают собакам. Этот пример можно считать мелким – но вот как переведен важнейший для мира Толкина топоним Middle-Earth – Miðgarður. Это уже прямая отсылка к Мидгарду, Срединному миру скандинавской мифологии, и странно видеть буквально на одной странице с этим «Мидгардом» не Асгард и Нифльхейм, а Гондор и Рохан.

Исландизация

К переводу имен и топонимов примыкает другое явление, широко распространенное в исландском «ВК»: их исландизация. Изменения фонетики, иногда даже совсем небольшие, приводят к превращению имен во что-то типичное для исландской культуры: конунг Рохана у Торстейна Тораренсена зовется Þjóðann, злосчастный обладатель «прелести» – Gollrir; Изенгард

Реконструкция исландской землянки эпохи викингов. Отголоски культуры, к которой обращался Профессор. Может быть, кто-то здесь увидит нору хоббита, а кому-то эта фотография напомнит роханские постройки...

Старинный исландский хутор на Западных Фьордах. Для иностранцев такие строения - экзотика, для местных жителей – это обычные, заурядные постройки.

Второй и третий тома исландского издания «Властелина колец». Фотографии Орландо Блума и Вигго Мортенсена на обложках недвусмысленно намекают на то, что книгу выпустили на волне интереса к трилогии Питера Джексона.

превращается в Ísarngerði (ср. названия населенных пунктов в Исландии типа Hverragerði; Sandagerði и т. п.). При этом имена иногда подвергаются переэтимологизации: изменение звучания на исландский лад может открыть в них смысловые пласты, не заметные при простой транслитерации. Например, Гэндальф у Торстейна Тораренсена зовется Gandalfur – налицо связь с исландским существительным gandur (одно из значений – «магический посох») и словом álfur (одно из значений – «эльф»; подробно о нем будет сказано чуть позже); кроме того, словарями зафиксировано слово gandálfur означающее «прозвище карлика/гнома». Хоббиты Фродо и Сэм после исландизации своих имен стали «Мудрым» (Fróði) и «Благочестивым» (Sómi), а их родина получила название Hérað (букв. «Область, округ, губерния»).

Переэтимологизация имен из зарубежного текста – с одной стороны, остроумный переводческий ход: существа и предметы, носящие эти имена, таким образом включаются в пространство отечественной культуры, становятся понятны даже самому неискушенному читателю. С другой стороны, такой подход спорен при переводе книги именно об ином пространстве (не побоюсь сказать – фантастическом пространстве).

К слову, исландизация зарубежных имен собственных и топонимов широко распространена в этой стране при переводе книг и кино, рассчитанных на детско-юношескую аудиторию. В Исландии одна из главных составляющих официальной культурной политики – языковой пуризм, и в текстах, адресованных юным исландцам, «иностранщина» искореняется особо тщательно. Не берусь судить, мыслили ли переводчики в качестве основной читательской аудитории «ВК» именно детей...

Примеры подобного обращения с именами собственными и топонимами встречаются в исландском переводе «ВК» не на каждом шагу (там есть и их буквальная передача, разве что с поправкой на особенности исландских склонений), – но ему подвергаются имена ключевых персонажей и названия важных в сюжете местностей, появляющиеся в тексте весьма часто. Кстати, при переводе на исландский язык фильма П.Джексона сохранена та же тенденция в передаче имен.

Эльфы или альвы?

Средиземье в исполнении Торстейна Тораренсена и Гейра Кристьянссона теряет существенную часть своей экзотичности – и, как следствие, притягательности для читателей.

Однако не всегда это объясняется лишь «произволом» переводчиков. Иногда причины лежат в особенностях исландского языка и культуры.

Так, неожиданная проблема возникает при переводе названия одной из основный рас Средиземья. Эльфы по-исландски обозначаются словом álfar – и назвать это абсолютно точным переводом нельзя именно в силу разных культурных ассоциаций, которые порождают соответственно исландское и английское слово. В исландском фольклоре álfar («альвы») или «huldufólk» («скрытые жители») – существа, во всем похожие на людей, живущие в своеобразном параллельном мире (их хутора – валуны и скалы); в фольклоре 20-21 вв. они ведут хозяйство доиндустриальным способом и носят старинные одежды. Известно, что они (и аналогичные существа из фольклора других родственных народов) послужили одним из прообразов толкиновских Эльдар. Тем не менее, вряд ли житель каменных гряд, облаченный в потертые овчины, во всем тождествен хранителю высокой культуры из Лориена. Но в данном случае у переводчиков не было выбора.

Средиземье или Мидгард?

Как правило, исландцы хорошо осведомлены, какую роль словесность их страны сыграла в жизни и творчестве Дж.Р.Р.Т., хорошо помнят, что няней его детей была исландка – носительница фольклорной традиции. Нередко доводится слышать от них, что профессор Толкин – скорее интерпретатор исландского фольклора и древней северной мифологии, чем создатель собственных миров. Такое мнение отразилось и в исландском переводе «Властелина Колец» и, возможно, этот перевод еще больше способствовал его укреплению. «Исландизация» (сознательная или бессознательная, произвольная или неизбежная) в переводе «Властелина Колец» приводит к тому, что носитель исландской культуры при прочтении книги оказывается не в состоянии воспринимать Арду как самостоятельный уникальный мир, но легко вспоминает те явления своей отечественной культуры, которые послужили материалом при создании этого универсума. Закономерная реакция читателей в этом случае будет такова: «Стоит ли читать зарубежного автора, вольно интерпретирующего наш отечественный фольклор, когда у нас есть первоисточники!»

Если учитывать все это, то отсутствие на Синем Острове сильного интереса к творчеству Профессора и мощного толкинистского движения перестает казаться загадкой. Скандинавский Hérað не так похож на Шир, и Эльдар, пришедшие из Валинора, вряд ли обретут пристанище на тех землях, где уже живут альвы. Исландцы едва ли мечтают об Арде – ведь у них есть своя традиционная культура.

Ольга Маркелова

Убежище для путников в высокогорье.

I carir quettar ómainen

Немногие сейчас возьмутся изучать язык просто потому, что он красиво звучит. Немногие задумываются о связи звучания слов с их смыслом. Толкин был в числе этих немногих, и, более того, он пошел куда дальше в своей попытке придумать именно те слова, которые бы даже самым своим звучанием несли смысл. Наверное, хоть Профессор и считал себя по натуре хоббитом, в этом языкотворчестве он куда больше походил на эльфов, которые создавали слова своими голосами.

Lámatyáve[1]

«Нынче вечером, пока за окном моросит мерзкий дождик, взялся перечитывать старые лекции по военному делу; через полтора часа соскучился. Добавил штрих-другой к моему дурацкому языку фэйри – к вящей пользе последнего.

Меня частенько страх как тянет поработать над ним, а я себе не позволяю; я его, конечно, очень люблю, но уж больно ненормальное это хобби!»

(из письма к Эдит Брэтт, 2 марта 1916 года)

Это письмо было написано, когда, окончив факультет английского языка Оксфордского университета, Толкин получил назначение в полк ланкаширских стрелков и проходил военную подготовку в лагере Руджили в Стаффордшире. К счастью, свое «дурацкое» хобби он так и не забросил, а язык фэйри постепенно обрел свою жизнь и превратился в язык – точнее языки - эльфов.

Что касается истоков этого увлечения, то, как признавался сам Толкин, оно родилось вместе с ним.

...Я не помню такого периода в жизни, когда бы все это не созидал. Многие дети придумывают, – или по крайней мере берутся придумывать, – воображаемые языки. Сам я этим развлекаюсь с тех пор, как научился писать. Вот только перестать не перестал...

(Тайный порок)

В детстве Толкин стал одним из создателей языка невбош (новая чепуха). Затем был наффарин – первый язык, разработанный им самостоятельно и охарактеризованный им как «язык-удовольствие», созданный ради «восторга творения». Создан он был под влиянием английского, испанского и латыни. Вот пример на наффарине:

O Naffarinos cut`a vu navru cangor luttos ca v`una tieranar, dana maga tier ce vru enc`a vun`forta once ya mer`uta vuna maxt`amamen.

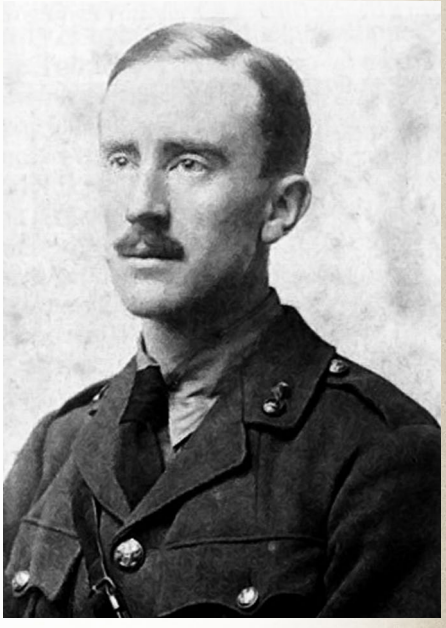
Перевод этого текста, к сожалению, не приводится.

Чаще всего словоформы измышляются с оглядкой на полюбившийся иностранный язык; и так возникает то, что мы обычно... называем стилистикой, а я бы, разумея предмет увлечения, назвал персональной лингвопоэтикой.

(Тайный порок)

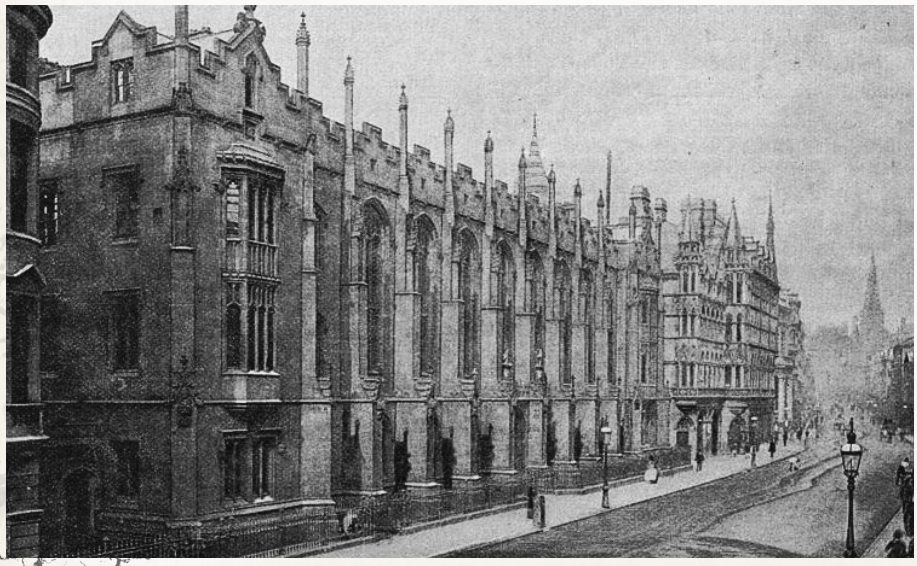
Можно сказать, наверное, что это были первые шаги к тому, что потом стало мифологией, составившей мир Толкина. Она сама и связанные с ней языки впервые начали оформляться во время войны 1914-1918 гг.

Именно тогда родился квенья – высокий эльфийский язык, который стал, по словам Кристофера Толкина, «языком сердца» его отца. В 1915 году Толкин составил «Qenya Lexicon» - первый список эльфийских слов. Всю свою дальнейшую жизнь Профессор изменял и совершенствовал квенья, его звучание, грамматическую структуру, лексику, сделав его основой созданного им удивительного мира.



Толкин в форме британской армии, 1916

Толкин утверждал, что именно лингвистика лежит в основе придуманной им мифологии. «В моем случае сперва возникает имя, а затем уж – история»



Школа Короля Эдуарда, в которой учился Толкин с 1900 по 1911 гг

Дж.Р.Р. Толкин Bagte Bloma
(готский язык)

Brunaim bairiu bairka bogum
laubans liubans liudandei,
gilwagroni, glitmunjandei,
bagme bloma, blauandei,
fagrafahsa, liuulinui,
fraujinondei fairguni.

⁂

On glorious branches, glittering and
Pale green as she grows,
The birch tree bears her lovely leaves,
The flower of flowering trees,
Fair of hair and lithe of limb,
The mistress of the mountain.

Читать дальше >>

1. Наслаждение звучанием и формой слов (квен).

(Тайный порок). И что, как язык не может быть живым без написанных на нем легенд, так и легенды зависят от языка, которому они принадлежат. «Воляпюк, эсперанто, идо, Novial и т.д. и т.п. – все они мертвы, куда мертвее древних, вышедших из употребления языков, потому что авторы не создали легенд на эсперанто». (К «мистеру Томпсону», 1956).

Толкин учился в школе короля Эдуарда и большую часть времени посвящал изучению латинского и греческого языков. Но больше всего в то время на формирование его лингвистического вкуса повлиял готский, который он изучал вне школьной программы. По словам Толкина, именно тогда он понял, что значит изучать язык просто «удовольствия ради».

Другим языком, завладевшим его вниманием еще в детстве, стал валлийский. Поначалу Толкина заворожили названия, написанные на вагончиках с углем, и лишь в студенческие годы он занялся изучением валлийского «и обрел в нем неиссякаемый источник лингво-эстетического удовольствия». И, наконец, испанский, который Толкин тоже пытался изучать еще в детстве по книгам своего опекуна – наполовину испанца.

Но «наиболее важным событием после готского стало обнаружение в библиотеке Эксетер-Колледжа... финской грамматики. Все равно что найти винный погреб, доверху наполненный бутылками потрясающего вина, причем такого букета и сорта, какого ты в жизни не пробовал. Я просто опьянел... а фонетика и структура моего «личного языка» – или череды придуманных языков – приобрела отчетливый финский колорит» (Из письма к У.Х.Одену, 1955).

Kyscit lloegyr llydan nifer
a leuer yn eu llygeit.
A rei ny ffoynt hayach
a oedynt hyach no reit.

Англы спят, многие полчища,
свет в их глазах.
И те, кто не бежали быстрее,
были более храбрыми, чем мудрыми

(Из поэмы барда Талиесина. Придворный бард короля Уриена, правителя Регеда. VI век (валлийский язык))

Больше о валлийском >>

Тэд Насмит «Озеро Куивиэнен»

Quentale[2]

Квенья, архаический язык мудрости, язык эльфов Амана, стал чем-то вроде «эльфийской латыни», а транслитерируя его так, чтобы написание было тоже сходно с латынью, Толкин усилил еще и зрительное сходство. Двумя другими «ингредиентами» квенья стали финский и греческий, но «он в меньшей степени построен на согласных, нежели любой из этих трех» (из письма к Наоми Митчисон, 25 апреля 1855 года).

Название языка изначально было прилагательным, образованным от той же основы, что и Quendi – «эльфы», то есть его можно перевести как «эльфийский».

Кроме того, слово Quenya также ассоциируется с основой quet- – «говорить». Эльфы, пробудившиеся у вод Куйвиэнен, назвали себя Quendi, что означает «те, кто говорит вслух», и, соответственно, «квенья» может означать просто «язык, речь». Также есть вариант, что это лишь часть полного названия Quenya lambe – «эльфийский язык», позже утратившая значение прилагательного. Нолдор, однако, «не забывали эту связь с древним словом Quendi и по-прежнему рассматривали его как прилагательное «эльфийский», имея в виду благороднейший эльфийский язык, наиболее полно сохранивший особенности древней эльфийской речи» (*WJ*).

Из существовавших в Амане двух диалектов квенья, ваньярина и нолдорина, в Средиземье использовался последний, так как квенья принесли туда нолдор Исхода. Этот язык сохранил основные черты протоэльфийского языка, созданного пробужденными у Куйвиэнен эльфами. Однако в Валиноре древний эльфийский

Namárië

Ai! laurie lantar lassi surinen,
yéni unótimë ve rámar aldaron!
Yéni ve lintë yuldar avánier
mi oromardi lisse-miruvóreva
Andúnë pella, Vórë kaluva
tiparon i Eldamar.
Ónon i eldëa ómaryo hiraeg
i ilyë tiutalë yéni ve lintë.
Yéni unótimë ná híra i Ilmarë
ar Elenë nógothrim lómelindi
nórë i falmalinnar imbë metti
ar hildinyar tenn' Ambar-metta.
Á! Elbereth Gilthoniel,
silivren penna míriel
o menel aglar elenath!
Gílthoniel, A! Elbereth!

Ах! Золотистые падают листья на ветру,
долгие годы бессчетны, как крылья деревьев!
Долгие годы прошли как быстрые глотки
сладкого мирувора в высоких чертогах
за пределом Запада, под сводами Варды
синими, где мерцают звезды
от звука ее свято-царственной песни.

Ныне кто чашу мне наполнит?

Нынче Возжигательница, Варда, Звездная Королева
с Вечнобелой горы свои руки, подобные облакам,
подняла,
и все пути покрыла тень,
и тьма из серой страны ложится
на пенистые волны меж нами, и туман
покрывает навек Калакирьи драгоценные камни.
Ныне потерян для тех, кто с Востока, потерян
Валимар!
Прощай! Может быть, ты найдешь Валимар!
Может быть, именно ты и найдешь! Прощай!

(Сокр. перевод с английского: Tinwendil)

2. История (квен).

язык сильно изменился в связи с появлением «новых слов (для вещей старых и новых) и в смягчении и гармонизации звуков и шаблонов прежнего языка в формы, казавшихся Нолдор более красивыми» (*WJ*).

Например, звуки *b* и *d* в начале слов превратились в *v* и *l* (или *n*), конечные долгие гласные сократились, исчезли безударные гласные в середине многих слов. Это было сделано из соображений как эстетических, так и удобства произношения. Некоторые слова были заимствованы из языка валар. Любовь к изобретению новых слов, свойственная нолдор, так же не могла не отразиться на формировании языка. Известно, что на квенья говорили и сами валар, в том числе и Мелькор, который изучил его так хорошо, что этому дивились многие поэты и мудрецы.

Несмотря на то, что нолдор принесли в Средиземье квенья, для повседневного употребления все же был принят синдарин: «Нолдор ... быстро изучили язык Белерианда, тогда как синдар овладевали языком Валинора медленно» (С гл. 13). Кроме того, узнавший о Резне в Алквалондэ Тингол запретил употреблять квенья в Дориате. В итоге на квенья между собой говорили в основном нолдор. Кроме того, он стал языком мудрости для всех народов Эндорэ.

Люди, пришедшие в Белерианд, также приняли синдарин как разговорный язык, но многие из них изучали и квенья. Так, например, Турин взял себе имя на высоком наречии – Турамбар («хозяин судьбы»).

После Войны Гнева, завершившей Первую эпоху, большинство эльфов-изгнанников вернулись в Валинор. Но некоторые из них все же остались в Средиземье, а значит остался и язык. Имена на квенья давали королям Нуменора и, позже, - Гондора, на квенья были названы Кольца, созданные кузнецами Эрегиона, – Нарья, Ненья, Вилья.

Enda[3]

В квенья пять гласных: *a, e, i, o, u*, которые могут быть краткими и долгими. Долгота гласного на письме обозначается при помощи знака акцента. Так же в квенья имеются дифтонги *ai, au, oi, ui, eu, iu*.

Отличительно чертой грамматики квенья является использование падежных окончаний вместо предлогов. Падежей в высоком наречии целых девять: именительный, винительный, родительный, притяжательный, дательный, внутренне-местный, отделительный (исходно-местный), приблизительный (входно-местный) и творительный (инструментальный).

Слова изменяются по падежам при помощи окончаний. Например, *man tiruva rákina kirya ondolisse morne* («кто увидит разбитый корабль среди камней черных», *Markirya*). Здесь слово *«ondoli»* (камни) стоит в во внутренне-местном падеже, что означает «в камнях, среди камней». Еще один пример местного, но уже входно-местного падежа, обозначающего направление – *elenna* («к звезде»), *Numenna* («на запад»). Пример исходно-местного падежа – *earello* («из-за моря»). В надписи на могиле Турина мы видим пример творительного падежа: *«A Túrin Turambar turún'ambartenen»* («О Турин, Судьбы победитель, судьбой побежденный»).

Существительные в квенья изменяются по четырем числам: единственному, множественному, дробному и двойственному. Дробное число указывает на часть предметов из множества (*Eldali* – несколько эльфов, *Eldar* – много эльфов, все эльфы). Функция дробного числа не совсем понятна – возможно, оно могло обозначать еще и бесконечное множество предметов. (*elelli* – звездное небо, множество звезд). Двойственное число обозначает «естественную» пару предметов – руки, глаза, ноги и т.д. Например, *má* (рука), *máli* (множество рук), *mát* (пара рук). Так, в поэме «Намариэ» встречается слово *«máryat»*, которое означает пару рук (Варды). Кроме того, двойственное число могло использоваться так же при обозначении, к примеру, двух близких друзей, или собеседников, в данный момент занятых общим делом (*nilmot*).

Глаголы в квенья делятся на несколько классов. Глаголы первого класса, которые можно назвать базовыми, состоят из одних корней без окончаний. Глаголы второго класса, которых можно назвать производными, состоят из основ с окончаниями. Базовые глаголы имеют особую форму –

Тэд Насмит «Фелагунд среди людей племени Беора»

Дж.Р.Р. Толкин
Песнь Фириэли

Ilu Ilúvatar en káre eldain a fírimoin
ar antaróta mannar Valion: númessier.
Toi aina, mána, meldielto — enga morion:
talantie. Melko Mardello lende: márie.
En kárielto eldain Isil, hildin Úr-anar.
Toi írimar. Ilyain antalto annar lestanen
Ilúvatáren. Ilu vanya, fanya, eari,
i-mar, ar ilqa ímen. Írima ye Númenor.
Nan úye sére indo-ninya símen, ullume;
ten sí ye tyelma, yéva tyel ar i narqelion,
íre ilqa yéva nótina, hostainiéva, yallume:
ananta úva táre fárea, ufárea!
Man táre antáva nin Ilúvatar, Ilúvatar
enyáre tar i tyel, íre Anarinya qeluva?

☆☆☆

Отец сотворил мир для эльфов и смертных,
и отдал его в руки Владык: они на Западе.
Они священны, благословенны, любимы, —
кроме черного.
Он пал. Мелько исчез с Земли — это хорошо.
Для эльфов создали они Луну, а для смертных
Солнце красное —
они прекрасны. Всем дают они по мере дары
Илуватара. Мир прекрасен, небо, моря,
земля, и все, что в них. Нуменор чудесен.
Но сердцу моему вечно нет покоя —
ибо все кончается, и наступит конец и Увядание,
когда все будет сочтено, исчислено,
но нам не довольно этого, нет, не довольно!
Но что же даст мне Отец, Отец,
в тот день, когда Солнце мое угаснет?

(Перевод стихотворения А. Хромовой)

3. Сердце, сердцевина, центр (квен).

«аорист». Он используется для описания привычных, постоянных, регулярно повторяющихся действий (*quetin i lambe eldaiva* – «я говорю на эльфийском языке», то есть «владею эльфийским языком», «говорю на нем не в данный момент, а вообще»). Стоящий в форме аориста глагол также может указывать на «вечную истину» вне определенных времен. *I carir quettar ómainen* – «те, кто создают слова голосами» (так говорили эльфы о себе). Так же с помощью различных окончаний образуются прошлое и будущее время глаголов.

Толкин неоднократно перерабатывал систему местоимений, поэтому в этом вопросе много неясных моментов. Очевидно одно: местоимения в квенья обычно являются присоединяемыми к глаголу или существительному. Известны также такие самостоятельные местоимения, например: *ni* - «я», *tye* - «ты, тебя», *se* - «он, она, оно».

Из текстов на квенья самыми известными и длинными являются поэма «Namárie» или «Плач Галадриэль» из «Властелина Колец», поэма «Markirya» и стихотворение «Песнь Фириэль», являющая один из ранних вариантов языка. Они интересны и с точки зрения изучения квенья, потому что являются самыми обширными его источниками, и как пример сложения стихотворений на квенья. Кроме того, изучая эти тексты, можно проследить за тем, как Толкин менял что-то в языке, совершенствуя его.

Квенья можно было бы считать таким же вымышленным и «мертвым», как и множество других, искусственно созданных языков, если бы он не стал частью мира, тоже, казалось бы, вымышленного, созданного человеком, но никак не мертвого. Мира со своей историей и мифологией, уже не на один десяток лет пережившего своего создателя...

К тому же, есть еще одно интересное обстоятельство:

Несколько лет назад в Оксфорде ко мне заглянул человек, чье имя я, к сожалению, позабыл. Его поразило, что многие старинные художники, сами того не подозревая, словно иллюстрировали «Властелина колец»... Когда же стало ясно, что я никогда не видел этих картин и к тому же не слишком хорошо ориентируюсь в живописи вообще, он пристально поглядел на меня и вдруг спросил: «Надеюсь, вы не думаете, что написали всю книгу самостоятельно?» Вопрос как раз для Гендальфа! Я неплохо знаком с Г., а потому не стал грубить в ответ. Кажется, я сказал: «Нет, я больше так не думаю». Не правда ли, тревожный сигнал для пожилого филолога, полагавшего, что пишет для собственного развлечения?

(из письма к К.Бэттен-Фелпс, осень 1971)

Евгения Воробьева

Métima Marcirya

Man cenuva fána cirya
métima hrestallo círa,
i fairi nécë
ringa súmaryassë
ve maiwi yaimië?

Man tiruva fána cirya,
wilwarin wilwa,
ëar-celumessen
rámainen elvië
ëar falastala,
winga hlápula,
rámar sisílala,
cálë fifírula?

Man hlaruva rávëa súrë
ve tauri lillassië,
ninqui carcar yarra
isilmë ilcalassë,
isilmë pícalassë,
isilmë lantalassë
ve loicolícuma;
raumo nurrua,
undumë rúma?

Man cenuva lumbor ahosta,
Menel acúna
ruxal' ambonnar,
ëar amortala,
undumë hácala,
enwina lómë
elenillor pella
talta-taltala
atalantië mindonnar?

Man tiruva rácina cirya
ondolissë mornë
nu fanyarë rúcina,
anar púrëa tihta
axor ilcalannar
métim' auressë?

Man cenuva métim' andúnë?

Кто увидит белый корабль,
покидающий последний берег,
неясных призраков
в холодном лоне его,
плачущих, как чайки?

Кто будет смотреть на белый корабль,
бабочку, бьющую
в кипении морей
крыльями, подобными звездам,
на бурлящее море,
на летящую пену,
на сияющие крылья,
на умирающий свет?

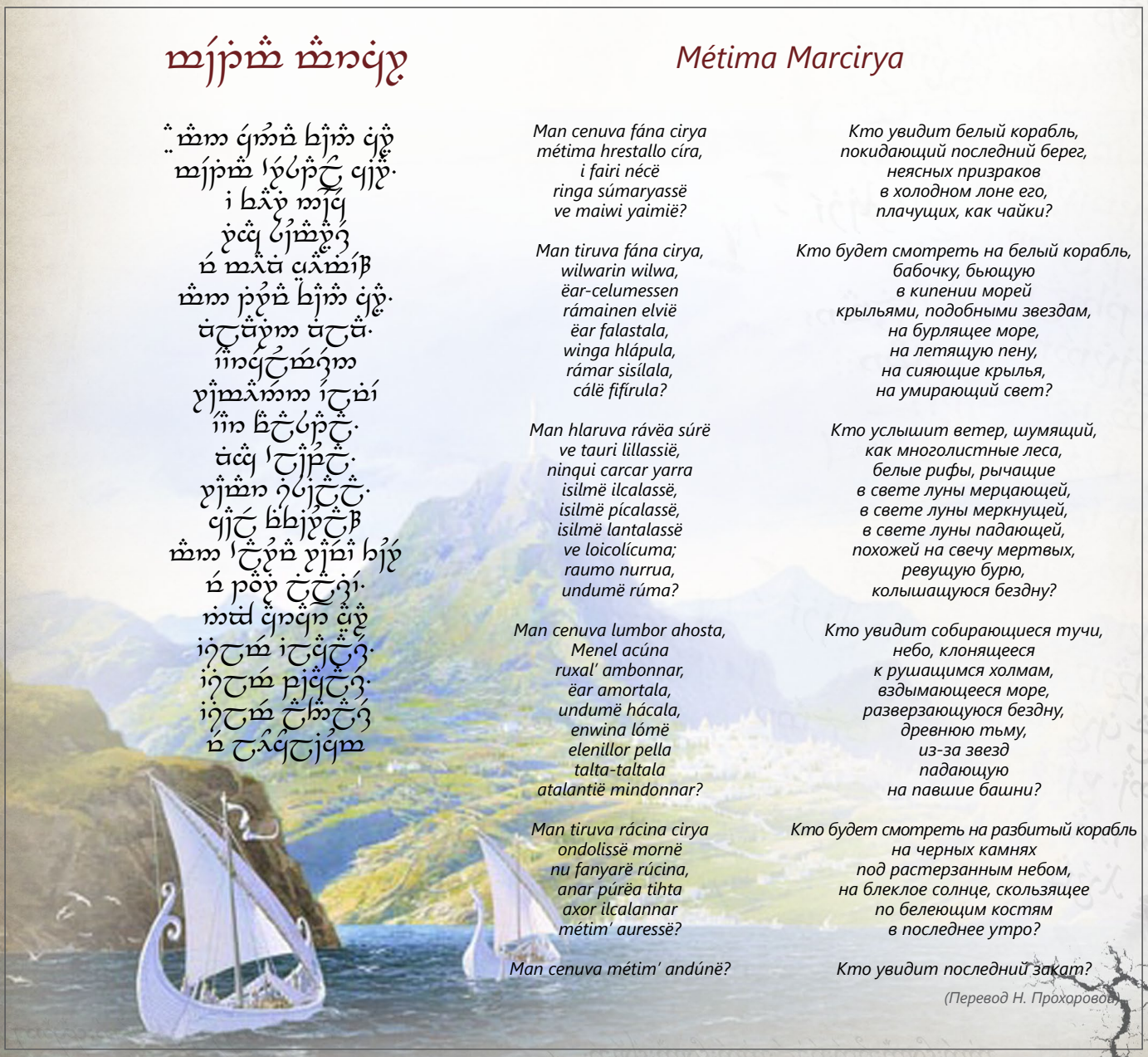
Кто услышит ветер, шумящий,
как многолистные леса,
белые рифы, рычащие
в свете луны мерцающей,
в свете луны меркнущей,
в свете луны падающей,
похожей на свечу мертвых,
ревущую бурю,
колышащуюся бездну?

Кто увидит собирающиеся тучи,
небо, клонящееся
к рушащимся холмам,
вздымающееся море,
разверзающуюся бездну,
древнюю тьму,
из-за звезд
падающую
на павшие башни?

Кто будет смотреть на разбитый корабль
на черных камнях
под растерзанным небом,
на блеклое солнце, скользящее
по белеющим костям
в последнее утро?

Кто увидит последний закат?

(Перевод Н. Прохорова)



Фантазия и реальность

или Зачем читать книги Толкина?

Часто, когда речь идет от книгах Толкина, человек, который эти книги даже не читал, косится на тебя подозрительно и потом изрекает что–то в духе: «Я уже вырос из детских сказок. Зачем мне их читать?» И правда, зачем? Мы–то наверняка ответ знаем, но только не всегда помним, ради чего исследуем языки Арды, дискутируем о смертности орков или обсуждаем обычаи эльдар. Давайте повспоминаем...

ИСТОКИ АРДЫ

Тексты произведений Толкина вызывают множество споров и сомнений с точки зрения религии, идеологии и этики. В современном ролевом фэндоме Толкина зачастую причисляют к неоязычникам. Этот миф становится модным и очень распространенным. Американский критик Джозеф Пирс пишет:

Некоторые христиане все еще с подозрением относятся к «Властелину Колец». Они видят в его мифообразии намеки на неоязычество или даже на сатанизм. Можно ли доверять книге, в которой действуют волшебники и эльфы, чародейство и волшебство?.. Должны ли родители-христиане запрещать детям читать такие книги? Вне всякого сомнения, по крайней мере, в случае с «Властелином Колец», ответ на этот вопрос один – «нет». Книги Толкина не должны быть под запретом, напротив, они должны стать необходимым чтением в каждой христианской семье. Они должны стать... незаменимой частью христианского детства[1].

В подтверждение мнения Джозефа Пирса можно также привести слова самого Толкина, который в 1953 г. писал Роберту Марри:

Разумеется, «Властелин Колец» – в основе своей произведение религиозное и католическое; поначалу так сложилось неосознанно, а вот переработка была уже вполне сознательной. Поэтому я или не вкладывал, или решительно устранял из вымышленного мира практически все ссылки на религию, на культы и обряды. Весь религиозный элемент вобрали в себя сюжет и символика. Тем не менее, ужасно неуклюже все это сказано, а звучит куда более самоуверенно, нежели я на самом деле чувствую. Ибо, по чести говоря, на сознательном уровне я планировал крайне немного; и главным образом должен благодарить судьбу за то, что воспитан (с восьми лет) в Вере, которая вскормила меня и научила тому немногому, что я знаю .

(*Письма* №142)

Итак, Джон Рональд Руэл Толкин был прежде всего христианином, католиком, что не могло не отразиться на Арде. Читатели, воспринимающие Толкина неоязычником на основании мифологизма его повествования, сходства мифов Арды со скандинавскими, финскими, кельтскими и т. п., сильно ошибаются. Достаточно внимательнее взглянуть на «Сильмариллион», чтобы увидеть это. «Был Эру, Единый, кого в Арде зовут Илуватар» – с этих слов начинается «Сильмариллион». Сюжет о сотворении мира в нем очень напоминает библейский, даже несмотря на то, что у Толкина Бог позволяет айнур принять участие в сотворении Арды, а в Библии Бог творит все один. «Сильмариллион» изначально приводит читателя к идее монотеизма: сотворенные Единым Богом айнур (часть из которых станет позже валар и майар) должны восприниматься как ангелы, а не как боги. Сам Толкин называл валар «ангельскими силами»:

Циклы начинаются с космогонического мифа: «Музыки айнур». Явлены Бог и валар (или Власти, в английском языке именуемые богами). Последние являются, скажем так, ангельскими силами, функция которых – осуществлять делегированную власть в своих сферах (правления и руководства, но не творения, созидания и переделывания).

(*Письма* №131)

Однако, поскольку христианские терминология, символика и аллюзии в некоторой степени лишили бы написанные Толкином произведения самостоятельности и образности, автор использовал термин «боги». Античные боги в некотором отношении весьма близки к валар: они ничего не творят сами, только управляют уже сотворенным и подчиняются судьбе мира. Они даже «слабее» валар, потому что в сотворении мира никак не участвовали: в античной космогонии боги переняли власть и управление над уже сотворенным титанами миром. Скандинавские боги (асы), в отличие от античных, приняли непосредственное участие в творении, но все равно были сотворены или рождены вместе с миром.

ИСТИННАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

Однако, история об Арде, написанная Толкином, – это не только христианское произведение, но и, прежде всего, «истинная волшебная сказка», как выразился бы сам Профессор. Сказка, которая учит ясно и четко различать добро и зло, стремиться к истине и чистоте, мудрости и благоразумию и избегать греха. Следует, однако, задуматься и поставить вопрос: а что такое волшебная сказка? Является ли этот жанр свойственным исключительно детской литературе? Сам Профессор в эссе «О волшебных сказках» отстаивал мнение, что сказки – жанр как для детей, так и для взрослых.

Среди тех, у кого хватает мудрости не считать волшебные сказки чем-то пагубным, по всей видимости, бытует мнение, что между детским разумом и

Католическая церковь св. Алоизия в Оксфорде, прихожанином которой был Толкин.

1. *Celebrating Middle-Earth: The Lord of the Rings as a Defense of Western Civilization, Inking Books, Seattle, 2002*

Католический Ораторий (молельня) в Эджбастоне, пригороде Бирмингема, прихожанином которого Толкин был в 1902-1911 гг.

волшебными сказками существует некая естественная связь, точно такая же, как между детским организмом и молоком. Мне это представляется ошибкой; в лучшем случае ошибкой, подсказанной неуместной сентиментальностью, причем чаще всего совершают ее те, кто, в силу каких бы то ни было личных причин (например, бездетности), склонны воспринимать детей как существ особого рода и едва ли не иной расы, а не как нормальных, пусть и незрелых, членов конкретной семьи и человечества в целом. Собственно говоря, ассоциация между детьми и волшебными сказками – плод нашей доморощенной традиции. Волшебные сказки в современном книжном мире сослали в «детскую», как обшарпанную, старомодную мебель отправляют в комнату для игр, в первую очередь потому, что взрослым она ни к чему и они не против, даже если эту мебель и попортят ненароком[2].

Таким образом, получается, что «Властелин Колец», «Сильмариллион» и другие произведения знаменитого английского писателя – книги, предназначенные даже не столько для детей, сколько для взрослых. Кто сейчас составляет основную читательскую аудиторию поклонников Толкина? Я не пользовалась статистикой, но по своему опыту знаю, что возрастной разброс читателей, увлекающихся такой литературой очень велик, и все же в большинстве это зрелые люди, сформировавшиеся как личности или те необычные школьники и студенты, которые сильно отличаются от своих сверстников.

Вторичное творчество и вторичный мир

Стоит также особое внимание обратить на то, что Толкин называл «вторичным творчеством». Профессор был очень чуток к библейским словам о том, что Бог сотворил человека по Своему «образу и подобию» – стало быть, Бог сотворил человека «малым творцом», тем, кто способен творить так же, как и его Создатель, только в меньших масштабах.

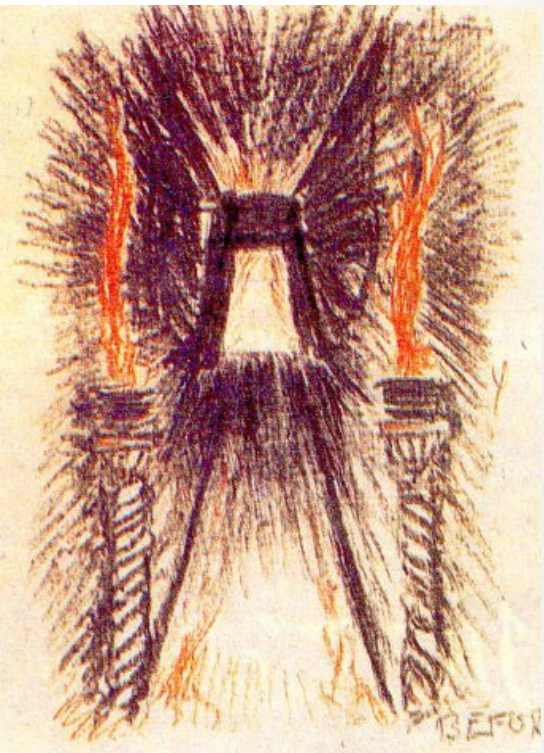
Человек своим творчеством способен создать вторичный мир – мир, в котором действует свой непротиворечивый свод законов, мир, живущий собственной загадочной жизнью, – хотя это и непростая задача. Разумеется, возникают вопросы: «Зачем нужно создавать иную реальность? Какая от нее польза?» В ответах на эти вопросы и открывается таинственная и непостижимая, но вместе с тем, очень важная грань творчества. Толкин верил, что вторичный мир может повлиять на первичный и изменить его в лучшую сторону.

В своем рассказе «Лист работы Ниггля» Профессор говорит о жизни художника, который последние годы пишет одну-единственную картину – огромное дерево, которое все шире раскидывает свои ветви и все глубже уходит своими корнями в землю. Со временем на дереве появляются какие-то незнакомые птицы, а потом и вовсе открывается целая страна, которую можно разглядеть сквозь его крону..

Ниггль не дописал свою картину – его работу прервало путешествие, в которое он вынужден был отправиться. Путешествие по ту сторону жизни, где, в конце-концов, он оказывается в своем творении, своей картине. Он видит дерево. Не такое, какое осталось на холсте, но завершенное, отразившее в себе все мысли, которые приходили к нему, но которые он не успел воплотить. Отразившее даже то, о чем Ниггль не успел помыслить. И вот что примечательно, эта работа: дерево и мир, который открылся художнику – заметьте, не самому талантливому, не самому известному (вернее даже неизвестному) – изменила не только его собственную судьбу, но и судьбу его соседа, Периша. После смерти Периш, который никоим образом не участвовал в создании картины, оказался в том же месте, что Ниггль. Бог наполнил жизнью работу Ниггля, обратил вторичный мир в первичный.

Я бы дерзнул утверждать, что, если рассматривать Христианскую Легенду под таким углом, я давно чувствовал (и радостное же это чувство!), что Господь исправил искаженную сущность сотворенных творцов – нас, людей – с учетом именно этой способности [способности к творчеству – М. Е.], равно как и других свойств нашей странной природы[3].

Тема вторичного творчества затрагивается и в «Сильмариллионе». Особенно, в эпизодах, когда Аулэ создает гномов, и когда Феанор создает Сильмарили. В последнем случае говорится об опасности для «малого творца», которой является слишком сильная привязанность к своему творению. Она порождает желание единолично им владеть, в то время как благородные побуждения диктуют не присваивать плоды своего творчества, как это сделал Феанор, а использовать их для общего блага.



Дж.Р.Р. Толкин. В преддверии 1913

2. Толкин Дж. Р. Р. О волшебных сказках // Дж. Р. Р. Толкин Чудовища и критики (под ред. Кристофера Толкина). М., 2008
3. Там же.

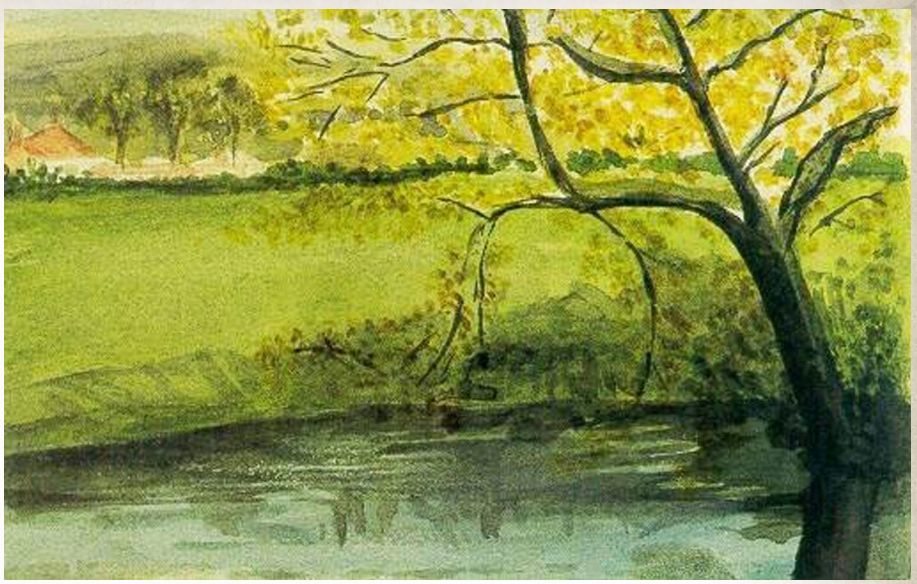
ЗАТМЕНИЕ

Но даже если забыть на время о том, что вторичный мир может изменять первичный, окажется, что тексты Толкина связаны с реальностью гораздо в большей степени, чем это может показаться на первый взгляд. Толкин-футуролог предостерегал против того будущего, которое может ожидать техногенную цивилизацию, и в этом отношении его фэнтези ничуть не уступает научной фантастике, а то и вбирает ее в себя. Творец Арды не противопоставляет технику и магию, скорее наоборот – противоположностью тому и другому является искусство в чистом виде (говоря об искусстве эльдар, Толкин предпочитал использовать термин «чары», который является одновременно антонимом и «магии», и «машины»), глубокое уважение к природе, восхищение ею и всем тварным миром. Основными же чертами машины и магии являются стремление к власти и к подчинению чужой свободной воли.

Кольцо Всевластия во «Властелине Колец» является атрибутом магии и в то же время представляет собой совершенную машину, которую можно сравнить с каким-нибудь техническим достижением нашего мира. Очарование этой «магии» столь велико, что даже эльфы однажды чуть не поддались ему:

...многие эльфы прислушались к Саурону. В те стародавние дни он еще обладал прекрасным обличием, и его побуждения вроде бы отчасти совпадали с целями эльфов: исцелить разоренные земли. Саурон отыскал слабое место эльфов, предположив, что, помогая друг другу, они сумеют сделать западное Средиземье столь же прекрасным, как Валинор. На самом-то деле то был завуалированный выпад против богов; подстрекательство попытаться создать отдельный, независимый рай. Гильгалад все эти предложения отверг, как и Эльронд. Но в Эрегионе закипела великая работа – и эльфы оказались на волосок от того, чтобы взяться за «магию» и машины. При помощи Сауроновых познаний они сделали Кольца Власти («власть» (power) во всех этих преданиях – слово зловещее и недоброе, за исключением тех случаев, когда оно применяется по отношению к богам).

(Письма, № 131).



Дерево работы Толкина

Толкиноиды/Толкнутые

Саруман в романе также является «повелителем машин»: ум волшебника, некогда преданный Истине и ее красоте, затмился «техническим искушением» – и это может произойти с любым человеком в современном мире. Причем, чем могущественнее изначально тот, кто подвергся такому искушению, тем больше зла он может причинить миру и окружающим: так, например, Саруман причиняет куда больше зла, чем жалкий Голлум, который вызывает лишь гадливое отвращение в худшем случае. Именно стремление человека машинизировать все пространство вокруг себя Толкин и называет «эскапизмом», заявляя, что волшебная сказка в таком случае является подлинно реальным бытием: «Мысль о том, что автомобили более «живы», нежели, например, кентавры или драконы, довольно любопытна; утверждать, будто они более «реальны», чем, например, кони – вздор и нелепость», «Со своей стороны я не в силах убедить себя, что крыша вокзала в Блетчли более «реальна», нежели облака. А как творение рук человеческих она, на мой взгляд, вдохновляет куда менее, нежели легендарный небесный свод. По мне, так мост к платформе номер 4 куда менее интересен, нежели Биврёст, охраняемый Хеймдаллем с Гьяллахорном»[4].

РЕАЛЬНОСТЬ ВОЗРОЖДЕННАЯ

В современном мире книги Профессора читают самые разные люди. Особая мода на Толкина, начавшаяся и прошедшая несколько лет назад, объясняется по большей части тем, что он был неправильно прочитан и воспринят: элитарная литература была ошибочно принята за массовую ввиду ее необычайного внешнего антуража. В связи с этим следует упомянуть фильм «Властелин Колец», в котором больше внимания уделяется спецэффектам, характерным для фэнтези-истории, и экшну, в ущерб философско-этической начинке исходного толкиновского текста.

Подобное восприятие книг Толкина породило у целого поколения молодежи стремление быть эльфами, хоббитами, гномами и прятаться за эльфийскими и хоббитскими именами и биографиями, тем самым не только уходя от жизни, но и искажая реалии Арды.

Лишь очень немногие люди (в основном читатели старше двадцати пяти, хотя некоторые и в 14-15 дозревают до этого) восприняли именно то, что писатель хотел донести до нас: высокие идеалы добра, чести, любви, дружбы, милосердия, справедливости и истины, и другие христианские (или лучше сказать – общечеловеческие) ценности. Многие из этих ценностей, увы, сильно пострадали в сознании наших современников. Утешает одно: сказки, сочиненные человеком, не раз обращались былью. Так оно и происходит по сей день, а значит, утраченные идеалы могут быть вновь обретены благодаря творчеству Толкина.

Мария Енгалычева

4. Толкин Дж. Р. Р. О волшебных сказках // Дж. Р. Р. Толкин Чудовища и критики (под ред. Кристофера Толкина). М., 2008

Дорога сквозь миры

Гимн эскаписта

Над краем гор ленивой толстой кошкой
Крадется туча с огненным хвостом
Ты подожди, я посмотрю немножко,
Как тает солнце в небе голубом.

Здесь каждым утром шепчутся рассветы,
Туманы заплетаются в узлы
Играют в шахматы со звездами кометы,
А ветер ест на сладкое полынь.

Здесь бродят черные, как ночь, единороги,
А в гривах каждого как полдень заплутал.
Им вереск белый мягко оплетает ноги,
Копыта их, блестящие, как сталь.

А где-то далеко, за горизонтом
Гуляет по пустым домам сквозняк.
Ванкувер победил в хоккей Торонто,
Причиной смерти сотен стал пустяк.

У телевизора запуганные зомби
Ждут наводнения и ядерной войны,
А я рисую на дороге ромбик
И крашу его веточкой сосны.

А звезды так похожи на драконов,
Кружащих в небе над другой землей.
Я сильмариллами назвал бы электроны,
Но влепят двойку вместо годовой.

На географии не учат Зазеркалье,
На биологии – летающих коней.
Отстаньте! Мысли скручены спиралью.
Скажите это им, другим – не мне!

А я пойду пешком до Эквадора,
Словлю попутку прямиком в Шанхай.
И Млечный Путь совьется коридором
Из мягкого космического мха.

Мир не оставил мне надежды – ну так что же,
Он не лишил меня возможности мечтать.
А всем, кто не согласен, дам по роже,
И нечего на зеркало пенять!

Зов легенды

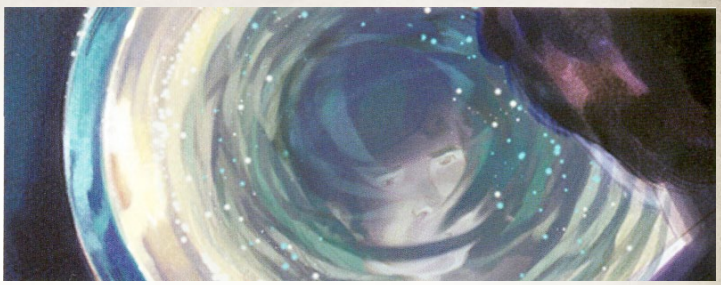
Отдайся на волю крыльев легенды,
То западный ветер зовет тебя в путь!
Пусть вьется дорога бархатной лентой,
Слова на прощанье шепнет кто-нибудь,
Закружится время, и пена столетий
Обдаст с головою из русла времен.
Идут по тропе то ль отцы, то ли дети,
Наследники странных и звучных имен.
Шепнет тайну пламя, сжигая былое,
Земля убаюкает в мягких руках,
И в воздухе летнем манящей звездою
Сверкнет ожерелье росинок в листах.
Легенда зовет, протяни свои руки,
Сорви семицветье искрящихся снов,
Изогнутых, словно эльфийские луки...
Легенда зовет, это зов, вечный Зов...

Глупец

Плющом увита лютня, звук угас,
Мертвы принцессы, замок обветшал,
И корабля обугленный каркас
Чернеет среди скучных серых скал.
Твердыня рухнула, мечтам конец.
Здесь мир реальности, здесь все не так!
Но спятивший романтик и глупец
Хранить у сердца будет рваный флаг.
Он – ветер в поле сказочных земель,
И Дом его – за тем седым холмом,
А холм – за морем. Не видать отсель.
Тот Дом – фантазия, но он ведь Дом...
Шагает он, в плащ выцветший одет,
Среди лесов нехоженой тропой,
И травы удивленно шепчут вслед:
«Глянь, босиком бредет Глупец Домой».
За годом год он будет так идти,
Пройдет полмира, Дома не найдя,
Доколе ветер-друг не возвестит,
Что час пришел и, следом поведя,
Покажет дальний путь за горизонт,
За море, за холмы, за восемь рек,
Где облака, как мягкий белый зонт,
Где не ступал ни разу человек.
Пройдя сквозь радуги цветной витраж,
Он переступит сказочный порог,
Где его встретит мудрый древний страж,
Сверкающий как снег единорог.
И наконец, пройдя земной тропой,
Глупец увидит за седым холмом
Такой желанный, вечный и родной
Свой долгожданный и заветный Дом.

Анастасия Ананасова

Отражение



От автора:

Этот текст – итог попыток сложить в единый образ мои собственные представления и выводы, связанные с героем Дж.Р.Р. Толкина. Набросок к портрету, одно из отражений – не более...

СКАЗКА

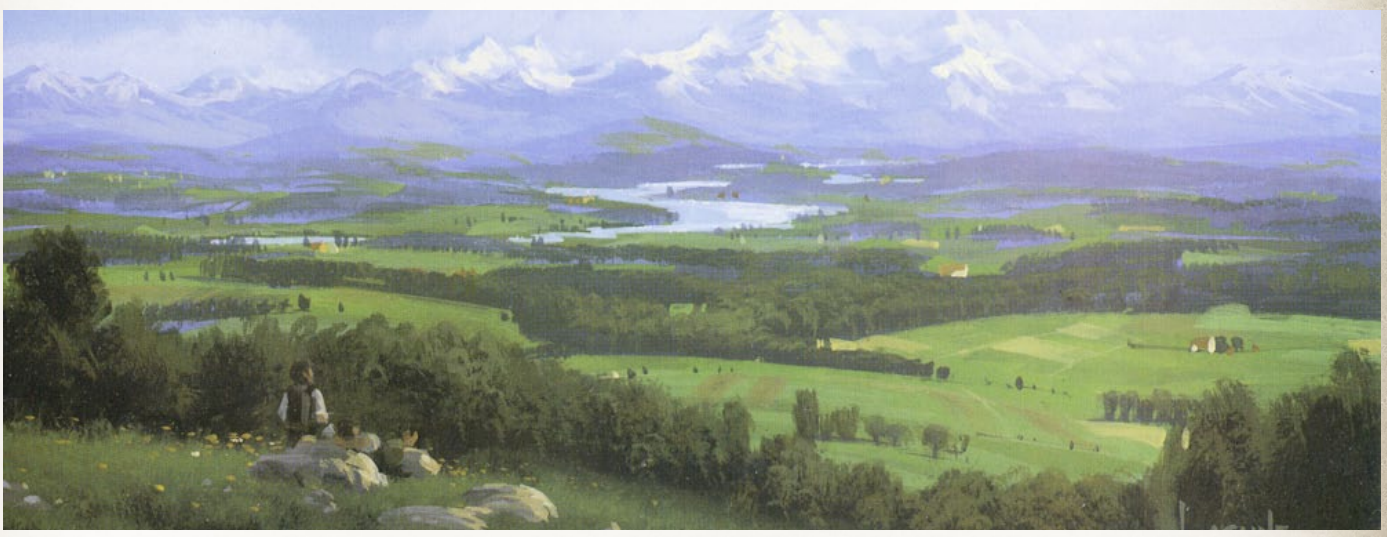
Жил-был в некой сельской местности, в спокойной и зеленой стране Шир некий хоббит, имя его Фродо, фамилия - Бэггинс. От других особенно не отличался: был привязан к «собственной» стране, не жаловал «вредных» родственников, любил друзей, проказы...

Впрочем, необычность этого хоббита и начинается с «обычной» детской веры в сказку – историю настоящего «сказочного героя» Шира – Бильбо Бэггинса. Проявивший внимание к сироте, открывший для него окошко в широкий мир, Бильбо на всю жизнь становится для Фродо самым близким хоббитом, примером, вплоть до сознательного желания подражать. Его «сказки про драконов» для Фродо (как и для Сэма) абсолютно реальны, чего нельзя сказать даже об их младших товарищах[1].

Все странности Фродо соседи, друзья, да и он сам связывали с Бильбо. Но, возможно, Бильбо лишь пробудил в его душе нечто более глубокое: образы далеких гор, дороги, моря, Пути... В общем, «странности» Фродо упираются в одно – в стремление как-то выйти из замкнутого мирка на поиск чего-то нового. Отсюда и тяга к прогулкам в одиночестве и «информационный голод»[2]. Очень выразителен в связи с этим образ карты, где за пределами Шира -пустое пространство: Фродо нравится размышлять о том, что находится там, за границами, тогда как создателей карты это явно не волновало. Однако самой вопиющей «странностью» оказалось упорное нежелание признавать дядю погибшим: отказ от траура, праздники в честь Бильбо – то, что для Фродо было абсолютно естественным, для других – чудно и неприемлемо. Из-за этого Фродо уходит в свой собственный мир, мир, где за Бильбо можно последовать, где его рассказы – часть жизни. В то же время этот мир противопоставляется миру остальных, и этим Фродо отделяет себя от других. Продолжая держать «марку Бильбо», он это отделение усугубляет, а, наталкиваясь на негативное отношение, начинает воспринимать Бильбо (и себя) как нечто более правильное, менее инертное. Желая как-то растрясти то, что Толкин называл «самодовольной умственной слепотой» *(Letters* №246, 329*)*, он начинает смотреть на соседей несколько свысока.

После этого может показаться странным, что Фродо не ушел из Шира за столь любимым Бильбо. Вот здесь и проявляются его «хоббитские» черты - привязанность к дому, любовь к уюту. А Фродо привязан еще и к самому пространству, он как бы романтизирует его (взять хотя бы его отношение к «любимым местам», над которым даже друзья посмеиваются). К тому же, несмотря на некоторую отдаленность от остальных хоббитов Шира, Фродо – дитя этого замкнутого мирка. Так, ощущение превосходства проистекает в основном из той же хоббитской ограниченности. Мир делится на «нас с Бильбо» и «остальных», но пока в его сознании нет чего-то «более высокого». Знание эльфийского, знакомство с Гэндальфом, тяга к «Пути» хоть и значат для него многое, но воспринимаются в основном через Бильбо, а потому бинарной схеме никак не мешают. Есть и другие черты, которые свойственны Фродо в той же степени, что и остальным хоббитам - страх перед неизведанным и нерешительность, которую он сам предлагает лечить землетрясением. Ему хотелось бы выйти из этого мирка, но «поход за Бильбо» Фродо может бесконечно откладывать на потом. В этом смысле показателен его внутренний диалог: «Может быть, однажды и я пресеку реку» - «Нет, пока нет» *(LOTR* 56*)*.

Ничто не длится вечно, и «землетрясение» приходит к нему лично вместе с новостями Гэндальфа. В процессе постепенного осознания и принятия ситуации проявляются все особенности и противоречия его жизни в Шире, выливаясь в причудливый монолог, странным образом объединяющий страх и нерешительность с желанием уйти за приключениями и вернуть Бильбо, любовь к Ширу с сознанием хоббитской ограниченности. Но теперь эта ограниченность становится залогом отгороженности хоббитов от бед остального мира, и Фродо готов дорого заплатить, чтобы все оставалось прежним. Важно, что сам он не чув-



Пол Ласейн «Хоббитон»

1. «Он [Пиппин] хорошо знал эту историю. Бильбо и Фродо часто ее рассказывали, но на самом деле он никогда не верил ей больше чем наполовину» (LOTR, 269).

2. «Он уходил дальше и все больше в одиночестве и Мэрри и другие его друзья следили за этим с беспокойством»; «Ходили слухи о странных событиях во внешнем мире и, так как Гэндальф тогда не появлялся, и за несколько лет не послал ни весточки, Фродо собирал все новости, какие мог» (LOTR, 57).

Все цитаты на «Властелина Колец» даны по изданию: Tolkien, J.R.R.T. The Lord of The Rings. London: HarperCollins Publishers, 2007; на письма Дж.Р.Р.Толкина по The Letters of J. R. R. Tolkien. London: HarperCollins Publishers, 1995.

«Землетрясение» приходит к Фродо вместе с новостями Гэндальфа» (Анке Эйсманн «Гендальф приходит в Бэг Энд»)

ствует в своих словах никакого пафоса - для него естественно исключать из условий задачи собственную безопасность, оставляя только желание уберечь других.

Решение уйти дается непросто - Фродо смутно понимает, что происходит, он боится, ищет виноватых, словно блуждая в потемках. Ответ приходит как внезапный свет[3]. Такие «ясные решения» сопровождают его на всем пути. И, решившись наконец, он уже не изменяет своему выбору: боясь, чувствуя себя загнанным, даже жалуясь и ища «более подходящего хранителя», он и не думает о возможности отказаться от выбранного пути.

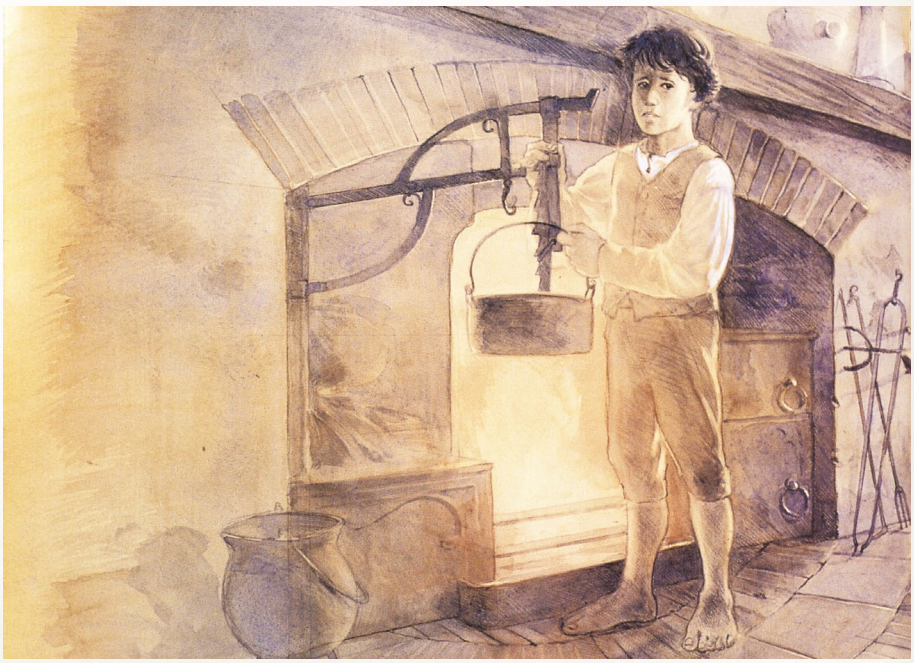
Тем не менее, существует препятствие, определенное Бильбо как «Фродо Шир все еще любит» (*LOTR* 43). Фродо очень тяжело дается разрыв связей, причем размышления о неизбежном расставании, смешиваясь с инертностью той его половины, что всегда отвечала «Нет, пока нет», становятся для него тяжелее самого факта ухода. Фродо сам осознает противоречие в своем отношении к Ширу. Показательно, как он выбирает дату ухода, которая связывает их с дядей (общий день рождения), уход из Шира Бильбо и время года, когда тянет к неизведанному, а родная страна кажется тесной и слишком хорошо изученной. К тому же такой выбор позволял ему максимально отсрочить минуту прощания с домом.

Сложнее дело обстоит с друзьями. Здесь к страху уходить примешивается нежелание причинить им боль расставанием, чувство вины за то, что приходится скрывать правду, а с другой стороны, осознание необходимости смотреть на ситуацию ответственно и не подвергать друзей опасности. В итоге получается странная смесь покровительства, насмешливости и неуверенности по отношению к ним, делающая Фродо совершенно беспомощным, когда он понимает, что друзья оказались более предусмотрительными и менее чувствительными, чем он ожидал. Их доводам противопоставить уже нечего, к тому же остаться один Фродо все-таки боится.

Здесь нельзя не сказать несколько слов о тех, к кому наш знакомый так привязался. Стоит заметить, что он вообще легче привязывается и хуже переносит расставания, нежели Бильбо. В отличие от Бильбо, у Фродо есть близкие друзья, которые не оставят его одного.

В отношениях Фродо и Сэма вначале все кажется довольно очевидным: большую роль в них играет не родство или возраст, а субординация, которая задает определенную форму, хотя и не исключает при этом сильной личной привязанности. Фродо видит преданность Сэма и в Шире относится к нему несколько покровительственно, как и положено хозяину: может пригрозить, когда надо, хотя делает это не очень умело - очевидно, что «господского гнева» Сэм не боится. В то же время Фродо обращает внимание на происходящие с Сэмом изменения, как будто желая узнать его лучше, угадать, к чему он может прийти. Видимо, не случайно в его шутку о характере Сэма проникает формулировка «в конце он может стать [магом или воином]» (*LOTR* 271-272). Пиппина же Фродо воспринимает как младшего брата, все время над ним подтрунивает, а тот пытается отвечать, но проигрывает. В этом Мэриадок – полная противоположность Туку. С первого его появления видно, что этот хоббит за словом в карман не полезет. Кроме того, Мэрри проявляет себя самым прагматичным и собранным из хоббитов, становясь противоположностью уже Фродо. Он единственный из трех друзей, кто может в лицо высказать тому, все, что думает о ситуации, в которой они оказались.

Стоит сказать еще кое-что о «сказочной» части романа. С развитием сюжета, мы можем заметить несколько особенностей в том, как Фродо общается с менее близкими ему или незнакомыми персонажами. Возможно, из-за первостепенного значения Слова для автора, его герой очень внимательно относится к тому, что и как говорится, и часто отвечает в тон собеседнику, благодаря чему вызывает симпатию у самых разных персонажей. Хотя симпатия объясняется, видимо, еще чем-то - Фродо почти комически удалось снискать одобрение и Папаши Гэмджи, и фермера Мэггота, которые жили по разные стороны Брендивайна и оба сетовали на плохое влияние «с той стороны реки». С эльфами он пытается говорить на их языке, в доме Бомбадила изъ-



Джон Хоу «Бэг Энд»

3. «Ну! – сказал, наконец, Гэндальф. – О чем ты думаешь? Ты решил, что делать? – Нет, сказал Фродо, выныривая из мрака, и к своему удивлению понял, что вокруг не темно, а из окна виден залитый солнцем сад» (LOTR, 81).

Джон Хоу «У Заветери»

ясняется стихами, с гномом использует принятые формы вежливости, вопрос Арагорна парирует почти тем же вопросом.

Что касается восприимчивости к тексту, вспомним, как он читает стихотворение о Дороге. Читатель-то знает, что то же стихотворение уже читал Бильбо, и что Фродо меняет слова «eager feet» (бодрыми ногами) на «weary feet» (усталыми ногами), а сам Фродо даже не помнит, слышал ли его где-то раньше или придумал: эти строки настолько глубоко в нем, что он роднит их со своими ощущениями[4]. Об этом говорит и его обращение у Брода к Лутиэн, о которой он услышал (по тексту) только две недели назад.

Есть в нем некая «чувствительность к другим» и желание поверить, в отличие, например, от Сэма, который скорее обратит внимание на конкретные поступки и мнение тех, кому доверяет. Для Фродо важнее интонации, подбор слов, собственные ощущения. «Враг хотел бы казаться лучше, а по ощущениям был бы хуже»(*LOTR* 224) - так дословно звучит его мысль, так он мотивирует свое доверие Страннику во время их первой встречи в Бри. Он умеет чувствовать других, и, когда почувствует, почти мгновенно привязывается: уже в Ривенделле он говорит про Арагорна не иначе, как «он дорог мне». Именно эта способность чувствовать других, понимать их мысли и намерения, выраженная очень сильно и данная ему не просто так, разительней всего остального отличает его от других хоббитов. Именно она становится определяющей во второй книге «Братства Кольца».

Внутреннее и внешнее

Вся первая книга (примерно до Заветери) - сказка, приключение, последовательное преодоление разных препятствий, опасностей. «Бегство к Броду» и «Встречи» становятся как бы мостом, а с Советом в Ривенделле история переходит на абсолютно другой уровень. Особенно это верно для Фродо. Здесь заканчивается поход «следом за Бильбо»: он «обретает то, что искал»[5], но дорога ведет его дальше, вынуждая оставить путь, уже пройденный дядей. До Ривенделла привязанность к Бильбо и к тому, что условно можно назвать «миром эльфов», нераздельны, но когда они слушают песни в Каминном зале, он не хочет покидать эльфов, даже следом за Бильбо (*LOTR* 309).

Конечно, ничего не меняется в одно мгновение, и Фродо далеко не сразу освобождается от некоторых штампов ширского мирка, что видно по его недалеким суждениям о людях в Ривенделле[6]. Подобные представления происходят от недостатка опыта, и залогом мудрости становится его умение учиться и принимать чужой мир и его ценности[7]. Недаром, путь Хранителя начинается с Совета и пролегает дальше через Морию и Лориэн, открывая многообразие Средиземья и его уязвимость.

Стоит сказать, что Сэм и Бильбо чаще выражают свои ощущения в словах. Фродо больше молчит, но остается как будто зачарованным - взглядом Арвен, эльфийскими песнями, красотой Лориэна. Он не говорит о своей любви к красоте, но это по нему и так видно. Тому, что Фродо умеет слушать, видеть чужую правду и понимать «чужую красоту», есть одно почти незаметное свидетельство: когда Гимли отправляется к озеру Келед-зарам, он зовет с собой только Фродо и больше никого. Можно предположить, что Гимли чувствует, что и Фродо способен увидеть, понять красоту этого священного для народа Дарина места (к тому же, что для него это еще и ново). Естественно, Фродо, в это время по большей части выполняющий функции героя-медиатора, должен все увидеть, чтобы увидел и читатель, но все-таки... Особенно трогательно отражают способность Фродо замечать красоту лориэнские главы, где он следом за Леголасом прощается с рекой и засыпает, вспоминая песню о Нимродель.

После «смерти» Гэндальфа все больше нарастает напряжение. Уже на выходе из Мории одной из первых звучит фраза: «Мы должны идти без надежды» (*LOTR* 433). «Путь без надежды» разделят так или иначе все герои, а для Фродо и Сэма он станет единственно возможным.

Фродо начинает нащупывать свой путь уже на Великой реке. Он как бы пересматривает свой взгляд на поход в целом. Конечно, Фродо и до того постоянно выказы-

Анке Эйсманн «Переправа через Нимродель»

4. Доп. см. Shippey, T. A. The Road to Middle-earth. London: Grafton, 1992, p. 167-168.

5. Слова Гилдора: «Ты уходишь из Шира, но все таки сомневаешься, обретешь ли ты то, что ищешь, исполнишь ли то, что собираешься и вернешься ли вовсе» (LOTR, 109).

6. Например, «Я-то думал, ну... что они просто большие и довольно глупые: глупые и добрые, как Маслютик, или глупые, или злобные и глупые, как Билл Ферни» или слова об Арагорне, как о «простом скитальце». (LOTR, 287).

7. Примечательно, где-то на этом этапе повествования в черновиках все больше склонялся назвать героя Фродо (мудрый опытом! (Letters, № 168)), а не Бинго. The Return of the Shadow (HOME, vol. 6). London: HarperCollins Publishers, 1994. p. 220.

Анке Эйсманн «Бегство от Черных Всадников»

вал сомнения в своей судьбе, но в глубине души он в них не верил. «Мне невыносимо думать, что придется сообщить ему [Бильбо] об этом [о смерти Гэндальфа]» (*LOTR* 469), - говорит он Сэму в Лориэне, еще не отрезав себя от возможности вернуться в тот, связанный со сказкам и поддержкой сильных, мир, где был Бильбо. С того момента, когда Фродо начинает обдумывать уход, его мысли становятся более мрачными.

Рассуждая по принципу «пока есть дорога – надо идти», впервые заявленном в тот момент, когда Братство, после неудачно окончившейся попытки перебраться через Карадарас, выбирает иной путь (*LOTR* 384), Фродо не сомневается в необходимости идти вперед и именно в Мордор, а не в Минас Тирит. Как мы уже говорили: пообещав раз, он больше не видит других путей. Сомнения его (помимо того, что он определил как «просто боюсь» (*LOTR* 520)) лежат во многом в той же плоскости, как и те, что были в Шире, только ответственность теперь больше. Снова Фродо не верит, что сможет убедить друзей его оставить, хотя необходимость этого ощущает еще сильнее, так как впереди Мордор. Поэтому печальное преображение Боромира и помогает ему решиться – главной опасностью стал уже не Мордор, а Кольцо и, следовательно, его Хранитель, так что уберечь друзей было возможно лишь оставив их. Характерно, что самому Фродо такое решение (убегать без объяснений) кажется нечестным, но снова он слишком боится позволить себе слабину и дать себя уговорить. Так было принято решение, почти полностью отрезавшее Фродо от прошлого и от остального мира.

Почти полностью... Была одна ниточка. Или веревочка. И не сказать, чтобы очень тонкая. В семействе Гэмджи издревле плели отличные веревки и вязали крепкие узлы. Сэм - единственный, кто смог пробить стенку этого решения Фродо, пробить очень по-своему, по-сэмовски, с прыжками в воду и угрозой разбить все лодки, но по-другому и быть не могло. Снова, как в Крикхоллоу, упрямый Фродо сдается упрямству Сэма, отчасти (несмотря на благородное желание уйти) радуясь обретению спутника, отчасти, быть может, чувствуя, что Путь этот и для Сэма. Ведь, если посмотреть на это чуть шире, Сэм далеко не просто так стал единственным и главным спутником Фродо. Только он полностью понимал, а главное принимал решение хозяина идти в Мордор. Если для Фродо главным и безоговорочным мотивом является «польза для мира» и собственное честное слово, то для Сэма таким же незыблемым будет решение дорогого хозяина. Оба не думают о цене, которую им самим придется заплатить. Кроме того, они необыкновенно хорошо понимают друг друга. Так, собираясь покинуть Братство, Фродо думает: «Они должны понять. Сэм поймет» (*LOTR* 524) - и почти в тот же момент Сэм активно разъясняет Братству, что так беспокоит мистера Фродо.

Сцена на Амон Хен в конце «Братства Кольца» пересекается как с моментом принятия решения в Шире, так и, что более интересно, со сценой у Минас Моргула. Остановимся только на отдельных моментах этого удивительного пассажа. Здесь, как и ранее, решение приходит как неожиданное осознание ясности. После потрясения и борьбы с собой Фродо вдруг обнаруживает, что все залито «ясным» («clear») солнечным светом, а после приходит решение. Здесь же присутствует и другая борьба – борьба между надеждой-ослеплением, охватывающей героя при виде белоснежного Минас Тирита и отчаянием, которое воплощает кажущаяся несокрушимой твердыня Саурона. Именно в этом постоянном противоборстве и существует такая странная и непростая надежда Фродо.

НА ВЕСАХ

Надежда Фродо... о ней как-то не принято говорить. Обычно вспоминают отчаяние и уныние или, напротив, утверждают, что он никогда не терял надежды. К этой теме, которая затрагивает Фродо и Сэма,

Анке Эйсманн "Ожидание Фродо"

Джереми Беннет "Мертвые топи"

смешивает веру, отчаяние, надежду и уныние, мы еще вернемся.

Внутреннее напряжение Фродо чувствуется уже с первых слов книги IV. Теперь он не оборачивается назад, а, полностью обратившись к цели, все время торопится, как будто боясь не успеть. Несколько меняются ориентиры. До Амон Хен у Фродо два «мысленных утешения» в трудных ситуациях - Шир и Бильбо (например, в Упокоищах, после Заветери, в Мории). Теперь все немного по-другому. За всю IV книгу Фродо ни разу вслух не вспоминает Бильбо, и мы не можем прочитать его мысли о Шире. Раньше ему хотелось забыть обо всем и вернуться домой, теперь же уничтожение Кольца становится единственной целью, а остальное уходит в туман, кажется бесконечно далеким прошлым. Тем не менее, Фродо находит еще одну опору. Ею становятся мысли о Гэндальфе. Оторванный от советчиков, именно с Гэндальфом он ведет внутренний диалог, произносит его имя во сне и даже шутит про Гэндальфа на белом олифанте. Интересно, что именно «на белом», ведь о Гэндальфе Белом Фродо, в отличие от читателя, не знает – он почувствовал это преображение. Между хоббитом и магом всегда существовала глубокая связь, и существовала она не только благодаря связи Хранителей Колец (которая не работает без их воли, как указывает Галадриэль) и воли Гэндальфа, который постоянно мысленно обращен к Фродо и Сэму. В словах Гэндальфа Фродо ищет ответы на вопросы, которые ставит ему Задача.

Анке Эйсманн "Мертвые топи"

Фродо действительно теперь приходится многое решать и постоянно взвешивать свои поступки и даже слова. Меняется и характер его пути: раньше решения (уйти из Шира, от Братства и т.д.) могли вести Фродо достаточно долго, до следующей развилки, теперь же это постоянный набор противоречий, который время от времени приходится переосмыслять заново. В этой части герой все время стоит на грани между честностью и ложью, отчаянием и надеждой, смирением и гордыней.

Ярче проявляет себя Кольцо. В «Братстве Кольца», если не считать искушений, связанных скорее с внешними обстоятельствами (например, в Упокоищах и на Заветери), действие Кольца на Фродо представлено страхом за его сохранность и собственническим чувством[8], а также, возможно, некоторой гордостью, что он выполняет такое важное дело[9]. Теперь же влияние Кольца больше похоже на то, что считается его «прямым назначением» - искушение подчинять. До Ородруина Фродо не надевает больше Кольцо, но нельзя сказать, что не использует: Голлума в итоге приходится «укрощать» той же Прелестью (при встрече и на Запретном пруду). До того, как принять клятву в верности, Фродо предупреждает Смеагола о последствиях, но, не похоже, чтобы он понимал последствия для себя. После слов «Нет, клянись Им, но не на нем. Ты знаешь, где Оно. Оно перед тобой» (*LOTR* 807) Фродо на мгновение перестает быть собой.

«На мгновение Сэму показалось, что его хозяин вырос, а Голлум сжался. Высокая суровая фигура, могучий владыка, скрывший свое величие (сияние) за серым облаком, и у его ног скулящая собачонка» (*LOTR* 807).

Нет точного ответа на вопрос, что такое фигура владыки. Однако можно заметить, что описания тех представлений о себе, которые высказывают (или воображают) хранители во время искушений, чем-то схожи со следующим за этим внешним преображением (речь идет о Сэме и Галадриэль). Если допустить, что то, что происходит с Фродо, аналогично тому, что мы можем наблюдать с другими хранителями, то белая фигура каким-то образом показывает его «мечты о себе» (в худшем из вариантов). Тогда тот факт, что в первый раз она связана с милосердием (на Роковой Горе Сэм тоже видит Фродо фигурой в белом, но «недоступную теперь жалости» (*LOTR* 1234) и появляется в ситуации, когда Фродо желает Голлуму лучшего, может говорить о том, что это крайнее проявление его желания помочь всем, всех спасти, а облако, за которым скрыто величие фигуры, может объясняться желанием «еще показать себя» (по сути ухваченного Кольцом его умения учиться, становиться лучше и, возможно, сильнее). Тогда, во всяком случае, станут ясны его неожиданные размышления у крепости Минас Моргул в ответ на искушение надеть Кольцо и победить Короля-призрака с его помощью: «у него [у Фродо] не хватило бы сил тягаться с Королем-Призраком, пока нет» (курсив мой. – А.Л.). О «гордом тоне» Фродо говорится всего один раз - на допросе Фарамира, когда он отстаивает свое положение в Братстве, и снова это можно толковать и как достойный ответ и как ощущение собственной избранности «всем Советом»[10]. Кольцо как бы обращает лучшие его качества в противоположность.

Фродо постоянно приходится взвешивать и отношение к Голлуму - это вовсе не «слепое», как думал Сэм, доверие. Сначала жалость и слова Гэндальфа перевешивают его страх и убеждение, что такое существо не имеет права на жизнь. Затем вступают его представление о долге хозяина и благодарности (в эпизоде на Запретном пруду «аргумент к Гэндальфу» - только третий[11]). То есть решает судьбу Голлума уже не жалость, а честность Фродо.

8. Например, в Бэг Энде, когда Гэдальф кидает Кольцо в камин, Фродо сразу бросается его вытаскивать, а потом, когда Гэндальф предлагает ему самому поступить так же, не может этого сделать. (LOTR., 65, 80).

9. В доме Тома Бомбадила Фродо уязвлен тем, как небрежно обращается Том с вещью, которую и Гэндальф считал опасной (LOTR, 174).

10. «Моя роль в Братстве была известна ему (Боромиру – А.Л.) равно как и остальным, так как она была возложена на меня самим Элрондом из Имладриса перед лицом всего Совета» (LOTR, 867).

11. «Но нет, Голлум теперь имеет право на его заступничество. Слуга всегда имеет право на защиту хозяина, даже если служит лишь из страха. Они бы утонули в Болотах без него. И, Фродо почему-то был уверен, что Гэндальф бы этого не хотел» (LOTR, 898).

К тому же представление о чести и верности слову одинаково близки и Фродо, и Фарамиру – именно на этом они сходятся. Их разговор о невозможности нарушить данное Голлуму обещание - свидетельство того, насколько близки их ценности. Они говорят на одном языке и действительно понимают друг друга. Встреча с Фарамиром очень много значит для Фродо. Фарамир становится как бы лучиком надежды во тьме. Другой лучик неожиданно догоняет их на Перекрестке, у статуи поверженного короля, когда Фродо вдруг произносит: «Они не могут победить навсегда!» (*LOTR* 919). В этом непоколебимая вера в конечную победу добра: орки могут отрубить голову статуе короля, могут водрузить на ее место валун, написать или нарисовать, что угодно, но они не могут помешать цветам оплести его голову, вернув корону, не могут помешать свету упасть на нее – это сильнее их, «они не могут победить навсегда». Что-то похожее происходит с Сэмом уже в Мордоре, когда он видит звезду и понимает, что есть вещи, которые зло разрушить не сможет (*LOTR* 1206). Но Сэм после этого перестает волноваться и за себя и за Фродо, спокойно засыпает, чувствуя Высший промысел, а для Фродо после вспышки света наступает тьма. В отчаяние его повергает выход войск из Минас Моргула, и дело тут не только в усталости и потрясении от очередной схватки с Кольцом, но больше от ожидания «конца всего» и мысли, что время безнадежно упущено. Здесь страх, который гнал его с самого начала самостоятельного пути, заставляя торопить Сэма и спускаться по горам впотьмах, впервые обретает словесную форму – это страх опоздать и добраться до цели, когда не будет уже никого, а отсюда и ощущение тщетности усилий. Недаром первое, что ему приходит в голову – что не устоит Фарамир, который только что был своеобразным гарантом надежности и стойкости людей. Именно этот страх и заставляет его сознательно (чтобы как-то продолжать путь) закрываться от воспоминаний о доме и друзьях. Потому и мысленно обращаться к «погибшему» Гэндальфу не так больно, как к Бильбо, который где-то есть, но о котором ничего не известно. То же и с друзьями – подумав о них, Фродо тут же жалеет, что Фарамир вырвал его из «сна, в котором можно забыться» (*LOTR* 894). Сейчас у Минас Моргула ему удается с этим справиться, в чем-то, действительно, отгородиться. Осознание того, что он должен продолжать свой путь «не глядя по сторонам» вновь приходит со светом, заключенным на этот раз в голосе Сэма. В голосе Сэма, который до самого конца пронесет свет того «далекого солнечного утра» в Шире (*LOTR* 926).

Алан Ли "Приручение Смеагола"

Как мы уже говорили «надеются» Фродо и Сэм очень по-разному. Сэм так резко, эмоционально свою надежду не выражает, но никогда до конца не отчаивается, находит в ней силы и обретает то, о чем просит. Надежда Фродо приходит вспышками, но рушится обстоятельствами, окончательно выбивая из-под ног почву. Может проблема не в том, что надежды Фродо «обманывают», а в том, что он недостаточно верит в их исполнение?

Сэм действительно больше просит у Высших сил и получает эту поддержку - свет, воду, возможность найти Фродо, просит, чтобы веревочка вернулась... Сцена с веревочкой (спуск с Эмин Муил) точно характеризует как самих Фродо и Сэма, так и их взаимосвязь. И Фродо здесь оказывается, как это ни странно, «материалистичнее» Сэма. Сэм твердо верит, что веревка вернулась из-за «волшебства Галадриэль», а Фродо готов списать все на непрочный узел. Конечно, нельзя сказать, что Фродо не верит в помощь Высших сил, да и в Мордоре предлагает Сэму «положиться на их удачу или на благословение» (*LOTR* 1204). Получается, что он верит, но не рассчитывает на помощь лично для себя, а в моменты усталости и сомнений не мечтает уже и о спасении мира. Так, Сэм веревке полностью доверяет, Фродо стремится полагаться на что-то кроме нее. Но тут есть еще деталь: Сэма сверху страхует Фродо, а Фродо никто (зримо) не страхует. Это может

Джереми Беннет "Водопады Рауроса

Джон Хоу "Минас Моргул"

пояснить различие между ними. Помощь Фродо – единственная цель похода Сэма, и даже беспорядки в Шире не заставляют его свернуть. Его не беспокоят изменения в окружающем мире, и надежду он теряет один раз – когда думает, что потерял Фродо. Фродо же берет на себя ответственность за нечто более далекое и абстрактное, если можно так выразиться, и здесь ему трудно найти непоколебимую опору. Не принимая в расчет собственную судьбу, Фродо не может полностью доверить мир «Воле Провидения» и перестать беспокоиться. Без опоры любые дурные вести он воспринимает как свидетельство поражения. Оборотной стороной этого становится то, что, все-таки не умея «отчаиваться до конца», он вспыхивает, как только видит малейший шанс на успех. Но это быстро проходит - при новой встрече с силой врага.

Его «закрытие», «отстранение» от всего, что «к цели не относится», похоже на попытку избежать таких «перемен в настроении». Фродо, чтобы как-то продвигаться вперед, снова приходится обрывать нити, связывающие его с друзьями и прошлым.

Вопросы без ответов

Чем дальше мы читаем, тем меньше написано прямо. Сколько сказано Фродо, сколько о нем и как мало мы понимаем.

«Рок падет на Роковую Гору». «Не забуду. Никогда, но могу вас простить» «...может стать как сосуд, наполненный чистым светом...» «...и не возьму никакого оружия...» «Ты стал мудрым и жестоким». «Все, что у меня было и могло бы быть...»

Неоднозначные высказывания. Вопросы без ответов. Ответы на незаданные вопросы...

За грань и обратно

И все-таки, хоть Фродо и пытается убедить себя (и Сэма), что надеяться не на что, долго он в это верить не может. В логове Шелоб (как когда-то в Упокоище) он снова очертя голову бросается к свету, желая поверить, что они «прорвутся и никто не остановит», а зарево над Мордором тогда кажется ему «утром надежды» (*LOTR* 946). Видимо, для накопившегося напряжения не нашлось другого выхода, и этот немотивированный «последний рывок» - внутреннее противодействие стремлению спокойно реагировать на мрак. Платить за неосторожность опять приходится дорого – после Логова Шелоб и крепости Кирит Унгол «вспышек надежды» мы уже не увидим: все силы уходят на продвижение вперед, и «постороннего» будто и правда не остается.

Кольцо тоже играет свою роль в разрыве связей, проникая внутрь и закрывая собой все остальное. Легко проследить «приближение» его силы: в Ривенделле Око кажется отдаленной «красной звездой», на Эмин Муйл и Гиблых Болотах это взгляд, проникающий через «облака, землю и плоть», перед которым «будто раздет», в Кирит Унгол Фродо раздет буквально, но «одет в пламя», а в самом Мордоре видит только огненное колесо (*LOTR* 357, 824, 789, 1191, 1226). Очевидно, что это давление на Ородруине достигает высшей точки. Заходя в Огненную Залу Фродо, уже

Как Бинго стал Фродо

Для многих всегда поразительным оставался тот факт, что «Властелин Колец» был написан практически без плана. В первоначальных записях автора, его герои просто шли вперед, причем ни сами они, ни автор не знали, куда и зачем. Он не предполагал даже, какую большую роль сыграет волшебное кольцо, найденное Бильбо в пещере, в первых двух редакциях оно было простой волшебной безделушкой.

«Для меня вначале идет имя, а за ним уже тянется история» - писал Толкин в своих письмах. Он сначала придумывал имя (свидетельством этому являются его черновики со списками похожих по звучанию имен), а потом только придумывал, что будет происходить с его обладателем. Так, вначале, у нас был Бинго Бэггинс, сын Бильбо, которому хотелось отправиться на поиски приключений. Откуда такое имя? Хемфри Карпентер предположил, что имя "Бинго" пришло от семейства игрушечных медведей-коал, принадлежавших в детстве Кристоферу, - the Bingos. Сам Кристофер отнесся к гипотезе достаточно скептически. Бинго был очень похож на своего отца, тяга к приключениям возобладала над привычным укладом хоббитской жизни.

Фродо появляется во второй главе «От Хоббитона до Залесья» из черновиков Толкина, правленых его сыном Кристофером. Он носил фамилию Брендизайк и «сидел на куче мешков и ящиков и глядел на звезды», в отличие от своего спутника Одо, который «сидел на калитке и насвистывал». "...Причем Одо верил едва лишь на четверть в дядюшкины истории, Дрого был менее скептичен, а Фродо верил им почти полностью". Четверка хоббитов - Фродо, Одо, Дрого и Бинго во главе - направлялись в Ривенделл, причем по записям ясно, что Бинго бывал там уже не раз.

Во второй редакции Дрого отпал, а Фродо стал Туком, веселым и шумным, но все таким же задумчивым и мечтательным, Бинго стал племянником Бильбо, и шли они уже не в Ривенделл, а за каким-то Мармадуком, который, возможно, появился из Фродо Брендизайка. Мотива Кольца еще нет, есть мотив поиска приключений, которые внезапно наваливаются на друзей-хоббитов. Поэтому Бинго еще не тот Фродо, которого знаем мы. Зато описания пейзажей становятся куда более полными и красочными. Бинго явный лидер, но Фродо все же замечает больше все, что творится вокруг. Он первый слышит звук копыт коня, на котором ехал Гэндальф. «Вскоре появился белый конь, а на нем сидел мешок – или кто-то, похожий на мешок: маленький человек, полностью закутанный в большой плащ и капюшон, так, что были заметны только блеск его глаз да сапоги в стременах». Интересен тот факт, что впоследствии Гэндальф превратился в Черного Всадника, а Фродо

будто отказывается от собственной воли: «Рок падет на Роковую Гору» (*LOTR* 1234).

Дж.Р.Р. Толкин удивительно точен в соотношении собственной воли героев и силы Провидения. Только в сочетании с волей Провидения все усилия Фродо (и тех, кто ему помогает) могут обернуться победой. В этом путь к Ородруину параллелен пути от Заветери до Ривенделла – без помощи друзей и Мудрых шансов у Фродо не было, но и помочь бы ему никто не мог, если бы он сдался. Толкин сознательно закрывает от нас то, что произошло с Фродо в Саммат Наур – не показывает (или «не видит»?) его лица, слышит чужой голос. То, что было в черновиках[12] напоминает сцену на Амон Хен «в черном цвете» - силы на этот раз не уравновешиваются, чтобы дать Фродо свободу, а терзают, делая желание встать над ними шагом к подчинению Кольцу. В итоге Толкин или совсем отказывается от этой версии или предпочитает скрыть ее от глаз читателя. Что касается Фродо, по словам автора, он воспринимал произошедшее в Саммат Наур как полное свое поражение, но самого «слома», возможно, не помнил.

Так или иначе, Рок действительно пал, и по воле Рока Фродо невероятным образом спасся. Говоря о том, что смерть надежды – естественное положение вещей, Фродо ошибается, прав оказывается Сэм, который еще борется за их «последние минуты», спасая обоих. Фродо же настолько связал себя с Задачей, что ничего, кроме смерти не ждет, и даже судьба мира его уже не беспокоит. Фродо ошибся: в Минас Тирит все как будто начинается сначала. Теперь от читателя отдален уже кошмар Мордора, и Фродо, тот самый Фродо, который столько раз отказывал себе в возможности вернуться, снова становится вполне уравновешенным «джеэнтелхоббитом» (меткое выражение Папаши Гэмджи). Он подшучивает над Сэмом и даже Гэндальфом, радуется встречам, восхищается красотой Арвен. Именно Арвен, по словам Толкина, замечает нечто тревожащее в нем, но пока ни сам Фродо, ни читатель ничего такого не видит.

Джон Хоу "Логово Шелоб"

Больше не сказка

Праздники, встречи, новая жизнь... Однако если Фродо действительно снова стал собой, то он, конечно, хочет вернуться к тому, что когда-то было для него дороже всего – к Бильбо и Ширу, и тем самым – окончательно к «себе прежнему». Вот это оказывается уже сложнее. По иронии судьбы вся «несказочность» его истории обрушивается на Фродо как раз на «сказочном» участке пути – между Ривенделлом и Широм. Новые сомнения впервые проявились тоже в примечательной точке – у брода через Бруинен. Задуматься заставляет не только факт возвращения боли, но и реакция Фродо. Если судить по тому, что и как он говорит, «рецидивы» он переносит (эмоционально) тяжелее самого ранения. Теперь сильнее ощущение тоски и безысходности, и Фродо вдруг снова предсказывает себе «невозвращение». Видимо, представление о Шире как о надежной опоре не изменилось, но изменилось представления о себе. Фродо говорит «...[Шир] уже не покажется мне прежним; потому что я не стану прежним» (*LOTR* 1294). Сам он называет причиной свои раны, но вряд ли это исчерпывающее объяснение (да и на «раны» можно взглянуть по-разному). Простой вопрос: «что происходит с Фродо в его два последних ширских года?» – вечная тема для дискуссий. Толкин пишет о неразумных са-

Тук в Леголаса, юного, молчаливого, который несмотря на все лишения в походе, способен был любоваться на мотыльков и звезды.

В конце третьей главы сюжет поворачивается таким образом, что Бинго должен найти Голлума, чтобы разузнать, откуда тот взял Кольцо, а тем временем Некромант собирался напасть на Шир – пока все неясно, но история постепенно прорисовывается, главные герои разделяются, меняют свои имена. Доведя своих героев до Бри, где они встретили еще одного хоббита по имени Троттер, Толкин решил, что хоббитов стало слишком много, к тому же ему перестало нравиться имя Бинго. Троттер превращается в Арагорна, Кольцо становится Единым Кольцом, а книга приобретает своё конечное название «Властелин Колец».

Толкин уже не хотел писать сказку, ему хотелось написать сотворить истинный миф. Но, несмотря на его желание, хоббиты никуда не делись, а стали играть еще более важную роль, как носители всего, что было так дорого Толкину. Из семейной шутки про папашу Гэмджи родился персонаж с таким именем, а главное появился Сэм, который потом будет одним из ведущих героев. Книга принимала серьёзный оборот, и имя Бинго стало совершенно неприемлемым, слишком простым, поэтому Профессор окончательно меняет его на Фродо, который ранее был одним из второстепенных персонажей.

На протяжении всех редакций, персонаж, носящий это имя, всегда наделялся такими чертами, как задумчивость, наблюдательность, говорил он мало, но всегда по делу. Уж не потому ли, что это имя само по себе наделяло своего обладателя такими чертами? Толкин в письме к Ричарду Джеффери (7 сентября 1955) так объяснял происхождение имени:

«Фродо — подлинное имя, заимствованное из германской традиции. Его древнеанглийская форма — «Froda». Со всей очевидностью восходит оно к древнему слову «frod», что этимологически означает «мудрый, благодаря опыту».

Конечно, может сложиться впечатление, что первоначального Фродо словно разобрали на части – прагматичность досталась Мерри, авантюрность Пиппину, мечтательность Леголасу, а имя перешло главному герою. Но ведь именно создание главного героя всегда дается очень тяжело, он словно собирается по кускам, вновь рассыпается, а потом снова является, словно какое-то озарение и требует продолжения своей истории. А еще получается, что немного Фродо есть в каждом персонаже, в каждом существе. А это значит, что каждый может изменить историю.

Эльвира Касимова

Иллюстрации: Ольги Куликовой

12. Имеются ввиду следующие варианты: Sauron Defeated (HOME, vol. 9). London: HarperCollins Publishers, 1993. 5-6.

Джон Хоу "Вид на Роковую гору"

моупреках и гордыне, как их обратной стороне[13] и, если допустить, что Кольцо, используя стремление помогать, внушало ему желание быть Спасителем Мира, то мысль о «провале» на Ородруине в «темные» моменты должна была быть невыносимой. Кто-то делает упор на психологию, достаточно работ, где чувства Фродо сравнивают с самоощущением «потерянного поколения», но финального ответа мы не получим.

На Переправе впервые в его устах звучит мысль о другом пути. После рассуждений о невозвращении ответ на вопрос «Где я найду покой?» подразумевает явно не Шир. Но пока это только вопрос, а не решение, к тому же, после того, как приступ проходит, исчезают и сомнения (во всяком случае, такие болезненные и темные).

Дальше все идет еще менее «сказочно» - за право вернуться домой приходится побороться. Читатель не сомневается в победе «выросших героев», ведь и Фродо вполне уверенно обещает «когда-нибудь простить»[14] арестовавшего их шерифа. Однако оказывается, что «победы» в привычном смысле Фродо не хочет. Впервые Фродо и Мэрри открыто оказываются по разные стороны (в области взглядов). Это отчасти объясняется тем, как они прошли войну. Мэрри стал настоящим воином Рохана, привык видеть врага перед собой и знает, как с ним бороться. Задача Фродо заключалась в том, чтобы научится видеть в том же Голлуме не только врага, прямое сражение с Сауроном для него было невозможно, а борьба с Кольцом – борьба с собой, где оружие бессильно. Фродо давно уже стал видеть Зло в других как искажение, а не как их свойство, поэтому теперь и не считает себя вправе судить никого. Так он и приходит к хорошо известной мысли Гэндальфа о милосердии[15]. Приходит не сразу и своим путем, ведь в отношениях с Голлумом он еще многого не сознает, полагаясь скорее на интуицию, на честное слово и слова Гэндальфа. В Кирит Унгол его суждения об «искажении» Злом уже больше похожи на сложившийся собственный принцип.

Орлы летят. Кадр из фильма "Властелин колец. Возвращение Короля".

Что касается других хоббитов, Пиппин тоже стал настоящим воином и поддерживает Мэрри, Сэм занимает привычную для себя позицию – защищать то, что любит, позволяя «господам» решать вопросы войны и мира. Каждый из них играет свою роль и действует так, как считает нужным. Стоит сказать, что действия Фродо кажутся наименее успешными. Он хотел избежать жертв, но не стремился утвердить свою волю[16]. В каждом конкретном случае (например, с пленниками) он готов отстаивать свою позицию, но с планом Мэрри в целом не спорит, возможно, понимая, что совсем без насилия обойтись не получится (или не получится только его силами). Фродо опять оказывается как будто в другой плоскости, его «борьба за Шир» - другая. Это скорее желание отстоять определенные ценности, как то «в Шире ни один хоббит не убил другого намеренно» (*LOTR* 1317). Ведь что Фродо называет «худшей бедой» для Шира? Не мельницы «дурака Лотто», не «мелкие козни» Сарумана, а слова хоббита, смеющегося над слезами Сэма по Праздничному дереву, хоббита, которому Шир не дорог. Такой взгляд на вещи не понятен большинству жителей Шира, поэтому он снова как будто находится в параллельном мире, и не раз то, что он говорит, остается без ответа - будто он не с товарищами разговаривает, а сам собой или с кем-то еще.

Тем не менее, свою роль в «очистке» Фродо играет. «Фродо стал личностью исключительной, но особого рода: скорее в плане духовного роста...» (*Letters*, №246, 331), - пишет Толкин, но явным это становится только во время конфронтации с Саруманом в Бэг Энде. На каждую фразу Сарумана у Фродо есть ответ, при этом он не стремится унизить Сарумана и о его поражении и надежде на исце-

13. «Я думаю ,внимательному читателю по размышлении ясно, что когда для него наступали темные времена и он сознавал себя «раненым клинком, жалом, зубом и тяжкой ношей», его мучали не только кошмарные воспоминания о прошлых ужасах, но и неразумные самоупреки: он видел себя и все, что сделал, как слом и поражение (broken failure). «Хоть я могу вернуться в Шир, но он уже не будет прежним, потому что я не буду прежним». На самом деле это было искушение из Мрака, последний проблеск гордыни: желание вернуться гером, не довольство ролью простого инструмента добра» (Letters, №246, 328).

14. «Но не забудьте, что я вас арестовал. - Не забуду. Никогда. Но могу вас простить...» (LOTR, 1310).

15. «Многие из живущих достойны смерти. И некоторые из умерших – жизни. Ты можешь вернуть им жизнь? Тогда не спеши осуждать на смерть» (LOTR, 78).

16. Доп. см. T.Shippi The Road to Middle-earth. P. 184-189.

ление говорит только в качестве крайнего аргумента. Фродо единственный в Шире, кто может ему противостоять, что заметно и по подбору слов: с момента появления Сарумана «на сцене» только он (позже с Гримой), Фродо и неопределенные «хоббиты», которые следуют за тем, кто говорит. Сэм выделяется из «хоббитов» только один раз - когда речь идет о жизни Фродо. Саруману хочется, прежде всего, выйти из ситуации победителем – это видно и в его словах о проклятье, направленных не только на запугивание, но и на то, чтобы показать хоббитам, что, если они его оставят в живых, то не из милосердия, а из страха. И нападение на Фродо (среди его вооруженных собратьев!) не похоже ни на «конвульсивный выпад» или попытку погубить врага вместе с собой (Толкин пишет, что Саруман цеплялся бы за жизнь до последнего) – он действительно верил, что, если бы ни Фродо, управиться с хоббитами или хотя бы уйти победителем было бы несложно. Маг почти не ошибся: Сэм – единственный, кто вытащил меч, даже после открытого нападения. После этого Саруман сдается, и черное предсказание действительно похоже на «последний укус», хотя он все-таки мешает остаться Гриме, который, кстати, на пороге замешкался и, возможно, собирался остаться. Это, видимо, и стало для Сарумана последней каплей – после маг погибает. Здесь Фродо ярче всего выражает желание отстоять те самые «отстраненные» ценности – уважение к чужой жизни (ведь и на тело Сарумана он смотрит не с презрением, а с «ужасом и жалостью» (*LOTR* 1335)), вне зависимости какой ущерб принесен ему или Ширу. Это делает его сильнее Сарумана, но, вместе с тем, и менее понятным даже для друзей.

Разоренный Шир и все неудачи, которые Фродо там встретил, стали для него одним из самых тяжелых ударов. В словах: «Среди всех моих надежд и страхов я никогда не думал, что падет он [последний удар войны] здесь, возле самой двери Бэг Энда» (*LOTR* 1335) - действительно весь Фродо, его ожидания и страхи. Как-то он сказал, что уходит, надеясь, что для кого-то Шир останется надежной опорой, теперь оказывалось, что и этой малости он для Шира не выторговал, да еще и не очень способствовал его освобождению. В отличие от своих друзей Фродо и здесь «как-то выпадает».

Макс Деннисон "Заветерь"

«Очистка Шира»[17] (для Фродо) - крушение очень многих прежних представлений, крушение надежды, что Шир и он сам, могут стать прежними. Дом его был разрушен. Но повествование и на этом не останавливается, не в первый раз сталкивая героя с разочарованием и «обманом надежд», автор продолжает повествование о новом Шире, как бы... заставляя героя?.. давая возможность?.. научиться преодолевать это.

«Белым был тот корабль...»

Для друзей Фродо подвиги, приключения, знакомства отошли назад, будто в сон. Для Фродо сном стала жизнь в Шире. Слишком долго его отделяло от жизни Кольцо, слишком долго он сам пытался отгородиться от всего кроме Цели – слишком многие нити и связи оказались разорваны. Примерно этого он и боялся, спрашивая: «Где я найду покой?».

Фродо сильно меняет отношение к Ширу: раньше он, как не ворчал на «этих пустословов», был частью этого мирка. Свои слова про то, что Шир должен оставаться безопасным и спокойным местом Фродо выстрадал и теперь Ширу будто незаметно покровительствует (но уже серьезно, мягко и без гонора – таковы его диалоги с Сэмом в последней главе), смотрит издалека, помогает, чем может, но из жизни «выпадает». Замечательно их примирение с Лобелией: в первой главе он выталкивает ее из Бэг Энда, в последней – выводит под руку из тюрьмы. Старые распри уже ничего не значат. Это совсем другой взгляд на мир.

Неизвестно, как именно Фродо мотивировал свой уход. В тексте подчеркивается его болезнь, и Толкин уточняет, что Фродо решился вновь покинуть Шир после второго тяжелого приступа. Даже если мы рассматриваем причиной только болезнь и тоску по Кольцу (которая и проявляется во время второго при-

Джереми Беннет "Разрушенный Хоббитон"

17. Интересно, что сначала у Дж.Р.Р. Толкина была совсем другая концепция «Очистки Шира», где и совсем по-другому был выстроена роль Фродо. Об этом: Sauron Defeated 79-107.

ступа), можно заключить, что Шир (и даже Средиземье) стали для Фродо тупиком. То, что с ним произошло, допущено силами более могущественными, чем можно встретить в Средиземье, значит и помощь должна прийти откуда-то еще. Сюда примешивается и потеря своего места (как он это чувствует), и отстраненность от «себя прежнего». В то же время не будем забывать заветное «кроме Моря»[18] и интерес к тому, что за пределами карты. Важно то, что герой ищет путь, ищет возможности найти дорогу снова. Может быть, Фродо и не всегда надеялся, но желание найти путь и идти по нему ни потери, ни неудачи в нем до конца не заглушили. Даже в мрачном «Морском Колоколе», где Толкин провел ассоциацию с «последними годами» Фродо, есть такие строки: «Хоть сгорблен я был/Я должен найти море/Я себя потерял и не знаю пути (почти буквально, как на Совете – А.Л.)/Но позвольте уйти»[19]. Решение уйти - в определенном смысле шаг в неизвестность, и здесь он, наконец, может, еще сомневаясь, полностью доверяется «эльфийской веревке».

И все же прощаться Фродо так и не научился и как будто снова боится уговоров. Мэрри и Пиппина он даже не предупредил, но зато впервые добровольно берет с собой Сэма (хотя и ему о цели похода говорит в последний момент), может, считая себя не вправе бросать его, не простившись, может, желая отодвинуть час прощания. В час прощания Фродо мало говорит о себе - называет только причину ухода («слишком глубокая рана»). В этих словах можно усмотреть сожаление и горечь, и, если бы было сказано только это, сцена стала бы трагичной, а герой в собственном восприятии «воплощением провала и неудачи». Но Фродо уже видит в этом смысл (или хочет, чтобы Сэм видел) – «отказаться, чтобы сохранить». И дальше – ничего о себе, только Сэм, его будущее, Шир, где должны помнить опасность не из-за подвигов Фродо Бэггинса, а «чтобы любили свою землю еще больше». Это опять борьба за сохранение ценностей, во имя которой (по его словам) и пишется Алая Книга (причем после всего, что случилось, пишется ровным почерком).

Да, из прежней жизни Фродо выпал, Шир перестал быть для него единственно возможным приютом, он что-то потерял, но его не оставили - ему предложили выход. И Фродо им воспользовался: он не сидел в Шире, оплакивая «непрожитую жизнь», а пошел дальше, полностью доверив себя – судьбе, а Шир – надежным хранителям. Толкин видел в его внутреннем беспокойстве проявления гордыни, то есть (в этом контексте) неудовлетворенность своим местом в жизни, неприятие своего пути. Это говорит с одной стороны, о том, что Фродо даже в конце книги свой путь еще не закончил, а с другой, - что, принимая этот дар, он как бы принимает и свой путь (хотя бы отчасти). «Хранители должны быть вместе» (*LOTR* 346), он был Хранителем, он не бежит от себя, а как бы делает шаг к новому осознанию своего пути со всеми его странностями и неудачами, к «осознанию своего положения в ничтожестве и в величии» (*Letters*, №246, 328), к подлинному смирению, которое так важно для Дж.Р.Р. Толкина.

Сафи Полил "Морской колокол"

История про Фродо не закончится свадьбой или фразой «и жил он долго и счастливо до конца своих дней», но значит ли это, что история плоха или плохо закончилась? И значит ли это, что она вообще закончилась?.. По пути в Гавани Фродо не так много говорит, но он поет, он поет про дорогу...

Вместо вывода

Как бы там ни было, что бы мы ни видели в конце: смирение или шаг в пустоту за отсутствием иного выбора или и то и другое, но последним знаком остается все-таки свет.

Свет фиала Галадриэли - последний его привет Средиземью. Свет Запада - дар для Фродо, который будто просыпается через сон, виденный в доме Бомбадила, оставляет позади зеленые холмы Шира, но готов встретить другую зеленую страну и восходящее солнце. Его друзья тоже находят свой свет. Мэрри и Пиппин поют песни, возвращаясь домой, и находят утешение в них и друг в друге, Сэма встречает мягкий свет круглого окошка, за которым его ждут. Свет для каждого свой. Как и должно быть.

Алиса Лапшина

Тэд Насмит "Отплытие из Серых Гаваней"

18. «В Ривенделле на обратном пути Сэм говорит: «Здесь есть понемногу от всего, если вы меня понимаете: Шир, Золотой Лес, Гондор, королевские чертоги, трактиры, луга, горы – все перемешано...» - «Да, от всего понемногу, Сэм, кроме Моря», – ответил Фродо. И он повторил это про себя «Кроме моря» (LOTR, 1335).

19. Tolkien, J.R.R.T.Tales from the perilous realm. London: HarperCollins Publishers, 2002. p. 64; 112; О Фродо и «Frodo's Dreme» («Sea-Bell») - Flieger, V.Splintered Light: Logos and Language in Tolkien's World. Kent: The Kent State University Press, 2002, p. 155-165

:i ᚹᚩᚱᚷᚱᚢᚾ :

: i ᚹᚢᚱᚹ ᚠᚩᚱᚷᚱᚢᚾᚷᚪ ᚸᚩᚱᚩᚠᚩ ᚷᚩᚱᚩᚠᚩᚹ :

TOLKIEN.SPB.RU

Издается с 1997 года

ПАЛАНТИР

журнал Толкиновского Общества Санкт-Петербурга

Статьи самых уважаемых авторов
Переводы новейших зарубежных работ
Неизданные труды Толкина
Материалы семинаров и конвентов

Журнал издается как в бумажной, так и в электронной форме
На сегодняшний день выпущено 62 номера
На сайте работает служба доставки, журнал можно получать по почте

Интервью с Людмилой Смеркович

Поездки на гитаре

Сказание о Берене и Лутиэн или, как назвал его Профессор, Лэйтиан – пожалуй, одно из тех самых полюбившихся нам преданий Первой эпохи, к которым порой надо возвращаться. Воспетая в творчестве менестрелей, эта история ни на грамм не потеряла своей актуальности и своей значимости. Вот почему я был так взволнован, когда впервые услышал цикл песен «Лэ о Лейтиан», написанный и исполняемый Людмилой Смеркович, известной более как Скади. О том, как возник этот цикл песен и о творчестве вообще, я решил разузнать у его автора.

С чего начиналось Ваше творчество? Как появились первые записи и первые концерты?

Они начинались с ролевых игр, точнее, с «Хоббитских игр» 90-х годов и первых ролевых конвентов того же времени – фестиваля «Зиланткон», в частности. Стихи я писала и до этого, и в компании однокашников пела Долину и Окуджаву, но я к своим юношеским опытам в этой области не относилась особенно серьезно – все молодые люди так или иначе это делают. А игры по Профессору и собиравшаяся вокруг них компания неожиданно подтолкнули меня к постоянному написанию текстов. Там же нашлась публика, которую волновали схожие вопросы и переживания – мы просто ездили на одни игры и делали одно дело, – и я сама не заметила, как стала автором-исполнителем. Потом, конечно, пришлось учиться – играть на гитаре более пристойно, работать на студии, держаться на сцене, общаться с залом. Но это уже получилось довольно естественным образом, поскольку было мне интересно.

В одной автобиографической заметке Вы написали, что обычно в предисловиях к чьей-нибудь биографии пишут: «продолжая традиции такого-то и такого-то, двигаясь в рамках стиля «Х», вносит смелые инновации, проявляющиеся так-то и так-то...» Какие традиции продолжает Скади, и какие инновации в них вносит?

Во-первых, европейскую традицию кельтских бардов и тулузских труворов. Я очень люблю поэзию и тех и других, часто стилизую свои тексты под кого-то из них. Да и мои «поездки на гитаре» больше напоминают жизнь этих людей, чем современную концертную деятельность. Я ведь не раскручиваюсь на радио, не работаю в схемах шоу-бизнеса – я приезжаю в другой город к друзьям, они собирают для меня аудиторию, и я пою, как правило, без продажи билетов: просто ставится шляпа, и кто-нибудь что-нибудь туда бросает.

Другая традиция – это прошлое поколение бардов, уже советских. Я в свое время знала наизусть большую часть песен Владимира Семеновича Высоцкого – не пела, поскольку женским голосом большинство его песен исполнять как-то странно, но помнила и могла цитировать страницами. Веронику Аркадьевну и Булата Шалвовича я уже упоминала – с ними мне просто было легче сладить, когда я начала петь, и уважение к ним испытываю такое же, как к Владимиру Семеновичу. Но творчество Высоцкого – это нечто совершенно недостижимое, а потому, наверное, чуть более любимое.

И еще одна из недостижимых для меня вершин – это Михаил Щербаков. Я много пою его песен, еще больше знаю текстов и завидую ему белой завистью – если в некоторых своих стихах я немного приближаюсь к его уровню, то это для меня большое счастье.

А насчет инноваций – право слово, не знаю. Мне кажется, это не мой вопрос, а кого-нибудь, кто станет анализировать мое скромное творчество с литературоведческой точки зрения, если такой человек найдется.

Продолжая разговор о стихах и текстах вообще. Вы не раз говорили об особом к ним отношении. В чем именно оно проявляется?

Скажу вам честно – я уже не помню, что имела в виду, когда это говорила. А если серьезно, я вообще стремлюсь достаточно

что посмотреть в сети?

http://skady.narod.ru
– официальный сайт Скади,

Интервью со Скади на радио «Валар»

«Лэ о Лейтиан»

Людмила Смеркович
Педагог, руководитель ролевых и оргдеятельностных игр, один из организаторов фестиваля «Зиланткон», автор многих статей и методических разработок по теории и практике ролевой игры, поэт, автор и исполнитель песен.

☆☆☆

За ворами, за веригами,
За варевом из вермутовых змей,
За каникулами, книгами
И кеннингами канувших князей,

Пролегает переливами палитра
От проливов до полей,
И мерещится и замирает Митра
У измеренных мелей.

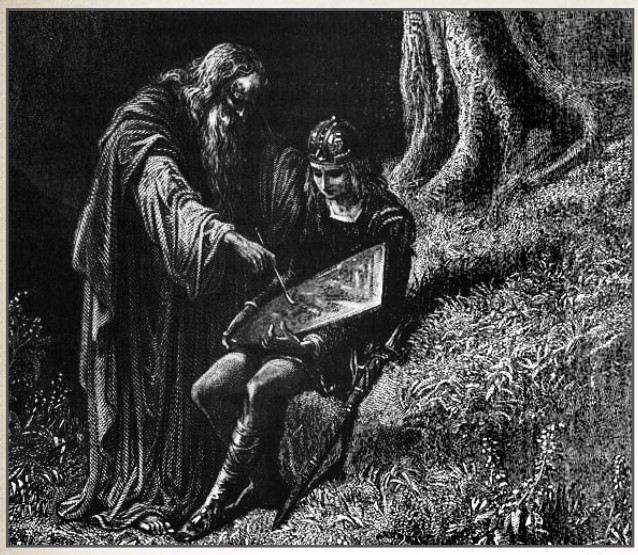
За горами, за гаремами,
За городом горящих гаражей,
За валами, Вифлеемами
И волею валимых витражей,

За могилой, за малиною
Замедленный молитвенный мотив.
За садами, за сединами
Садится сон, совета не спросив.

За дорогами, дарами и задорами
И деревом друзей,
За котурнами, которыми
Котируются карты королей,

За лавинами, заливами,
Зарею и зеленою золой -
Забредает балеринами
И болью и белеет берег мой.

9-10.05.95.



Поль Гюстав Доре
Мерлин наставляет молодого рыцаря

Мирддин-менестрель

В чаду и полумгле забитой маленькой таверны
Спой, Мирддин-менестрель, под грубых кружек грохот мерный.
Спой нам о чудесах, пока свечи фитиль неверный
Не молвит о богах в дыму и полутьме вечерней.

Как жаворонка трель, как пламя вспыхнувшей надежды,
Рассказ твой, менестрель, о королях, что были прежде.
Тебе ли отрицать – давно здесь ожидают люди,
Ты будешь прорицать о Короле, что в срок превудет.

Ты вспомнишь о мече, но в камень канет перекрестье,
Так пой же о мечте – она должна рождаться в песне.
Сверкает рукоять – там изумруд, топаз, сапфиры...
Ты должен только ждать, его звезда взойдет над миром.

Свет станет изливать, там власть и радость правосудья.
А смерть свою принять – на то богов лишь воля будет...
Хрустальная купель... Но только тонет все в тумане.
Спой, Мирддин-менестрель, о том, что дальше с нами станет...

Из «Брин-Мирддина»

аккуратно обращаться со словами – наверное, поэтому мне было несложно освоить работу редактора. Стихи этому учат, если стараешься писать хорошо – каждое слово должно стоять на своем месте, и именно это слово, а не какое-то другое. Этот подход к словам в поэзии предписан, а во многих других местах его очень сложно реализовать. Я иногда по привычке начинаю строить и в обычной речи словесные конструкции, как если бы собиралась ими писать – это сильно мешает в нормальной жизни, но здорово помогает в играх. Игры и стихи просто очень похожи.

Скади – это известный персонаж скандинавкой мифологии. Инеистая великанша, покровительница охоты. Почему в Вашем творчестве мало скандинавских тем?

Знаете, я выбирала это имя для игры путем чтения глоссария к скандинавским сагам, впервые взяв их в руки, и не думала тогда, что оно станет моим псевдонимом. И кстати, я не знала тогда, что это жена Ньёрда, лыжница и охотница – я это все потом прочитала, когда мы с коллегой начали делать игру по Исландии. Таких игр было всего две, поэтому при всей моей любви к этим местам и временам как-то больше песен не написалось.

Дж.Р.Р. Толкин, Мэри Стюарт, Стивен Кинг – вот далеко не полный список тех авторов, на сюжеты которых Вы пишете песни. Не возникало ли у Вас желания рассказать посредством песен свою собственную историю?

Посредством песен я уже это, кажется, делала – очень часто мои песни связаны с сюжетами игр, которые я строила сама. И эти истории далеко не всегда имели явные прототипы – хотя классических сюжетов не так много: сколько их типологий ни делали, все равно получается счетное количество. У Борхеса их вообще четыре.

Но мне кажется, что сюжеты лучше передаются в прозе, нежели в стихах (за исключением крупных форм, разумеется). А прозу я, сколько ни пыталась писать, у меня пока плохо получается. Она для меня слишком длинная...

Тем не менее, больших циклов песен вроде «Брин Мирддин» и «Лэ о Лэйтиан» на свои сюжеты пока нет. Не было похожих по силе и красоте историй или просто пока не выходит их рассказать в таком формате?

Вы меня озадачили. Не знаю. И «Брин» и «Лэйтиан» я писала не потому, что я решила описать сильный красивый сюжет, а просто стихи сами запросились на бумагу. Причины, по которым на другие темы еще никто с такой же настойчивостью не просится, мне неизвестны.

Возвращаясь к «Брину» и «Лэ о Лэйтиан». Как возникли идеи их написать? И если «стихи сами просились на бумагу», то было ли что-то похожее на толкиновское «В земле была нора, а в норе жил хоббит...», с которого «случайно» начался «Хоббит»?

Брин и Лэ о Лэйтиан – это совершенно разные истории. «Полые холмы» Стюарт меня преследовали где-то год, если не больше, и я писала «Брин Мирддин» кусочками – не в хронологическом порядке, а как получится – они приходили, а я их записывала. А уже потом я собрала все это воедино, не лучшим, кстати, образом – меня много и справедливо ругали за былинный стиль вставок, и я их никогда не зачитываю при исполнении – легче своими словами давать пояснения по ходу повествования. Так что у «Брин Мирддина» не было никакой «норы», он «прорастал». А «Лэ о Лэйтиан» – это было средних размеров безумие.

Началось все с того, что мы на игротехническом семинаре обсуждали толкиновский сюжет – не спрашивайте меня, почему и зачем, мы там вообще странными вещами занимаемся. Этих обсуждений было штук пять, они шли друг за другом с небольшими перерывами, было очень концентрированное время, заполненное анализом текста Толкина. Я на этих обсуждениях выступала, как правило, поставщиком материала – в нашей команде я больше всех читала Толкина, но пришлось все равно перечитывать, чтобы не путаться и не перевирать имена и факты. И где-то в разгар этих семинаров я поймала какое-то кристальное понимание – какова эльфийская судьба и человеческая судьба в мире Толкина. При очередном перечитывании «Сильмариллиона» я вдруг поняла, что Лэйтиан – это самая чеканная история, там все как-то очень ясно и рельефно. Я села как-то ночью и написала сначала Пролог, а потом сценарный план на 12 сцен. И начиная с этого момента, я две недели, не переставая, писала этот текст. Я ходила, конечно, на работу, что-то там делала, иногда спала, но основным занятием у меня было написание «Лэ о Лэйтиан». Когда ко мне обращались коллеги с рабочими вопросами или друзья от меня что-то хотели, я честно просила от меня отвязаться и продолжала писать. Потом около полугода пришлось редактировать все это безобразие, но основной объем текста и всю сюжетную последовательность я написала за 15 дней – ни раньше, ни позже я такого не делала.

Выходит, «Лэ о Лэйтиан» – история об эльфийской и человеческой судьбе в Арде?

Да. Этих судеб там несколько, и тех и других, но они все канонические, классические для этого мира, хотя и очень разные. Итак, в Арде (на мой и не только мой – еще и наш общий семинарский взгляд) развертывается две принципиально разные судьбы. Одна – это судьба старших народов, и это не обязательно эльфы, просто на их примере видно, пожалуй, наиболее ярко, что они по замыслу Творца не имеют собственной воли, и как следствие, выбора. У них есть некое предназначение – Финрод, например, его чувствовал, даже не понимая, в чем оно состоит, просто в какой-то момент четко понял, что ему нужно идти в Средиземье, хотя вроде бы лично ему там было делать совершенно нечего. В этом смысле эльф, гном, даже истари – это существа, которые поддерживают и хранят мир, и это дает им особые силы и способности, но ничего другого им не дано. Если они отказываются от своего предназначения, они становятся попросту никем – сыновья Феанора яркий тому пример. А есть принципиально другая судьба – человеческая. Это судьба, в основе которой лежит дар свободы, возможности выбирать. Причем нет критерия – правильно выбрал, неправильно, главное, что от выбора нельзя отпрыгнуть, сбежать, иначе перестанешь быть тем, кем ты

должен быть. Как ни странно, все темные силы, даже Мелькор при всем том, что он – вала, больше люди, чем, скажем, Гэндальф.

А Берен в этом смысле – представитель старшего народа?

Берен – ни в коем случае. Он ярко выраженный человек, чуть ли не самый человечный в первую эпоху. Разве что Турин еще соизмеримый с ним человек.

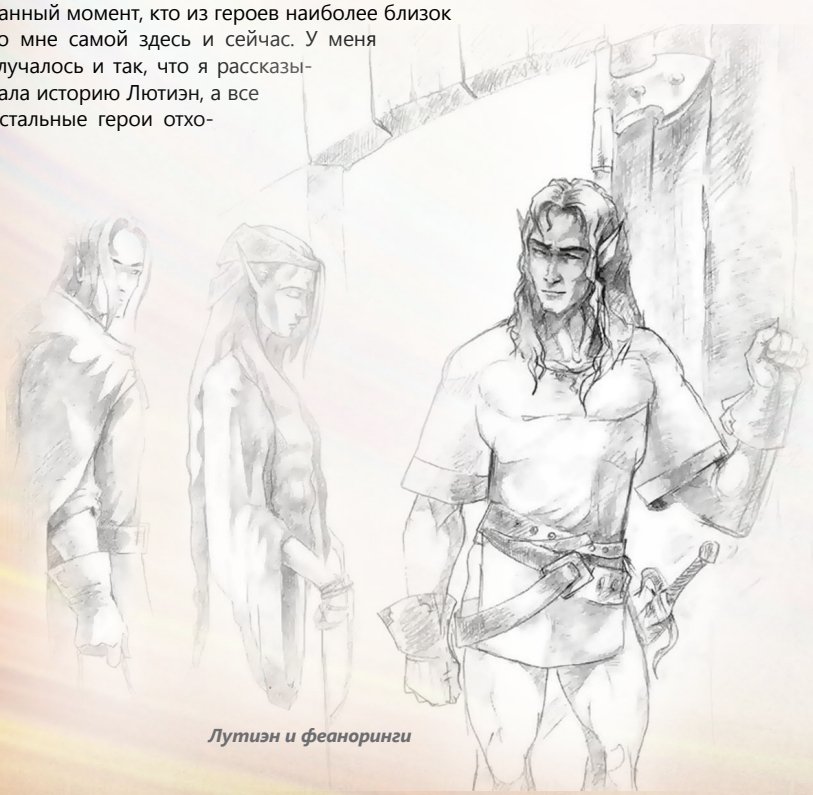
Но ведь Мелиан предсказала приход Берена в Дориат, да и прошел он, думаю, не только благодаря собственной воле и собственным усилиям, а Турин был в итоге побежден судьбой.

Предвидение – это проблема Мелиан, а не Берена. Берен просто спасался от погони, а потом просто встретил девушку своей мечты и решил, что она для него важней всего на свете. Несмотря на то, что он еще не отомстил за своего отца по своим же собственным понятиям, что его страна была завоевана, он решил – и все, выбор сделан. Дальше надо только от него не отклоняться, и ты или победишь, или умрешь человеком. А роль старших народов – вовремя попадаться на пути такого человека и делать то, что предназначено, направлять эту стихийную силу личного выбора, личной свободы, на благо миру. Именно поэтому всем, кто встречался на пути Берена – Тинголу, Мелиан, Финроду, даже братцам-феанорингам – Берен был необходим больше, чем они ему. Он был как маяк, который указывал, в какой стороне лежит их предназначение. Им ведь тоже не дано сверхзнание, для чего они пришли в этот мир, приходится нащупывать, искать. А человеку надо просто выбирать по-честному, и все дальше само сложится.

Мне почему кажется важным дословный перевод Лэйтиан – освобождение от оков – это история о том, как эльфийская принцесса, дочь майя, сумела стать человеком, то есть обрести свободу. Берену свобода была дана по праву рождения, но он, как положено человеку, доказывал свое право на эту свободу каждым своим решением, каждым шагом. Свобода – она такая: ее нельзя себе присвоить, положить в карман – за нее надо постоянно драться... И Лютиэн сумела у своего любимого этому научиться. Так что ее посмертный выбор прожить остаток жизни человеком и умереть – это совершенно логичное завершение этой истории. Даже то, что Мандос предоставляет ей выбор – показатель того, что ее признали человеком надмирные силы.

Думаю, не погрешу против истины, если предположу, что «Лэ о Лэйтиан» со сцены Вы исполняли уже не один десяток раз. Легко ли сохранять интерес к истории, когда постоянно рассказываешь ее?

А я не так часто исполняю «Лэ о Лэйтиан» именно по той причине, что эту историю надо рассказывать каждый раз заново. Ее нельзя раз и навсегда придумать и заучить – это бы противоречило уже упоминавшейся мной бардовской традиции. Я каждый раз вынуждена понимать, что для меня в этом кусочке эпоса важно на данный момент, кто из героев наиболее близок ко мне самой здесь и сейчас. У меня случалось и так, что я рассказывала историю Лютиэн, а все остальные герои отхо-



Лутиэн и феанринги

Поединок Саурона

Саурон:

Призываю я крылатый ветер с гор –
Любит он непрошеных гостей.
Если повстречается обманщик, вор –
Смерч его разденет до костей.

И клочья из маски
Он ввысь понесет.
Вихри, вихри в бешеной пляске!
Круговорот!
Вихри, вихри в бешеной пляске!
Круговорот!

Отковал я сам в подземной кузне ключ,
Открывает сердце он, как дверь.
Видишь, как мерцает этот бледный луч?
Он в любую тайну вхож, поверь.

Секреты, развязки,
Души черный ход.
Искры, искры в бешеной пляске!
Круговорот!
Искры, искры в бешеной пляске!
Круговорот!

Вижу я – с тобою рядом верный друг,
Знаю – он тебя от смерти спас.
Но когда опять сомкнется гибель в круг,
Предрекаю – он тебя предаст.

И в жизни, не в сказке,
Заввенье падет.
Лица, лица в бешеной пляске!
Круговорот!
Лица, лица в бешеной пляске!
Круговорот!

Финрод:

О стойкости храбрых тебе я спою в ответ.
Смертельный удар принимает рука на щит.
Хотел ты пробиться напором одним – но нет,
От мощи удара – слышишь? - копье трещит.

И воля сдержит силу.
И тайну скроют стены.
Не мне ты рыл могилу.
Ты сам страшишься тлена.

О вере и свете надежды я буду петь.
Послушай, как часто верность творит чудеса.
Ты думал меня поджечь – и я буду гореть,
Но так, как на утреннем солнце горит роса.

И рухнут башни тюрем.
И цепи разомкнутся.
Свободу дарит людям
Способность оглянуться.

О слове чести еще я тебе спою.
О том, что не только ложь к победе ведет.
Из липкого страха сплетал ты песню свою –
Теперь опасайся, тебя он скоро найдет.

И память станет книгой,
В которой все страницы
Для часа иль для мига,
Что должен повториться.

Саурон:

Эльфийских чар ни с чем не спутать звон пустой.
Я пропускаю ход, колдун. Пой.

и Финрода

Финрод:
Над лесами на восходе
Солнцу славу хор выводит.
И светило в поднебесье
Луч вплетает в птичью песню.

Солнце взошло над лесною страной,
Залит мой край ясным светом.
Льется напев, напоенный весной
Древним крылатым поэтом.

Я весенние чары слагаю над глыбами льда.
Пусть дорогу к морю найдет ледяная вода.

Длятся века над усталой землей,
Катятся войны волнами.
Но ожидает предвечный покой
Души бойцов за морями.

Час пробьет и отправится тень моя вниз по реке.
Я оставил когда-то следы на жемчужном песке.

На закате над морями
Разливает солнце пламя.
И сияет сквозь туманы
Дивный берег, край Амана.

Саурон:
Я услышал, что хотел.
Наконец, ты это спел.
Значит, нолдо валинорский
В мой направился предел…

Благословенная страна, земля поэтов и богов,
Тебя я слушаю, певец, и вижу все, как наяву.
Но в песнопении твоем заметно не хватает строф.
Ты нечто хочешь утаить. Дай, угадаю, почему?

Милосердна память твоя,
И забыл бунтовщик и вор,
Как упала тьма среди дня
На божественный Валинор.

И на белые камни в ночи
Кровь невинная пролилась.
Это нолдор, сковав мечи,
Посягнул на высшую власть
В Альквалондэ!

Все наездники пенной волны
В светлой гавани полегли.
И взошли Феанора сыны
На захваченные корабли.

В пасти моря стонали льды,
Расстилалась туманов муть.
И не видя света звезды,
Направляли изгнанники путь
В Хэлкараксэ!

Видишь, волки сбежались во тьме,
И цепей отдаленный звон.
Тени тех, кто погиб в тюрьме,
Обступают со всех сторон.

Голос бури сквозь волчий вой
И сквозь карканье воронья.
Я огонь возжигаю свой
И тебя отправляю я
В скорбный Ангбанд!

Из «Лэ о Лэйтиан»

дили в ее окружение, в декорации, и так, что главным героем становился Берен – он, кстати, был несколько раз совершенно разными героями. Иногда удается поймать в этот фокус Финрода, но это сложнее – он очень тонкий и одновременно сильный персонаж, его глазами смотреть, если честно, довольно страшно.

Резюмируя – меня спасает то, что профессор Толкин написал эпос, а в эпосе нет героев первого и второго плана, там все главные. И кто выйдет на яркий свет, а кто останется в тени – решает рассказчик, в зависимости от той конкретной истории, которую он плетет на глазах у своей аудитории, тоже совершено конкретной, той, которая ему смотрит в глаза в этот момент.

Каковы Ваши последние литературные открытия? И есть ли в связи с ними тексты, которые просятся на бумагу?

Самое главное событие, которое уже два с лишним года просится на бумагу и все никак не допросится – это одна кошмарная игра в Сети, длившаяся почти полгода и ставшая одним из самых ярких событий в моей жизни – не игровой, а совершенно реальной. Это игра «Доминион: Тени пограничья». Я на этой игре умудрилась сыграть монахиню, искренне верующего и живущего судьбой своей церкви человека – при том, что я по убеждениям атеист, мне самой был этот опыт крайне странен. И это был один из самых ярких сюжетов, с которыми мне приходилось сталкиваться, да еще так, чтобы я в него сама влипла. Поэму написать по мотивам этой истории почему-то у меня не получилось, и я стала писать прозу – поверьте, я не выбирала жанр, он сам меня нашел. А это для меня очень незнакомое поле, я в нем пробираюсь потемками, страшно медленно и коряво. Утешает только то, что до сих пор не бросила это гиблое дело, и хоть по полстранички, но пишу. Я мечтаю в этом году закончить первую книгу, а когда допишу вторую – страшно даже представить. Но я верю, что все-таки сумею победить этот текст.

Я почему еще хочу закончить эту штуку – она выедает все силы и воображение, поэтому с тех пор, как я ее начала, не пишу стихов вообще. Со мной и раньше случалось не писать стихи месяцами, но годами – это все-таки перебор. Мне почему-то очевидно, что пока я не добью свою первую серьезную прозу, стихи мне не светят. Это печально, но факт.

Есть ли что-нибудь, что Вы хотели бы сказать нашим читателям напоследок?

Читателям «Вестника Арды» я могу сказать следующее. Дорогие коллеги, я очень рада, что в сферу ваших интересов попадет журнал, посвященный творчеству великого словесника, фантазера и мифолога. Мне крайне важно знать, что есть люди, которым необходимо читать статьи о драконах и эльфах, скандинавских богах и несуществующих мирах – это на мой вкус куда как лучше, чем раскрученные и распиаренные темы, «актуальные» по Пелевину. Дело в том, что актуально (в настоящем, а не замыленном значении этого слова) и сейчас и в нашем ближайшем будущем не то, о чем принято сейчас писать и говорить – дефолты, инновации, финансовые потоки, рынки и войны с террористами. Актуально то, что позволяет нам действовать осмысленным, целевым образом – то, на что мы можем опереться в своем действии. Это может быть культурный образец, или бродячий сюжет, или любое слово, заставившее нас задуматься. Один из величайших мыслителей прошлого века, Георгий Петрович Щедровицкий советовал своим ученикам «прыгать с плеч великих», чтобы достичь чего-то действительно важного. Плечи профессора Толкина – одни из таких титанических плеч, с которых можно и нужно стартовать, если вы хотите быть людьми в нашем весьма негуманистичном современном мире. Удачных вам прыжков!

Беседовал:
Дмитрий Борисенков

Берен

Иллюстрации:
Павел Лексин

Загадки Средиземья: Тролли

Тролли тупы, неразвиты, не способны к ремеслам. Возможно, но не в Средиземье. Удивлены? Вполне возможно, этот народ преподнесет вам еще не один сюрприз.

Могучий, спокойный и мудрый тролль, не такой, какими мы обычно их представляем (Тим Хильдебрант «Могучий троль»)

Тролль скандинавский и тролль средиземский

На Земле родина троллей – Скандинавия. Скандинавские тролли на удивление разнообразны. Порой даже не верится, что все они – представители одного племени. Некоторые из них – огромные антропоморфные великаны, неистовые и злобные, а самые важные даже с несколькими головами. Другие – небольшие, чуть повыше гномов, с морщинистой кожей, проворные и скрытные, их очень трудно увидеть. Есть и совсем крошечные: например, небезызвестные Муми-тролли – это ведь тоже дальние потомки лесных троллей, маленьких, мохнатых... Если попытаться найти что-то общее в столь разнообразных представителях этого народа, то обнаружится, что тролли в сознании людей неразрывно связаны с камнем (по одной из версий – происходят из него); живут в горных пещерах, ценят богатство и усердно хранят награбленные сокровища; неразвиты и глуповаты, обмануть их несложно; живут скрытно и уединенно.

В Средиземье тролли не столь разнообразны и не так распространены. К сожалению, известно о них мало: обитают в диких отдаленных местах, встречаются нечасто. И, конечно, главное: тролли – враги народов, обладающих фольклором и письменностью. Но если отвлечься от антропо-, а также эльфо-, гномо- и хоббитоцентризма, можно неожиданно обнаружить такое количество поразительных и интригующих загадок, что может, эльфов тролли и не превзойдут в этом деле, но хоббитов догонят легко.

Так ли страшен тролль как его малюют?

Несмотря на то, что найдется немного источников, рассказывающих о троллях, в исторических хрониках и фольклорных материалах Средиземья они все же упоминаются. Правда, не вполне понятно, можно ли считать фольклорной единицей балладу, которую Сэм спел по просьбе своих товарищей на пути к Ривенделлу (*ВК* кн. 1, гл. 12). Пиппину она не была знакома, и есть предположение, что это произведение Сэмова пера. Но даже если стихотворная форма и авторская, представления, заложенные в основу сюжета, несомненно, взяты из легенд и побасенок, бытующих среди хоббитов. Тогда, отложив в сторону литературные достоинства формы, займемся непосредственно содержанием. Что же мы видим? Каким-то образом на тролля набрел некий хоббит Том. Заметим, Том вовсе не поражен, а главное, ничуть не испуган. Конечно, отчасти такой эффект можно списать на легкомысленный и беззаботный нрав хоббитов – такое же настроение мы наблюдаем в песенках о Томе Бомбадиле (*ТБ*), – но факты в них изложены правильно! Олифант из детской песенки Сэма (*ВК* кн. 4, гл. 3) тоже описан верно, хотя, действительно, получился менее страшным, чем на самом деле. Так что из баллады Сэма можно почерпнуть кое-что. Например, Тому тролли знакомы и не слишком его пугают. Встреча с ними происходит среди скал, но, видимо, недалеко от деревенского кладбища (что наводит Тома на мысль о разорении могил) а, значит, и от деревни (хоббитам вообще несвойственно забираться далеко в глушь). И, стало быть, тролль, придя в деревню, не напал на жителей, а всего лишь покопался в могилах! Далее мы увидим, что три тролля нападают-таки на людей, или, по крайней мере, говорят об этом. Однако, один представитель этого племени, встреченный Томом, кажется, не так уж и опасен: хоббит даже отваживается пнуть его, и действительно, не получает никакого

Осада Минас Тирита

реального противодействия, кроме угрожающих разговорчиков. Отчего же это так? Ведь тролли – мощные, огромные и малоуязвимые из-за своей толстой прочной шкуры создания (Том тоже быстро убедился в ее прочности). По-видимому, не очень страшными тролли кажутся из-за своей неуклюжести и замедленных реакций. В схватку с ними может вступить не только человек, но и хоббит – в битве у Моранонна Пиппину даже удалось победить одного (ВК кн. 5, гл. 10). Правда, вождь рейнджеров Арадор, дед короля Элессара, был убит горными троллями. Однако мы и не знаем подробностей этого сражения. Возможно, Арадор попал в засаду, или же троллей оказалось больше (*ВК* прил. А). В войсках Саурона, как мы знаем, тролли также сражались (*ВК* кн. 5, гл. 4; кн. 5, гл. 10; кн. 6, гл. 4), но насколько успешно – сказать трудно. Хотя в боях они участвуют (также и в Мориа мы видим пещерного тролля (*ВК* кн. 2, гл. 5), сражающегося вместе с орками), все же складывается впечатление, что Саурон больше старается использовать троллей там, где нужна грубая сила – тащить таран, катить осадную башню или вертеть лебедку: все-таки ловкость в бою решительно необходима.

Очень скоро Бильбо может стать вкусным ужином для голодных троллей. (Тэд Насмит «Бильбо и Тролли»)

НАПЕРЕКОР СТЕРЕОТИПАМ

В основном этим бы и ограничились наши сведения о троллях, довольно похожие на предания об их скандинавских собратьях – тупые, неразвитые, неуклюжие... если бы не знаменательная встреча Бильбо, Гэндальфа и тринадцати гномов с троллями Томом, Бертом и Биллом Хаггинсом в своем путешествии к Одинокой горе (*Х* гл. 2). Встреча была довольно драматичной для обеих сторон, и все же нам очень повезло, что мы имеем такой подробный и достоверный отчет об этом событии. Почему достоверный? Все просто: хоббиты не лгут. Ведь одна-единственная ложь Бильбо, вызванная к тому же особыми обстоятельствами – первая история обретения Кольца – повергла хоббитов в шок, а самого Бильбо в глубокое смущение (*ВК* кн. 2, гл. 2). Он просил за нее прощения на совете у Эльронда, через семьдесят семь лет после своего рассказа! В данном же случае ничто не побуждало его искажать истину, потому можем считать данный рассказ правдивым.

Бильбо увидел троллей впервые дождливой ночью, в неверном свете костра. Но, тем не менее, он ни капли не усомнился в том, что перед ним именно тролли. Значит, среди хоббитов в изобилии ходили рассказы, в которых тролли описывались более или менее верно, иначе как бы он сумел их узнать? Далее, Бильбо видит троллей у костра, в то время как вовсю поливает дождь. Даже гномы, бывалые путешественники и признанные мастера обращения с огнем и железом, не сумели развести костер. А тролли сумели!.. Значит, с огнем они управляются достаточно ловко, и умеют его не только поддерживать, но и добывать. Затем, тролли не нападают на гномов, когда становится ясно, что тех в отряде немалое количество, но терпеливо дожидаются, пока гномы один за другим попадут в устроенную засаду. Это косвенно подтверждает наблюдение, что тролли не так уж и опасны в небольшом количестве, а вот мнение о глупости и неразвитости троллей эта история как раз опровергает – здесь скорее гномы выглядят не слишком сообразительными. Кроме того, у троллей есть, оказывается, не только имена, но и фамилии! А это признак развитой социальной организации.

Еще одно важное дополнение: тролли пьют из бочки. Возможно, правда, что бочка украдена; но вот Бильбо поднимает выпавший из кармана тролля ключ – а эта вещь уж никак не может быть краденной. Пещера троллей снабжена хорошо пригнанной каменной дверью, прилаженной на петлях (Фродо на пути в Ривенделл тоже видел эти петли, хотя в это время дверь висела лишь на одной, которая, впрочем, сохранилась на открытом воздухе семьдесят семь лет – неплохо!) и запирающейся на замок ключом. Такие высокотехнологичные изделия как дверные пет-

Кузнецы. Гравюра И. Аммана

Это интересно

Железо в некоторых культурах начали обрабатывать, выплавлять из руды, получать из метеоритов еще задолго до начала Новой эры. Первыми этот секрет открыли древние хетты, хранили полторы тысячи лет, так и унесли с собой в могилу – другим народам пришлось открывать его заново. На заре веков железо получали в кузнечных горнах при относительно невысокой температуре, 1100-1300 °С путем продувки воздухом из кузнечных мехов. Железо восстанавливалось из руды в твердой фазе, не плавясь, а потом проковывалось в полосу кузнечным молотом. Процесс шел довольно медленно, требовал много труда, но железо получалось плотное, ковкое и очень чистое, почти без примесей. Изделия из такого железа не боялись коррозии даже на открытом воздухе.

ли, замок и ключ говорят о высоком уровне мастерства. Скорее всего, их изготавливали тролльи мастера - вряд ли удалось бы заказать такое изделие гномам или людям. Это означает, что тролли умели добывать руду, выплавлять качественное железо, и изготавливать сложные изделия. Конечно, тролли порой служат в орочьих войсках и теоретически могли бы раздобыть подобные изделия у орков, но в подземельях Мглистых гор не видно запирающихся помещений (в башне Кирит Унгол запертые двери имеются (*ВК* кн. 6, гл. 1), но это уже совсем другое государство и иной уровень технического оснащения, да и башня эта изначально людской постройки). Кроме того, в одежде троллей есть карманы, а это означает развитое ткачество и портновское искусство: в набедренной повязке из шкур карман не сделаешь. Значит, их одежда была сшита из ткани – а это целая отрасль навыков и технологий. Да, мечи Оркрист, Гламдринг и Жало в пещере троллей, конечно, не тролльей работы – это подтверждают и Гэндальф (*Х* гл. 2), и впоследствии Эльронд (*Х* гл. 3), но меч вряд ли годится могучим медленным троллям – для них лучше подошла бы булава или дубинка. Скорее всего, они раздобыли это красивое оружие в каких-нибудь курганах – мы уже знаем интерес троллей к людским могилам (*ВК* кн. 1, гл. 12).

Наконец, самая главная загадка этого приключения – кошелек с сигнализацией. Каким образом была устроена эта сигнализация, мы, к сожалению, судить не можем: никаких подробностей, кроме той, что она исправно сработала, Бильбо не сообщает. Но все же: троллья сигнализация для кошельков была известна Бильбо и до этого случая, хотя он впопыхах и не подумал об этом заранее. Значит, разговоры о подобных вещах среди хоббитов ходили, пусть хотя бы и в виде «каминных» россказней. Они, однако, оказались правдой, как и многие хоббичьи рассказы – тут, может, вновь уместно вспомнить высокий нравственный уровень этого народа: хоббиты не лгут. Значит, это происшествие было не случайным, и сигнальные кошельки действительно были характерной принадлежностью троллей. Это, опять же, очень о многом свидетельствует: как и замки, подтверждает развитые общественные отношения – во-первых, и не ожиданно высокий уровень технического мастерства – во-вторых.

Возникает предположение, что многочисленные рассказы о тупости троллей основаны в основном на их замедленной реакции – а это, скорее всего, связано с физиологическими особенностями организма. Слон, допустим, тоже не больно-то шустр, однако это не мешает ему быть весьма умным и развитым среди животных. К тому же стоит обратить внимание на одно существенное обстоятельство: пусть мы не знаем, что за деньги были у троллей в кошельке – своей чеканки, найденные в древней сокровищнице или награбленные; но даже если и найденные – тролли, значит, не только понимают ценность и привлекательность денег, но и носят их с собой. Это может означать лишь одно: деньги нужны троллям для совершения каких-то торговых сделок. Иначе в лучшем случае монеты были бы присовокуплены к общей куче (такая тоже, как мы знаем, имелась). А где деньги там и арифметика – их ведь еще нужно суметь сосчитать.

Вот и начинает вырисовываться несколько иное, чем обычно принято, представление об этом народе: развитая социальная организация, достаточно высокий уровень технического мастерства, счетные навыки... А то, что мы мало знаем о троллях – это, скорее, промашка людей.

Во «Властелине Колец» встречи с троллями происходят в основном на поле боя. Тролли служили в войсках Саурона и работали на него: в битве на Пелленорских полях их задачей было разрушить тараном ворота Минас Тирита, в битве при Моранноне горные тролли воевали непосредственно. Также в войсках орков Мориа были пещерные тролли - отряд хранителей видел по крайней мере троих (*ВК* ч2, гл4).

Это интересно

Производство ткани – очень древняя технология: примитивный ткацкий станок из нескольких палочек, связанных стеблями травы – одно из первых изобретений человечества. В некоторых индейских племенах жители мастерят такой станочек на скорую руку каждый раз, как возникает нужда наскоро сделать себе набедренную повязку: когда понадобится следующая, такое приспособление нетрудно будет сделать снова. Материалом для плетения тканей могло служить что угодно: грубые растительные волокна – лен, конопля, крапива, шерсть и волосы различных животных. Для более сложной одежды станки, конечно, были крупнее – до 2 метров высотой. Волокна сначала пряли, скручивали в длинную нить, затем на станках ткали полотнище материи. Для производства тканей с национальными узорами или ручных ковров кое-где до сих пор используют ткацкие станки, такие же,, как те, на которых ткали материю наши предки на заре времен.

Ткач. Гравюра И. Аммана

Автор отошел от канона. Здесь дверь у троллей деревянная, с красивой ручкой и железной ковкой.

(Поль Грегори «Окаменевшие тролли»)

Для полноты картины упомянем еще сцену, мельком увиденную Бильбо, Гэндальфом и гномами в Мглистых горах (*X* гл. 4), когда во время грозы швыряли камни в пропасть «каменные великаны» – возможно, это также какая-то разновидность троллей. В преданиях Рохана упоминается «снежный тролль»: с этим существом сравнивали Хельма Молоторукого, когда он во время Долгой зимы, после гибели в снежных пустынях своего сына Хамы, пробирался в лагерь дунгаров, завоевавших Рохан, и убивал врагов голыми руками (*ВК* прил. А). Вот и все, что известно об этом племени – не так много.

Самое удивительное свойство троллей – превращаться в камень под воздействием солнечных лучей

(Дж.Р.Р. Толкин «Тролли»)

Загадка троллей

Немало неожиданностей вдруг оказалось в этом скромном объеме сведений. И все же самое потрясающее и загадочное свойство троллей – мгновенное превращение в камень под воздействием солнечных лучей. Конечно, Солнце, созданное из плода Великого Древа Лаурелин, было не по душе созданиям Моргота, но такая мгновенная метаморфоза все равно удивительна и едва ли поддается рациональным объяснениям. В это почти невозможно поверить, но ничего не поделаешь – это действительно произошло. Практически на глазах у тринадцати гномов и Бильбо. Освободившись от мешков, они своими глазами увидели эти окаменевшие фигуры. Затем спустя много лет их видели Арагорн, Фродо, Сэм, Мери и Пиппин. Так что приходится признать это фактом, хотя и чрезвычайно удивительным. Как может на живой организм так подействовать солнечный свет – непонятно. Конечно, ультрафиолетовое излучение вредно, хоть большая часть его и поглощается озоновым слоем, но вряд ли он может объяснить, как мог быть активирован столь мгновенный и необычный для живого существа процесс. Известна, правда, литификация древесины, костных тканей, еще кое-каких органических веществ... В принципе это возможно. Но за считанные минуты? Невероятно!..

Однако похоже, что отыскался умелец, который не только разрешил эту поразительную загадку, но и нашел спасение от столь ужасного воздействия – Саурон. Как бы он ни был жесток и коварен, но ни в уме, ни в самом разнообразном мастерстве ему никак не откажешь. – мощные и достаточно проворные олог-хай, появившиеся в Южном Темнолесье вблизи границы с Мордором в конце Третьей эпохи, могли спокойно находиться на солнце (*ВК* прил. D). Битва на Пелленорских полях происходила, правда, в искусственно созданном затемнении – может, как раз для того, чтобы троллям, да и оркам, было легче воевать, – но уже битва при Моранноне шла при полном свете дня, утром, и тролли в ней участвовали (*ВК* кн. 5, гл. 10).

Есть, однако, мнение (*Письма* №153), что в Средиземье и до Саурона существовали разные виды троллей. В различных летописях упомянуты, кроме каменных и почти неизвестных снежных, пещерные, холмовые и горные (*X* прим. 28). Они могли иметь разное происхождение и иные физиологические свойства, и может быть, не всем видам троллей был настолько опасен солнечный свет. Точные сведения такого рода получить трудно, но предположение выглядит довольно правдоподобным: пусть тролли и не столь многочисленны, но окаменевшие нам встречаются лишь раз. Если бы всем троллям грозила подобная беда, это зрелище встречалось бы чаще и не вызывало столь сильного изумления. Возможно и то, что Саурон набирал в свои войска лишь наиболее стойких к солнечному свету.

Как бы то ни было, представление о троллях, как о бессловесном орудии сил тьмы, может быть не совсем верным. Тролли оказались полны сюрпризов. Увы, встречаться после войны Кольца они стали все реже, так что вряд ли и будущее поможет проникнуть в их тайны.

Мурашко Елена

Это интересно

Литификация – это процесс превращения рыхлых осадков или органических тканей в камень. Чаще всего литификации подвергаются твердые части организмов: кости, зубы, панцири. Но бывает, что и мягкие ткани тоже минерализуются.

Самые благоприятные условия для литификации наступают, когда доступ воздуха к организму перекрыт толщей осадочных пород, а вода, которая просачивается сквозь породы, насыщена минеральными солями. В этом случае минералы из раствора начинают откладываться на стенках пустот, которые мало-помалу образуются в органической ткани. Органические ткани постепенно разрушаются, и минеральный субстрат занимает их место. Протяженность этого процесса может быть очень различной: от сотен или даже тысяч лет до нескольких месяцев. В музее Всероссийского научно-исследовательского геологического институтав Санкт-Петербурге есть бывшая деревянная лесенка, забытая старателями в известковой пещере. Они вернулись за ней через пару недель, но влажность и концентрация растворенных минералов оказались так высоки, что лесенка за это время полностью окаменела. Таким образом, окаменелость – это точная каменная копия бывшего существа или предмета.

Окаменелый скелет сципоникса с сохранившимися внутренними органами (музей естественной истории, Милан)

Книжная полка

Этот раздел «ВА» посвящен хорошим книгам в жанре фэнтези. Многие из нас, начав свое знакомство с этим жанром с произведений Джона Рональда Руэла Толкина, были в свое время разочарованы тем, что в отличие от текстов Профессора, большинство историй «меча и магии» лишены и мира, и сюжета, и какой бы то ни было мысли, а потому переставали обращать внимание на книжки в обложках с драконами и замками. Однако среди мутного вала приключенческих поделок легко потерять или не заметить настоящую литературу фэнтези или пограничных жанров. Чтобы помочь любителям вымышленных миров заполнить книжные полки действительно хорошими текстами, мы начинаем публиковать рецензии на произведения российских и зарубежных авторов, которые, на наш взгляд, стоит читать.

Плеханов Сергей Николаевич «Заблудившийся всадник»

Молодой человек-фольклорист с незамысловатой фамилией Ильин услышал в экспедиции про странный подвал, где якобы пропадают люди, и решил проверить. Проверил. В одиннадцатом веке, где он оказался в компании столь же пытливых «исследователей» из разных времен, нашему герою довелось пережить много приключений и стать свидетелем рождения легенды… Знакомо, не правда ли? Только это не бестселлер прошлого (позапрошлого, нужное вписать) года, изданный в АСТ (Эксмо, ненужное вычеркнуть). Роман Сергея Плеханова – к тому времени автора нескольких книг, в том числе биографии А.Ф. Писемского в ЖЗЛ – вышел в серии «Библиотека советской фантастики» в 1989 году.

Взяв икону под мышку, Виктор машинально протянул руку, чтобы взглянуть на безделушку… Из-за иконы выскользнул плоский предмет странно знакомой формы. Поверхность его отразила огонек лампады, пустив зайчик на стену. «Часы!» – чуть не вскрикнул Ильин… Поднеся находку к свету, прочел на циферблате «Paul Bure»…

Сюжетный ход, который уже навяз в зубах за годы, тогда был неизбит, но за попытками героев найти путь домой (в отличие от нынешних «попаданцев» – тем в дебрях седых времен как медом намазали) явственно проступает другое. И очевидная симпатия автора к языческому мировосприятию (обратите внимание на завершающий книгу очерк о христианизации Европы), и попытка дать свою трактовку «проблемы бабочки».

Славянские жрецы узнают в йогических асанах хорошо знакомую им практику и бережно хранят свои «велесовы книги», советский фольклорист напевает седому сказителю древнерусскую былину, а меж тем кто-то ищет и уничтожает таких вот «гостей из будущего», которых, оказывается, не так уж и мало… Конец 1980-х годов. Неоязычество еще не стало популярным, в книжных магазинах и слыхом не слыхали слова «фэнтези». Вплетенные в сюжет идеи – научные и совсем не научные – ведомы пока мало кому, кроме специалистов да узкого круга энтузиастов… Представляете, как читали эту книжку мы, подростки рубежа эпох? Это теперь и язык кажется не столь гладким, и «исторические» экскурсы – порой наивными и занудными. Главное – не в этом. Герои Сергея Плеханова – не супергерои с базукой за пазухой и черным-пречерным поясом. Обычные люди разных эпох и культур, вместе оказавшиеся в очень неприятной переделке, обнаружившие в себе способность мановением руки лечить болезни и валить вековые деревья (побочное следствие перемещения во времени), мечтающие дожить до возвращения домой – и оставшиеся при этом людьми. Очень не хочется, знаете ли, лезть в злосчастный подвал (аллюзия на подвал с машиной времени из чудесного детского сериала тех лет?). А в книжку, порядком подзабытую – стоит. И как историю нашей фантастики, и как сочинение, дающее фору многим «корифеям» русской фэнтези.

Кстати, у книги есть научный рецензент (найдите-ка примеры в современной исторической фэнтези. Нашли? То-то) – Аполлон Григорьевич Кузьмин. Доктор, профессор, автор монографий и статей… Его уже нет на свете, но как живой он передо мной: большой, солидный – и по-юношески задорно, экстравагантно, изящно мыслящий. В «Заблудившемся всаднике» есть и его мысли, идеи, труд. А

Маленький мальчик в крипту залез.
Свет появился, и мальчик исчез…
А.В. Шмалько

Плеханов Сергей Николаевич
Заблудившийся всадник
- **Жанр:** научная фантастика
- **Издание:** 1989 г.
- Читать

С. Н. Плеханова заинтересовала политика современного Востока. Палестина, Саддам, горящая нефть и горячая кровь…

«Ладья повернулась по ветру, парус опал и беспомощно захлопал. Но Ильин не хотел ничего видеть и слышать. Он лежал на дне, сотрясаясь от рыданий. Он… снова и снова слышал шепот Василия: «Выбирайтесь, ребята, отсюда… Здесь нельзя».

Алексей Клемешов

Мэри Стюарт «Жизнь Мерлина»

Трилогия английской романистки, сумевшей совместить в одном произведении жанры исторического романа и фэнтези. В трилогию входят:

•Кристальный грот (The Cristal Cave, 1970)

•Полые холмы (The Hollow Hills, 1973)

•Последнее волшебство (The Last Enchantment, 1979)

История короля Артура и рыцарей Круглого стола рассказывалась неоднократно самыми разными авторами, начиная с Томаса Мэлори, отца Артурианы, и заканчивая сценаристами современных фильмов – например, в «Первом рыцаре» Джерри Закера с Шоном Коннери и Ричардом Гиром в главных ролях. Центральными героями в этих произведениях чаще всего становятся воины и властители – король Артур, сэр Ланселот, сэр Кей и их вечные оппоненты – принц Мордред и колдунья Моргауза, тоже, между прочим, принцесса по рождению.

«Жизнь Мерлина» Стюарт стоит среди этих историй особняком не только потому, что это не рыцарский роман. Главный герой трилогии – Мерлин, сын Амброзия, или, на валлийский лад, Мирддин Эмрис. Непривычная трактовка образа великого волшебника бросается в глаза с первых строк. Перед нами не загадочный колдун, а обычный мальчик, рожденный вне брака принцессой Уэльса Нинианой от загадочного незнакомца. Ходят слухи, что это был посланец потусторонних сил, но дядя юного бастарда, посмотрев на племянника, задает резонный вопрос:

– Необычный набор имен для христианского семейства. Выходит, черт был римлянином?

Мать вздернула голову.

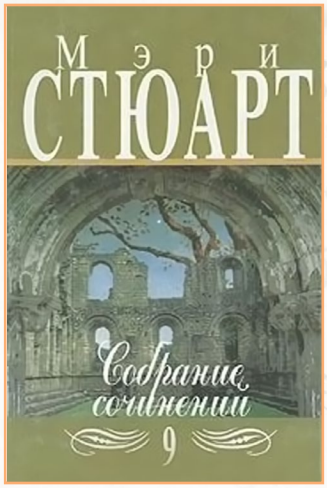
– Может быть. Откуда я знаю? Было темно.

Дальнейшее повествование о жизни Мерлина Амброзия постоянно балансирует на грани между обыденным миром, где сталкиваются интересы людей, где делят земли, власть и влияние, где кипят обычные человеческие страсти, и загадочным Кристальным гротом, источником видений и прозрений, направляющих юного Мерлина навстречу его странной судьбе. Сложно сказать – фантазии ли это, сны, случайные совпадения или вмешательство каких-то божественных или дьявольских сил. Но очевидно одно – даже если знаки посылаются свыше некими загадочными силами, воплощать подсказанные ими решения приходится исключительно человеческими способами. Мерлин будет мчаться верхом в ночь, опаздывать, попадать в засады, неумело драться мечом, обманываться, падать, подниматься и все равно идти к своей цели, рассчитывая только на свой ум, волю и верность друзей. Будут и проигрыши, и неудачи, и ошибки, за которые придется дорого платить и, несмотря на все это, время от времени невозможные с обыденной точки зрения деяния, которые и принесут этому человеку славу волшебника.

Красива версия Стюарт о том, на чем основано волшебство Мирддина Эмриса – это сочетание кельтского друидического знания, почерпнутого от отшельника, которого Мерлин повстречал в детстве, и римского военного образования, полученного нашим героем от своего отца – графа Амброзия Пендрагона. Загадочный колдун пятого века нашей эры – это врач, поэт, военный инженер, наследник двух европейских культур. Именно уникальное образование и причастность сразу к двум традициям, а вовсе не помощь духов и богов, позволяет Мерлину видеть шире, чем его современники, понимать значение тривиальных, на первый взгляд, событий и даже заглядывать в будущее.

Это история о человеке, сумевшем повернуть историю своей страны от падения в пропасть к яркому взлету, создать на века символ Великой Британии и при этом самому не стать властителем, войдя в легенды, как Мерлин-Делатель-Королей. Очень советуем прочитать.

Людмила Смеркович



Мэри Стюарт
Собрание сочинений в двенадцати томах. Тома 8 – 10. Жизнь Мерлина.
- **Жанр:** исторический роман, приключения, фэнтези
- **Переводчик:** Инна Бернштейн
- **Серия:** Золотая серия фэнтези
- Читать

Головин Геннадий Николаевич «Нас кто-то предает»

Но когда все уйдут, Господи, оставь мне
Серые камни на зеленой траве.
Б. Б. Гребенщиков

Головин Геннадий Николаевич
Стрельба по бегущему оленю.
- **Жанр:** исторический детектив, фантастика
- **Издание:** 1995 г

Серые камни, серая земля, серое небо… Где-то рядом и буйная, наглая зелень, и невероятного цвета море, и фрукты, и молодое вино. Но это – потом. А пока – серые камни, серая сухая земля… Южная археология – для непосвященного чистая каторга. Но если ты вошел в круг избранных и умеешь видеть, то невзрачные камни оборачиваются ступенями роскошного дворца, а зеленая, рассыпающаяся в руках штуковина – зеркалом, ловящим взгляд дивной красавицы. Вот так, из потока текстов, на которые и глядеть не хотелось, возникла вдруг эта повесть.

Безвременно умерший не так давно Геннадий Головин (что за возраст для писателя – немногим за шестьдесят!) написал тогда о подростках, которые перешли грань времен, чтобы стать взрослыми. В те же годы наша Родина переходила Рубикон, и название повести било наотмашь. Почти два года оставалось до Октября 1993-го, и еще больше – до Первой Чеченской.

– Боюсь, мне не встать уже с этого ложа. Мне не к кому обратиться за помощью, кроме тебя, Тимур Далмат. Ты знаешь дом на Ореховом мысу? Там живет старик Адльбер с тремя сыновьями… Скажи, не забудь: "Нас кто-то предает!" Адльбер – последний, кто может что-то сделать. Торопись, Далмат! Страшная беда грозит нашему народу. Тимур осторожно притворил за собой дверь, выйдя на улицу. Трудно было понять, "какое нынче на дворе тысячелетье"…

Страшная гроза, один за другим падающие столбы уличного освещения, удар током – и рвется ткань времени. Рвется, приоткрывая бросившемуся спасать свое судно «Анастасия» пареньку Тимуру Далматову мир древнего Перхлонеса, на месте которого живет своей жизнью небольшой приморский городок. На глазах Тимура улицы, набережные, летние кафе городка занимают варвары – сытые, наглые, покупающие за деньги все, что захочется. Перед ними унижаются старики и угодливо суетятся молодые парни, и ничего с этим не поделаешь. Здесь. Может быть, там, где в ледяных горах не покорившиеся власти владык Перхлонеса воины вождя Даута ждут своего часа, удастся что-то изменить? Но там доблесть и верность тоже бессильны перед изменой и предательством. И угодливо прогибается реальность, пропуская в обе стороны – попросту, без треска и блеска – совсем еще мальчика Тимура Далматова (или уже воина Тимура Далмата?) и увязавшуюся за ним девчонку Сандру. События прошедших и нынешних дней переплетаются, и уже не разберешь, где асфальт сменяется мощеной черепками дорогой, а свет фонарей – огнями факелов.

Много открытий предстоит Тимуру и Сандре, и не слишком-то приятных: пожары, смерть, яд – чего уж тут хорошего. И еще одно – за восстановленную справедливость, оказывается, надо платить. В любом из миров. В конце концов, не столь уж важно, какое обличье примет месть растревоженной реальности… Куда важнее не научиться ее бояться, испуганно выглядывая из уютной норки (хаты с краю, высокой башни, теплой квартирки). Герои Геннадия Головина повзрослели, так и не успев овладеть этим сомнительным искусством.

Вологжанин по происхождению и американец по рождению, Головин (1940–2003) писал редкостно интересным, вкусным языком. Без вычурности и эффектов. До обидного мало написал – зато не ради денег и статуса, а для души. И очень искренне.

Прошло много лет с тех пор, как мне довелось прочитать эту повесть. Маленький приморский городок теперь, говорят, сильно изменился. На месте старого домика, где жили Далматовы, наверняка чей-то особняк, кораблик «Анастасия» давно сгнил на берегу, а местный музей, хранилище перхлонесских древностей, скорее всего разграбили во время недавних событий. Нас опять кто-то предает. А мы – уже успели научиться бояться?

Алексей Клемешов

Прочитали журнал?
Оцените его на
HTTP://HERALDOFARDA.RU/

Над выпуском работали:

Главный редактор
Дмитрий Борисенков

Редакторы:
Александр Бочкарев
Крис Ли
Игорь Савин

Статьи и интервью
Илья Старцев
Алиса Лапшина
Евгения Воробьева
Люмила Смеркович
Алексей Клемешов
Елена Мурашко
Мария Енгалычева
Дмитрий Борисенков
Ольга Маркелова

Стихи
Анастасия Ананасова
Ольга Маркелова

Корректура и вычитка
Георгий Кварцхелия
Василий Иванов

Дизайн и оформление
Крис Ли
Александр Залесов
Ольга Малышева
Маргарита Анипова

Логотип
Татьяна Делеговская
Александр Залесов

Особые благодарности
Алексей Никулин
Александр Залесов
Мария Семенихина
Вероника Лаубе
Василий Иванов
Эльвира Касимова
Екатерина Маркина

Вестник Арды

А что умеешь ты?

Если ты умеешь рисовать, верстать, писать стихи или прозу, оформлять статьи, если тебе хочется сказать людям что-то о мире Арды (или фэнтези в целом) или даже если нет, но заинтересовала идея – ждем в нашей редакции!

Контактный e-mail
chiefeditor@heraldofarda.ru